
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

4

2024

НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

Москва

2024

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: А. С. Кулева, А. Д. Подгорная

Отдел рецензий: М. И. Сатина

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2024

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

4
JULY — AUGUST

Moscow
2024

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Anna S. KULEVA, Anastasia D. PODGORNAYA

Review editor: Maria I. SATINA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

Содержание

А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе	7
Р. В. Ронько, А. Д. Анисимов, Е. А. Заливина, С. А. Землянская. Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора	27
М.-Э. А. Винклер. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности	45
Е. Е. Полякова. Когда обо всем узнаешь последним: эвиденциальность в хваршинском языке	77
Е. М. Будянская, Д. О. Жорник, Т. В. Корнев. Варьирование лабиовелярного аппроксиманта и лабиализованного звонкого велярного фрикатива в науканском языке	96
I. B. Itkin. Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin II. Formes du duel, formes du prétérit, formes nominales choisies	121

Обзоры

С. А. Бурлак. Звуковые изменения: вариативность и регулярность	135
--	-----

Contents

Aleksey A. GIPPIUS. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2023	7
Roman V. RON'KO, Arseniy D. ANISIMOV, Ekaterina A. ZALIVINA, Sofia A. ZEMLYANSKAYA. Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect	27
Maria Emilia WINKLER. Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: Interaction with quantitative scales and the development of ambiguity	45
Eva E. POLIAKOVA. When you are the last one to know: Evidentiality in Khwarshi	77
Elena M. BUDYANSKAYA, Daria O. ZHORNIK, Timofey V. KORNEV. Variation of the labiovelar approximant and the voiced labialized velar fricative in Naukan Yupik	96
Ilya B. ITKIN. Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin II. Formes du duel, formes du prétérit, formes nominales choisies	121

Overviews

Svetlana A. BURLAK. Sound change: Variation and regularity	135
--	-----

Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе

© 2024

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья содержит предварительную публикацию 19 берестяных грамот XII — начала XVI в., найденных в археологическом сезоне 2023 г. в Великом Новгороде (№ 1158–1172) и Старой Руссе (№ 55–58). В историческом отношении наибольшую ценность представляют три грамоты XIV в.: № 1164 — запись разверстки сбора податей, отражающая децимальное членение населения Новгородской земли, № 1164 — челобитная, адресованная корпорации «скотников и помужников», осуществлявшей управление территориями в Заонежье, № 1170 — протокол судебного заседания с упоминанием бояр. Лингвистический материал публикуемых грамот включает редкий пример словоформы И. ед. *поклоне* в адресной формуле письма, использование буквы ъ для записи [ʼo], очередной пример рефлексации сочетания ъ + o в виде *a*, первые фиксации слов *ѣздѣць*, *шѣда* ‘шелк’, *крута* ‘приданое’, архаичные личные имена *Пировая*, *Обликъ* и др.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2024 г. (проект «Языки и тексты русской культуры XI–XVIII вв.: проблемы интерпретации»). Автор благодарит Д. В. Сичинаву за ценные замечания.

Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 7–26.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.7-26

Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2023

Aleksey A. Gippius

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article contains a preliminary publication of nineteen birchbark letters found during the archaeological season of 2023 in Veliky Novgorod (Nos. 1158–1172) and Staraya Russa (Nos. 55–58). The published documents date back to the 12th — early 16th centuries. From the historical point of view, three 14th-century documents are of the greatest value: No. 1164 is a record of tax collection, reflecting the decimal organization of the population of the Novgorod hinterland; No. 1164 is a petition addressed to the corporation of *skotniki* and *potuzhniki*, which administered the territories in the Zaonezhye region; No. 1170 is a record of a court session with a mention of boyars. The linguistic material of the published texts includes a rare example of the N. Sg. *poklone* in the address formula of a letter, the letter ъ designating [ʼo], another example of ъ + o combination reflexed as *a*, the first attestations of the words *ѣздѣць* ‘messenger’, *šida* ‘silk’, *kruta* ‘dowry’, archaic personal names *Pirovaya*, *Oblikъ*, etc.

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics 2024 (project «Languages and

Texts of Russian Culture of the 11th–18th Centuries: Problems of Interpretation»). The author thanks D. V. Sichinava for valuable comments.

For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2023. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 7–26.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.7-26

Великий Новгород

В течение археологического сезона 2023 г. в Великом Новгороде были обнаружены 15 берестяных документов. Грамоты № 1166, 1168 и 1170 были найдены на Троицком раскопе в слоях XIV в. (руководитель работ В. К. Сингх). Остальные грамоты были найдены при раскопках, проводившихся Новгородской экспедицией Института археологии РАН под руководством П. Г. Гайдукова. Восемь грамот были обнаружены на двух раскопах на территории средневекового Неревского конца, произведенных в связи с реконструкцией Морского центра капитана Н. Г. Варухина, близ древней Другоной улицы (№ 1158, 1159) и древней Борьковой улицы (№ 1161, 1162, 1163, 1164, 1165, 1167); эти документы происходят из напластований XIII — начала XVI в. Две грамоты — № 1160 и 1169, датируемые первой половиной XV в. и второй половиной XIV в., были найдены на раскопе близ древней Даньславлей улицы (в XVII в. известной как Дослания), также на территории Неревского конца. На Торговой стороне, на Иоанновском раскопе в 38-м квартале, в слоях конца XII в. была найдена грамота № 1172; грамота № 1171 происходит из шурфа, заложенного к северу от Иоанновского раскопа, и датируется первой половиной XV в. В настоящую публикацию входят все перечисленные грамоты, за исключением № 1161, представляющей собой незначительный фрагмент. Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1158. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Другонова улица). Левая часть четырехстрочного документа.

(п)рик[Δ](з)о [ŵ] онуѣр(иА) ...
 тру понабѣол[ьс](А) ...
 [е]ди жь [ѿ] велипо...
 пшъници тоби

От буквы после *л* во 2-й строке виден верх вертикали, более всего подходящий для *ь*. Но нельзя исключать и *и*: левые вертикали у *и* и *н* в грамоте в нескольких случаях заметно выше правых (правда, не настолько, как следовало бы предполагать в данном случае).

Стратиграфическая дата: конец XIV в. — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг., предпочтительно не ранее 1360-х гг. и не позднее 1390-х гг.

Утраченная правая часть грамоты была невелика. На ...*тру* явно заканчивалось имя адресата: *Петру* или *Дмитру*. На ...*еди* мог оканчиваться только императив, однородный с *понабѣолъс* и отделенный от него еще каким-то словом (например, обращением). Проблему составляет только фрагмент *велипо*, не допускающий никакой правдоподобной интерпретации. Наиболее вероятным кажется пропуск слога в сочетании *о Вели(ки) постѣ*. Общее содержание письма в этом случае представляется следующим: автор предлагал адресату прибыть к нему Великим постом за семенами пшеницы. Предлог *о* с местным падежом в темпоральном значении встречается в памятниках разного происхождения [Слов. XI–XVII, 12: 7] и хорошо засвидетельствован в берестяных грамотах, ср. *а а были*

о русалеахо в Пудогѣ 131 (2 пол. XIV в.), о Петрови дни 463 (нач. XIV в.), о Петрове дни 962 (сер. XV в.).

Возможная текстуальная реконструкция: (П)рик[аэ]о [ѣ] Онуѡр(иа к Пе)|тру. Понабол[ѣс](а), ..., (по)[ѣ]ди жь о Вели(ки) по(сти, | дамъ) пшѣници тоби.

Перевод: 'Приказ от Онуфрия к Петру. Озаботься, ..., приезжай Великим постом, дам тебе пшеницы'.

С фонетической точки зрения было бы интересно написание *понабол[ѣс](а)*, отражающее утрату *и* в императиве, которое для этого должно было быть безударным. По данным А. А. Зализняка [2019: 347], глагол мог принадлежать к акцентной парадигме *а* (с ударением на корне) или *б* (с ударением на окончании). Наш пример разрешал бы эту альтернативу в пользу *а*. п. *а*. Но возможность трактовки буквы как *и* делает это свидетельство ненадежным.

№ 1159. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Другонова улица). Правый нижний угол документа с окончаниями двух последних строк:

...[л]ому [го]роду [и] капуству
... [н]а то послухо

Стратиграфическая дата: конец XIV в. — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг.

Упоминание капусты и послуха позволяет уверенно определить жанр документа как купчую грамоту; ср. аналогичную комбинацию в новгородских купчих XV в. [ГВНП, № 174, 231]. Для обрыва в начале первой строки надежную реконструкцию предложить невозможно, но не исключено, что *городу* стоит здесь вместо *огорода*: в то время как первое слово в купчих грамотах практически отсутствует, огороды упоминаются в них постоянно, есть они и в обеих указанных грамотах: «поль огоротца, полкапустника», «до Карлаевьского огорода... да гряда капуста с[а]диги земли» [Там же]. Заметим, что пропуск начального гласного после *у* (например, в сочетании *малому огороду*) мог быть неслучаен, если этот гласный сам произносился как [у]: [угороду] — сильная лабиализация начального безударного *о* широко представлена в севернорусских говорах и фиксируется, в частности, в Ильменском Поозерье [Гептинг 2023: 43]. С другой стороны, в грамоте могло быть употреблено слово *город* 'огород', известное из тверских, псковских и смоленских говоров [СРНГ, 5: 57; ПОС, 7: 120].

№ 1160. Досланьский-2. Окончание последней строки документа:

... | ... ДЕМЬ-АНЕ АКОЛИЦЬ

Стратиграфическая дата: вторая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1160-х гг., предпочтительно не ранее 1360-х гг.

По всей вероятности, перед нами окончание списка свидетелей (послухов), присутствовавших при заключении сделки. Тот же персонаж открывает перечень послухов в пергаменной купчей Ивана Обакумова у Юрия Каргуева на участки по рекам Выгу, Шуге, Кемии и Воньге в Карелии: «А на то послухъ: Дѣмьянь Яколь, Гаврила Борковъ, Василь...» [ГВНП, № 322]. Он же — тоже как Демьянь Яколь — фигурирует в грамоте Палеостровскому монастырю [ГВНП, № 90] среди «скотников и помужников» Толвуйской земли (о чем см. ниже в комментарии к грамоте № 1169).

В отличие от двух пергаменных грамот отчество оформлено суффиксом *-ичь*, присоединенным к основе йотового посессива, с новгородским переходом *вл' > л'*. В морфологическом отношении отметим отвечающее ожидаемому распределение окончаний номинатива *-е* и *-ь* между словами твердого (*Демьяне*) и мягкого (*Аколиць*) вариантов *о*-склонения.

№ 1162. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Фрагменты трех строк из середины письма (сохранился правый край):

... [8 н]асо неможете микула
... (б)[у]дѣмо 8 тебе на поли в...
...ады т[в]...

Стратиграфическая дата: конец XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1280-х гг., предпочтительно 1360–1380-е гг.

Письмо представляло собой коллективное обращение к феодалу. Последовательность *неможете* естественно в данном случае трактовать не как сочетание *не* с модальным глаголом, а как форму глагола *немочи* ‘недомогать’. В конце второй строки можно прочесть *в[ох](и)* ‘все’ или *в[лу]*... Для фрагмента 3-й строки ср. *наклады твоѣ* 142, но возможны и другие варианты.

Перевод: ‘... У нас занемог Микула... .. будем все (?) у тебя на поле...’.

№ 1163. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Письмо из трех строк с относительно небольшими утратами. Из грамоты была вырезана фигура, напоминающая лодку, при этом первая строка сохранилась почти на всю длину, за исключением одной утраченной буквы справа. Возможна полная реконструкция:

поклоне ѿ Ондреѣ · к кѣв · и к микифору про · [с](е)ꙗ
[ре]брѣ · ѡкупѣ · осподине · насъ · сѣре[б](р)о (тв)ꙗ
(о)ѣ [н]ѣ погинеѣ · а ꙗзъ · тобѣ ꙗчело бѣю

В имени первого адресата не дописан слог *ну*.

Стратиграфическая дата: конец XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1300-х гг., предпочтительно 1320-е — 1390-е гг.

Перевод: ‘Поклон от Ондreja к Ивану и к Микифору. Про деньги: заплати за нас выкуп, господин: деньги твои не пропадут. А я тебе бью челом’.

Реконструкция *чело* (а не *челомъ*) мотивирована соображениями места: в утраченной части строки могло быть не более восьми букв. Возможен и сокращенный вариант без *бию*, ср. № 370 (2 пол. XIV в.).

Перед нами обращение крестьян к феодалу с просьбой «окупить» их, то есть заплатить выкуп, компенсацию вотчиннику, на земле которого крестьяне трудились ранее. Содержательную параллель представляет грамота № 102: *Староста Олесандрова погоста бѣѣтъ челомъ: сто бы ꙗси, господине, окупиле і(хъ і с)лово положили со мноу*. Заметим, что перевод этого места в [ДНД: 555] — ‘окупил, т. е. согласился бы взять за них выкуп’ — требует корректировки, как и опирающееся на него определение значения глагола в [СДРЯ, 6: 116]: правильное значение было указано в первой публикации [НГБ III: 31] со ссылкой на [Кочин: 217]: «выплатить деньги за крестьянина, перезываемого из вотчины другого феодала».

Поклоне — редкий пример использования слова в адресной формуле с диалектным окончанием *-е*: обычно оно выступает в форме (*поклонъ*) — в том числе в грамотах, написанных на диалекте; то же относится и к слову *приказъ*. До сих пор это окончание можно было предполагать лишь в грамоте № 528 (2 пол. XIV в.): *оточи поклонъ* ‘отчий поклон’, однако обилие ошибок в этом документе делало пример не вполне надежным. А. А. Зализняк [1986: 180] пишет по этому поводу: «Очевидно, в начале грамоты эти слова [*поклонъ* и *приказъ*. — А. Г.] воспринимались как стоящие в винительном падеже (с подразумеваемым управляющим глаголом, например: “эта грамота несет...”); ср. эллипсисы типа *минуточку, минуту внимания* (подразумевающие: *прошу*). Не исключено, впрочем, что такое осмысление было вторичным, а сами формулы “поклонъ (приказъ) от X к Y” пришли как нечто целостное из книжного языка; ср. *поклонъ* в начале многих пергаменных документов из официальной переписки». Возможность трактовки форм *поклонъ* и *приказъ*

как аккузативов подтвердилась впоследствии находкой грамоты № 849 (сер. XII в.), в начале которой выступает бесспорный аккузатив *цѣльвь* (*цѣльвь*), соответствующий латинскому *salutem*. Комментируемая грамота с той же определенностью показывает, что эти слова могли восприниматься и как обычные номинативы.

Про серебро — уже известный из берестяных грамот вид «заголовка», называющего предмет сообщения. Ср. в первую очередь Пск. 6 (сер. — 2 пол. XIII в.), где такие рубрики вводят все тематические разделы письма: *про белу...*, *а про себе...*, *а про сеи человека*.

Слова *серебро* (*твою*) не погинеť явно представляют собой формулу, напоминая столь же формульное завершение грамоты № 104 (2 пол. XIV в.), происходящей, что характерно, из того же комплекса, что и № 102: *А земля, [г](н)е, сама са окупить твоимъ здоровіємъ*.

Отметим также своеобразную коммуникативную структуру письма. Имея двух «титულных» адресатов, оно, по существу, обращено только к одному из них. При этом единственный автор говорит от лица стоящего за ним коллектива крестьян.

№ 1164. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Целый документ из четырех строк:

Ѡ родивана до луки : Ѡ матфия до колинца Ѡ ·
 Ѡ пантелиѣ · до курьего Ѡ: Ѡ курьего · до перькола Ѡ:
 Ѡ перекола до илий сѣго Ѡ: Ѡ илий сѣго · до вожанъ · Ѡ:
 Ѡ вожанъ до фѣдорова села житкого Ѡ.

В слове *Вожанъ* в 3-й строке *в* написано поверх *ѣ*: по-видимому, писец раньше времени начал слово *Федорова*. Грамота написана профессиональным писцом: многие штрихи выполнены двойным контуром, над *я* и неприкрытым *и* стоят двойные точки.

Стратиграфическая дата отсутствует (заполнение траншеи).

Внестратиграфическая оценка: 1340-е — 1350-е гг.

Перевод: 'От Родивана (Родиона) до Луки — 10, от Матфея до Коленца — 10, от Пантелея до Курьего — 10, от Курьего до Перекола — 10, от Перекола до святого Ильи — 10, от Святого Ильи до Вожан — 10, от Вожан до села Федора Жидкого — 10'.

Перед нами описание некоего пути, построенное по шаблону «от А до В — столько-то». Шаблон воспроизведен в общей сложности семь раз, при этом во всех семи случаях указана одна и та же величина — 10. Прямые аналогии такому построению в берестяных грамотах отсутствуют, не обнаруживаются они и в актовой письменности. Интерпретации этой структуры и анализу содержания грамоты в целом посвящена специальная статья [Гиппиус 2024]. Ограничимся здесь кратким изложением ее выводов. Мы предлагаем видеть в грамоте разверстку податных единиц или же отчет о произведенном согласно этой разверстке сборе податей. Объединение этих податей по десять отражает, на наш взгляд, действие известного на Руси децимального принципа членения тяглого населения. Из берестяных документов, в которых, согласно В. А. Кучкину, нашел отражение этот принцип, выделяется грамота № 390, в которой перечисляются 10 земельных (и, соответственно, податных) участков — *жеребьев* [Кучкин 2008: 327]. Число жеребьев может стоять и за цифрами 10 в комментируемой грамоте. Косвенным подтверждением этого служит грамота № 149 (кон. XIII в.), которая в новом прочтении [НГБ XII: 208] содержит синтагму: *да Домажирова 10-ь жер(ебьевъ)*.

Из шести топонимов грамоты четыре надежно локализируются в среднем течении р. Сясь. Помимо исторического, эти названия представляют и известный лингвистический интерес.

Колѣнце отождествляется с современной д. Коленец Волховского р-на Ленинградской области. На военно-топографической карте Российской империи Ф. Ф. Шуберта середины XIX в. ей соответствуют две деревни — Большой и Малый Коленец¹. Представляет интерес

¹ <http://www.etomesto.ru/shubert-map/2-10/>

мужской род этого названия, заставляющий предполагать исходное *колѣнь*, что, на первый взгляд, не находит подтверждений ни в восточнославянском материале, ни в других славянских языках, в которых представлены лишь продолжения общеслав. *kolěno, см. [ЭССЯ, 10: 132–133]. Между тем слово представлено в таком важнейшем памятнике, как Синодальный список Новгородской первой летописи, где оно также употреблено в качестве топонима, отчего не попало в словари. Под 6717 (1208) г. здесь читаем: «поставиша цркъв стго Лоуки на Лоубанѣи оулицы, перенесѣше съ *Колѣна*» (л. 72 об.). Чтение с *Колѣна* списков младшего извода НПЛ следует считать вторичным. Обнаруживаемое таким образом варьирование морфологического рода и типа основы у названия колена должно быть поставлено в связь с аналогичным колебанием у названия смежной части тела — голени, которое в славянских языках засвидетельствовано как в женском роде (в большинстве языков), так и в мужском (болг. *gólen*, сербохорв. *gòlĕn* [редко, наряду с ж. р.] и в среднем (сербохорв. *golijeno*, словен. *goléno*, ст.-чеш. *holeno*) [ЭССЯ, 6: 201]; специально о колебаниях в роде этого слова см. [Саенко 2022: 155], где приводится, в частности, русское диалектное (архангельское) *гòлено* ‘часть шестерни водяной мельницы’ [СРНГ, 6: 291].

Выше по течению Сяси на той же карте отыскивается д. Курье, отождествляемая с современным урочищем Курья, между деревнями Воскресенское и Пруды. Оформленное в грамоте по адъективному склонению, название происходит от широко распространенного в севернорусских говорах финно-угорского заимствования *курья* ‘речной залив’ [Матвеев 2001: 184–196].

Еще выше по реке обозначена д. Перекола (одноименное урочище имеется на современных картах), название которой отличается от представленного в грамоте лишь морфологическим родом. Этот топоним можно было бы связать с засвидетельствованным в псковских говорах словом *переколы* ‘передел земли’ [СРНГ, 26: 127], однако, исходя из внутренней формы слова, в нем скорее следует видеть одно из обозначений рыболовного закола, ср. *прикол* в том же значении в архангельских говорах [СРНГ, 31: 251], а также на *Волхевьци коле* в Варламовой грамоте.

В сочетании с тремя рассмотренными названиями однозначно интерпретируется и «Илья Святой», отождествляемый с находящимся еще выше по течению реки Ильинским погостом на Сяси (современная д. Свирь, в 12 км от Переколы). Отметим характерную позицию прилагательного в этом словосочетании. В отличие от нейтральной препозиции такой порядок является маркированным. В деловой письменности XV–XVI вв. он фиксируется лишь в сочетаниях, представляющих собой самодостаточные названия церквей или являющихся приложением при слове *церковь*. См., например: «а пошлаа деи дорога от Ростова к Юрьеву межи Первятина и Караша на *Иван Святой* на пустой да на бор к Высокому, а к Переславлю от *Ивана святого* от пустого к *Ивану Святому* на бор» [АФЗХ, 1: 25, № 5, 1473–1489]; «да речкою Волною на низ прошед церковь *Михаил Святой*» [Там же: 191, № 217, кон. XV — нач. XVI в.], «Митрополич монастырь на реке на Ноле, церковь *Егорей Святой*» [Там же: 154, № 169, 1501–1502].

№ 1165. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Деловая запись из шести строк с утраченным правым краем.

ув ов[си]ѣ [цѣ](твѣ)[рк](а) [рж](и) ...
 три цѣтверки ржи у степка у ... (т)≠
 ри цѣтверки ржи у п[авл]овых[ъ] ... (т)≠
 ри ц[ѣ]тверки ржи у фѣдора (у ... д)≠
 ви коробыѣ ржи ув ѹгна[т](а цѣтвер)≠
 ка ржи у п-[п]-- [цѣ](тверка ржи)

В последней строке можно прочесть П[о]н(κ)[а].

Стратиграфическая дата: начало XVI в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1410-х гг.

Перевод: ‘У Овся четвертка ржи, у ... три четвертки ржи, у Степка [прозвище] три четвертки ржи, у Павловых детей, у Федора [прозвище] две коробки ржи, у Игната четвертка ржи, у Попка (?) четвертка ржи’.

Значение находки определяется ее датой: это самая поздняя из найденных в Новгороде берестяных грамот (до сих пор таковой была грамота № 495, археологически датируемая второй половиной XV в.). Перед нами важное свидетельство того, что использование бересты как писчего материала, а также техника процарапывания букв сохранялись в Новгороде и в первые десятилетия после утраты независимости. При этом, в отличие от № 495, в почерке которой издатели отмечали «несомненное наличие элементов скорописи XV в.» [НГБ VII: 87], письмо комментируемой грамоты более традиционно, хотя и демонстрирует присущие XV веку начертания.

Поскольку *четвертка* (в грамоте — с упрощением *ptk > pk*) — это четверть коробки, общий объем перечисленных объемов ржи составляет ровно пять коробей ($\frac{1}{4} + \frac{3}{4} + \frac{3}{4} + \frac{3}{4} + 2 + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$), что косвенно подтверждает достоверность реконструкции.

Яркая фонетическая особенность — реализация предлога ‘у’ в виде *ув* перед словами, начинающимися с гласной: *ув Ов[си]а*, *ув Ыгна[т](а)*; в предконсонантной позиции находим последовательно у: *у Степка*, *у П[авл]овых[ъ]*, *у Федора*, *у П[он](к)[а]*.

№ 1166. Троицкий раскоп. Фрагмент строки (начало) из середины документа.

... | пан[е]тъмкѣаа ѡсипю[в]а(а) (...) | ...

Буква *е* читается неуверенно. В середине 2-й строки можно прочесть ...[оуѣ]... .

Надежная стратиграфическая датировка отсутствует.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1240-х гг. — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Перевод: ‘... жена (вдова) Пантелея, жена (вдова) Осипа, ...’.

Возможная альтернатива данному чтению состоит в том, что *ѡсипю[в]а* — это законченная словоформа, Р. ед. муж. притяжательного *Осиповъ*. В этом случае перевод будет ‘жена (вдова) Пантелея Осипова’. Поскольку, однако, обозначения жены не только по имени, но и по отчеству мужа (типа летописного *Гюргевую Олькишничя* [НПЛ: 42]) в берестяных грамотах не встречаются, первую версию следует принять в качестве основной. В этом случае перед нами фрагмент списка жен или вдов новгородцев. О его прагматике можно только догадываться; ср. в той же НПЛ под 6740 (1232) г.: «князь пусти к нимъ жены: Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя».

№ 1167. Морской центр капитана Н. Г. Варухина (Борькова улица). Целый документ — ярлычок.

пѣтровѡ

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1260-х гг., предпочтительно 1340-е — 1390-е гг.

Надпись может быть прочитана двояко: как *⟨Петровъ⟩* и как *⟨Петрово⟩*. При обеих трактовках ъ соответствует стандартному *е*, что подразумевает произношение [п’отр-]. Но если в первом случае мы имеем дело с двусторонним смещением графем (замена *о* [’о] на ъ в первом слове и замена ъ на *о* в последнем), то во втором графика оказывается более последовательной: [о] дважды передается как *о*, а [’о] записывается как ъ. Разумеется, располагая лишь тремя позициями, говорить о графической закономерности не представляется возможным. Однако проверка всего фонда берестяных грамот на предмет существования такой закономерности приносит неожиданный результат. Грамота № 252, датируемая второй половиной XIV в., содержит следующий текст: ... ---- [снох]у есть у мнѣ убилѣ а живото есть | у мнѣ розграбилѣ лѣзни | ма въ плицѣ ... і снохоу і своімъ грабѣ|жѣмъ поедѣмъ в го|родѣ к[у]н[у п]ок[лад]

ь|(ше). Исключив из рассмотрения спорный фрагмент *лѣзни ма въ плищѣ*, констатируем следующее использование графем при записи слогов типа [то], [т'е], [т'о] и конечных согласных:

[To]	то 9	<i>сноху, живото, розграбитѣ, снохоу, своїмъ, поедѣмъ, городѣ</i>
[Т'е]	ть 5	<i>мьнѣ, мьнѣ, грабѣжѣмъ</i>
[Т'о]	тъ 2	<i>грабѣжѣмъ, поедѣмъ</i>
[T]	тъ 5 (то 1)	<i>своїмъ, грабѣжѣмъ, поедѣмъ, городѣ, покладѣ (ше) / живото</i>
[Т']	тъ 2	<i>естѣ, естѣ</i>

За исключением второго *о* в слове *живото*, возможно, спровоцированного предыдущим *о*, эти написания складываются в последовательную систему. А именно:

- для записи слога [т'о], встречающегося только перед твердыми согласными, используется та же буква — ѣ, с помощью которой обозначается твердость конечного согласного;
- для записи слога [т'е], за которым (в середине слова) может следовать только мягкий согласный, используется та же буква — ѣ, с помощью которой обозначается мягкость конечного согласного;
- для записи слога [то], не имеющего контекстных ограничений, используется та же буква — о, которой обозначается [о], образующее отдельный слог.

Эту систему можно рассматривать как результат модификации обычного варианта или, точнее, вариантов позднедревнерусской бытовой графики, в которых запись слога [т'е] также неотличима от обозначения конечного мягкого согласного, но при этом обозначение конечного твердого согласного объединяется не с [т'о], а с [то]. Слог [т'о] в рамках этой системы не имеет специального обозначения, объединяясь с [т'е] или, реже, с [то]. Введя такое обозначение и графически противопоставив слоги трех типов, писец грамоты № 252, по существу, решил задачу, которая в стандартной русской графике была решена только в XVIII в. введением в нее буквы ё.

Тот факт, что в грамоте № 252 частичным аналогом ё выступает ѣ, неотделим, как видим, от использования в ней ѣ для обозначения [е] в середине слова. Такое употребление букв ѣ и ѣ заставляет вспомнить, что в хорватской и белорусской филологических традициях эти буквы называются, соответственно, *jor* и *jer* (в белорусском — *ѣр* и *ер*). Эти названия фигурируют и в грамматике «простой мовы» Иоанна Ужевича — по всей вероятности, белоруса по происхождению [Ужевич: л. 5]. Такое обозначение букв прозрачно корреспондирует с отсутствием в языке противопоставления твердого и мягкого *r*, нейтрализующим оппозицию *еръ* и *ерь*. Однако оно едва ли представляет собой ученое изобретение — скорее, источником могло явиться народное произношение названия буквы ѣ как [йор], сосуществовавшее с книжным [йер] и противопоставленное названию буквы ѣ не только твердостью конечного согласного, но и качеством гласного. Это двойное противопоставление могло сыграть роль дополнительного, «азбучного» фактора возникновения графической системы, представленной в грамоте № 252 и, возможно, также в комментируемой грамоте.

№ 1168. Троицкий раскоп. Последняя строка документа.

... (ДАВ)^р
 ыдѣ парфинѣ з братапомѣ лука ванов(-)

Последняя буква находится на самом краю берестяного листа; конечный *ъ* мог быть утрачен при обрезке грамоты.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1360-х гг.

Почерк тот же, что и в № 1170; возможно, это окончание того же документа.

Перевод: '... Давыд Парфин с двоюродным братом, Лука Иванов'.

Скорее всего, перед нами перечисление послухов, завершавшее официальный акт.

Парфа — гипокористика имени Парфений, ср. название поселка Парфино на Ловати, в 20 км от Старой Руссы.

В *Лука Вановъ* скорее, чем отражение особой формы имени *Иванъ* с усеченным начальным гласным, следует предполагать необозначение (или фонетическую утрату) йота, возникшего из [и] в слитном произношении: [лукајванов]. Параллель к форме **Ванъ* могло бы составить имя *Ванко*, предположительно выделяемое в № 87 (кон. XII в.). Однако контекст употребления — *къ Ваноукоу* (с предвосхищением *оу*) — делает более вероятным присутствие в грамоте графического смешения *ы* с *ъ*, маскирующего произношение [кыванкоу], возникшее после падения редуцированных. В настоящее время этот эффект зафиксирован уже в целом ряде берестяных грамот (19, 122, 361, 662/684, 907, 960, 1000, 1007, 1047, 1054). Нет оснований выделять основу *Ван-* и в № 154 (нач. XV в.) и № 178 (кон. XIV в.), где имя выступает после союза *и* и где, по-видимому, имеет место графическое упрощение *ии* > *и* (*ii* > *i*) [ДНД: 591, 673].

№ 1169. Раскоп Досланьский II. Средняя часть разорванного по горизонтали документа, без правого края.

... ДЕТЕМЪ · И КО ЯКУНОВЪИМЪ · ДЕТЕМЪ (Ъ · И КО ИЕ)Ъ
[Л]ИМЪ ДЕТЕМЪ · И КО {И} ВСИМЪ · ПОМУЖЬНИКАМЪ · И К(О ВСИМЪ)
СКОТНИКА · ВАМЪ · Ѡ ТОМЪ · МНОГО · КЛАНАЕМСА [Ю]-----
КЕСТЬЪ · НЕ КДАЛЕ · ЗАНЕЖЕ · КУНЪ · У НАСЪ (НЕТУ НИ ИНОГО)
[ЦЕГО] А МЫ ...

Размер утраты устанавливается на основе однозначной конъектуры для конца второй строки. С учетом этого безальтернативными представляются и конъектуры для конца первой и четвертой строк. Реконструкция (*ко Ие*)*лимъ детемъ* (то есть к детям Иева (Иова), с отражением новгородского перехода *вл' > л'*) объясняет и написанное далее по ошибке *и* после *ко*: писавший начал опять слово *Иелимъ*. Для конца 4-й строки см. параллель в № 765: *ни мат[л]а ни и(н)ого цого*. В конце третьей строки должен был находиться изъяснительный союз и еще одно слово. Возможные варианты: [ю](*же ныне*) и [ю](*же нашъ*).

Скотника в 3-й строке — явная описка (пропуск слога *мъ*).

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х, предпочтительно не ранее 1340-х гг. — не позднее 1390-х гг.

Перевод: '..., к ... детям, и к Якуновым детям, и к Иевлевым детям, и ко всем помужникам и ко всем скотникам. Много кланяемся вам в связи с тем, что в этот раз посыльный к вам не поехал, поскольку нет у нас ни денег, ни чего иного. А мы...'.

Так как утраченная верхняя часть документа была, вероятно, сопоставима по размеру с сохранившимся фрагментом, адресная формула должна была обладать беспрецедентной для берестяных грамот длиной. Такое пространное перечисление адресатов находит соответствие в знаменитом пергаменном акте XV в. — грамоте Палеостровскому монастырю, выданной от лица «скотников и помужников Толвойской земли» — корпорации, осуществлявшей управление Толвуйским погостом в Заонежье. Список членов этой корпорации открывается именами посадника Андрея Ивановича и тысяцкого Дмитрия Васильевича и включает имена 20 человек (по всей вероятности, бояр), некоторые из которых упомянуты «с детьми». Поскольку сходным образом управлялись, вероятно,

и другие новгородские территории, локализовать грамоту на основе данной параллели было бы невозможно, если бы не следующее обстоятельство: среди «скотников и помужников» грамоты Палеостровскому монастырю значится известный нам Демьян Яколь, отождествляемый с Демьяном Яковлевым из грамоты № 1160. Последняя происходит с того же раскопа, что и комментируемый документ, и залегала в земле примерно на 70 см выше. Это делает весьма вероятным, что грамота № 1169 была отправлена из Заонежья и что в лице ее адресатов мы имеем дело с той же управляющей корпорацией, что и в грамоте Палеостровскому монастырю, только примерно на 70 лет раньше (средняя скорость нарастания культурного слоя Новгорода — сантиметр в год). С этой точки зрения показательно также присутствие в пергаменном акте Иева Олфоромеева: учитывая повторяемость фамильных имен, в нем можно предполагать внука Иева, дети которого упоминаются в нашей грамоте.

Сочетание «скотники и помужники» представляет значительный интерес. Никакие другие источники, кроме названных, его не знают; только в этих двух текстах представлено и слово *помужникъ*. Термин *скотникъ* встречается между тем в ряде новгородских актов XIII–XV вв.: это грамота великого князя Андрея Александровича на Двину 1294–1304 гг., адресованная «к посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ» [ГВНП, № 83], и две рядные грамоты XV в., в которых упоминаются скотник Яков Марфин (№ 303) и «скотничьи куны» (№ 191). Новая находка не позволяет согласиться с В. А. Кучкиным [2008: 407], считающим, что «скотники» являются в этих документах искажением слова «сотники»: в том, что мы имеем дело с аутентичным термином, теперь не может быть сомнений. Нет оснований и предполагать происхождение слова от *скоть* в значении «скотина». Согласно С. З. Чернову, чья точка зрения представляется наиболее близкой к действительности, из контекста грамоты Палеостровскому монастырю следует, что «в скотниках и помужниках нужно видеть кормленщиков, осуществлявших сбор налогов («скотник» — от «скот» — имущество, «помужник» — от «муж» — правоспособный хозяин двора, плательщик податей), суд, контроль за торговлей и руководство штатом тиунов и доводчиков» [Чернов 2021: 136]. Эта трактовка нуждается, на наш взгляд, в единственной поправке: *скотникъ* является производным от *скоть* не в значении «имущество», а в значении «деньги». В этом значении слово является семантическим заимствованием из древнескандинавского *skattR* [Циммерлинг 2022], ср. [Назаренко 2003: 151–155]. Особенно значим для толкования интересующего нас сочетания контекст из рассказа Повести временных лет о сборе новгородцами денег для военной поддержки Ярослава в 1018 г.: «И начаша **скоть** брати ѿ **мужа** по четыре куны, а ѿ старость по 10 гривенъ, а ѿ бояръ по осмидесять гривенъ». Ср. также примеры из берестяных грамот, в которых место «мужей» занимают «люди»: *то дикати людье, а за ними скоть* № 877/572 (сер. XII в.), *оу тьбъ жрьбье, скоть по людьмо, ни тоу тобъ тощины въкъш одоное* № 222 (1 четв. XIII в.). Ср., с другой стороны, № 509 (2 пол. XII в.), где слово *скоть* отсутствует, зато в качестве налогоплательщиков выступают «мужи»: *А отрокоу въдаите по коунѣ моужь*.

В свете этих примеров кажется излишним предполагать какое-либо социальное различие между «скотниками» и «помужниками»: скорее перед нами парное обозначение одной и той же группы лиц, в обязанности которой входил сбор «скота» «по мужам». Парные структуры такого рода представляют собой фигуру гендиадиса (выражение одного понятия через сочетание двух лексем), на славянском материале описанную А. А. Потебней. Ср., например, следующий контекст из былины об Илье Муромце:

Едет старой-от путем дорогою,
А стоит ту сорок тыщяць лихих воров,
Да стоит сорок тыщяць разбойников,
Да ише сорок тыщяць стоит подорожников.

Как замечает Потебня, комментируя этот пассаж, «для певца и слушателей “воров, разбойников, подорожников” было только 40, а не трижды сорок тысяч» [Потебня 1968: 226].

Важно заметить, что не только слово *скотъ* в значении ‘деньги’, но и *мужь* как обозначение свободного человека выступает почти исключительно в грамотах раннего периода. Хронологическое распределение в берестяных грамотах слов *мужь* (не в значении ‘супруг’) и *человѣкъ* выглядит весьма выразительно:

	мужь	человѣкъ
1050–1240	15	1 (Смол. 12, 1140–1160)
1240–1450	1 (№ 775, 1280–1300)	17

Использование сочетания «скотники и помужники» в текстах XIV–XV вв. предстает на этом фоне как реликт архаичной социальной терминологии домонгольского периода².

По содержанию грамота сходна с № 1140 (нач. XIII в.), также сообщавшей, что посыльный, доставлявший в город дань, не был отправлен, поскольку отправить его было не с чем. В нашем случае посыльный обозначен как *къстьчь* — это слово мы предлагаем трактовать как *ѣздьць*, записанное с заменой *зд* на *ст*; ср. встреченные уже в нескольких берестяных грамотах и известные также из книжных памятников северо-западного происхождения случаи непозиционной мены глухих и звонких согласных, возможно, связанные с прибалтийско-финским субстратом [ДНД: 614; Крысько 1998: 88; Бобрик 2014; Гиппиус, Сичинава 2021: 183]. Предполагать это явление в грамоте, присланной из Занежья, есть все основания, тем более что оно, по-видимому, нашло отражение и в пергаменной грамоте Палеостровскому монастырю. На снимке акта, любезно предоставленном нам И. Ю. Анкудиновым, видно, что в сочетании *Ермола Шмельяновъ с дѣтми* буква *д* переделана из *т*, то есть первоначально было написано *с тѣтми*.

Ѣздець — синоним к более распространенному *ѣздокъ*, до сих пор фиксировавшийся лишь в поздних памятниках [Слов. XI–XVII, 5: 38] и известный прежде всего как обозначение всадника в гербе Московского государства. Ср. в повести XVII в., с такой же, как в грамоте, *figura etymologica*: «и отѣха злый той ѣздецъ» [Скрипиль: 106]³. Сохранный сильный *ь* в суффиксе, по-видимому, — дань орфографической традиции, ср. также *ь* в *помужьникамъ*.

№ 1170. Троицкий раскоп. Фрагменты пяти строк из середины документа, без правого края. Верхний край с левой стороны сохранился, следовательно, грамота была написана на двух или более листах.

...|рѣ рѣще сеи си...
 пѣдъ боары не вазанъ ксмы ни ...
 лъ оже не битъ а рекъ тако ю...
 не в городъ и дорад...
 цевъ ...
 ...

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг., не позднее 1390-х гг., предпочтительно 1380-е — 1390-е гг.

Грамота содержала протокол судебного заседания и цитировала речи его участников. Фон для ее истолкования составляют русские судебные документы XV–XVI вв. — судные

² В новгородских пергаменных актах слово *мужь*, помимо значения ‘супруг’, выступает только в специализированном значении свидетеля при заключении сделки. Ср. упоминание «мужей» как судебных заседателей в документах, цитируемых ниже в комментарии к грамоте № 1170.

³ В более раннюю эпоху находим, с другой огласовкой корня, *яздець* в «Диоптре» Филиппа Пустынника, переведенной в XIV в. [НКРЯ].

списки и «правые» грамоты (о противопоставлении этих категорий см. [Калашникова 2018]). С известным формуляром этих грамот текст нашего фрагмента демонстрирует лишь частичное пересечение, что характерно и для других материалов документального характера, выявляемых среди берестяных грамот.

Примечательным образом глагол *речи* представлен в 3 л. ед. ч. сразу двумя формами прошедшего времени — аористом *рьце* и перфектом (*л*-формой) *рекль*. Надо полагать, формы аориста образовывали нарративный каркас документа, тогда как *л*-формы выступали в составе прямой речи. Именно так строится текст древнейшей сохранившейся новгородской правой грамоты, дошедший в виде записи в рукописи Бесед Григория Двоеслова на Евангелие (РГБ, Погод. 70) и датируемый 1430–1450-ми гг. [ГВНП 2, № 146]. На *-рь* в начале 1-й строки явно заканчивалось имя одного из участников процедуры, например, (*Федо*)*рь*. Указательное местоимение *сеи* могло стоять при имени другого лица (ответчика?), начинавшемся на *Си...* (остатки еще двух букв допускают реконструкцию *Си[ма](нъ)*). Ср. в той же правой грамоте: «Се позва Давидъ бра^г своего Нестера ... с полисимъ на су^г... А рка та^к Дѣдъ: **Тѣи**, г(оспо)до, **Несто**^р <мнь> куе муци, а на ему не | виновате».

Педь в начале второй строки — очевидное *передь* с пропуском слога; ср. такой же пропуск в № 142 (нач. XIV в.): *педь людми*. Не исключено, что в обоих случаях мы имеем дело не с опiskой, а с аллегровым сокращением (как явление того же порядка мы выше трактовали запись *Лука Вановъ* в грамоте № 1168, написанной той же рукой).

Дальнейшая интерпретация грамоты зависит от оценки длины утраченной правой части. Возможность установить ее дает конъектура для окончания второй строки: *не вазанъ есмь ни [б](итъ бы)лѣ*. Продолжение *иже не битъ* и сохранившийся угол буквы после *ни*, подходящий для *б*, делают эту конъектуру практически гарантированной. Длина 2-й строки составляет в таком случае 29 букв — ровно столько, сколько содержит единственная строка грамоты № 1168. Это совпадение может трактоваться двояко: или две грамоты являются частями одного документа (что кажется более вероятным), или же перед нами два документа, написанные писцом, использовавшим один и тот же формат берестяного листа. Так или иначе, длину грамоты № 1170 можно считать установленной.

Сочетание *не(ре)дь бояры* замечательно уже тем, что это первое упоминание бояр в берестяных грамотах (не считая реконструируемого (*б*)*ариновымъ* в № 1137 — притяжательного к *баринь*, возникшего путем фонетического упрощения из *бояринь*). Бояре явно выступают здесь в качестве некой судебной коллегии. О существовании такой коллегии мы знаем из Новгородской судной грамоты, 27-я статья которой посвящена («докладу» — суду высшей инстанции, осуществлявшемуся десятью присяжными («докладчиками»), поровну представлявшими бояр и житейх людей: «А докладу быти во владычне комнате, а у докладу быти из конца по боярину да по житею да кои люди в суде сидели, да и приставом, а иному никому же у доклада не бытъ» [РЗ, 1: 306]. Институт доклада упоминается и в актах Московского государства XV–XVI вв., причем в одном из них, разъезжей грамоте 1525 г., встречаем сочетание *на докладе / у доклада перед бояры* [АФЗХ, 1: 167], которое, в принципе, хорошо вписывается в контекст нашего документа: (*Федо*)*рь рьце: сеи Си[ма](нъ) рекль на докладѣ) не(ре)дь бояры: не вазанъ есмь ни [б](итъ бы)лѣ*. Длина первой строки составляет при этом те же 29 букв. Впрочем, сочетание *передь бояры* встречается в правых грамотах и без упоминания «доклада». Так, в рязанской грамоте 1457–1462 гг. перед боярами рассматривается дело о краже пчел, совершенной паробком Федорцем у Кузмы Зыкова. Показательно, однако, что и здесь мы имеем дело с судом второй инстанции, которому предшествовало разбирательство на месте, произведенное отряженными для того специальными «мужами». «И те мужи, пришед перед бояр, да те речи по тому ж боярам рассказали, как Кузма говорил. И тот Федорец перед ними не заперса того, что он у Кузмы пчелы украл, и с теми пчелами Кузма его ял, потому его обмужевали и вину положили. И положили перед бояры обои мужи тех пчел украденных поличных пчел» [АСЗ, 3: 130].

Смысл заявления, сделанного ответчиком «перед боярами», проясняет параллель из «Вопрошания» Кирика. Комментируя зачитанное Кириком правило из Номоканона

Иоанна Постника, запрещающее посвящать в сан человека, уличенного в краже, Нифонт говорит: «Аже боудеть, ре⁴, татьба велика, а не оуложать кѣе ѡтай, нъ силоу прію съставать передь княземъ и передь людьми, то не достоить того ставити дьякономъ. И ѡже ли ѡкрадеть^с, а то оуложать ѡтай, то достоить. *Аже паробѣкѣ господѣ **влѣжють быють** оукрадьшаго что любо, достоить ставити*» [ВК: 46]. Последняя фраза означает: 'Если он (кандидат в дьяконы) в бытность паробком был связан и бит господами [за кражу], то можно ставить'. Как и в этом примере, в грамоте имеется в виду положение дел, относящееся к отдаленному прошлому: говорящий отрицает не то, что он был связан и избит в рамках разбираемого казуса, а то, что факт задержания за кражу ранее имел место в его биографии. В делах о татьбе это был принципиальный вопрос, от которого зависела судьба обвиняемого. Так, Уставная грамота Двинской земле 1397 г. назначает за впервые совершенную кражу штраф в размере стоимости украденного, за повторную — неограниченный штраф, а за третью кражу — смертную казнь⁴.

Подтверждение такой интерпретации находим в правой грамоте 1503 г., оформившей судебное решение по тяжбе о краже сена. В конце долгого разбирательства, включающего выступление истцов и расспросы приставов и «погонных мужей», участвовавших в избличении вора, крестьяне заявляют, что обвиняемый Гридька Тавелга «лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба». Они сообщают о еще одной краже, за которую Гридька был судим князем Андреем Васильевичем и бит кнутом. Следует вопрос судьи к обвиняемому: «Перед князем Ондреем Васильевичем в том деле суд тебе был ли и **бит ли еси** кнутом в той татбе со княж Ондреева суда?» Гридька отвечает: «Суд мне, господине, в той татьбе был, и князь Ондрей Васильевич велел меня пытать в той татьбе и кнутом бити, и они меня, господине, и били, да не попытались». Ответчика признают виновным и выдают истцам «на казнь по Судебнику» [Каштанов 1970: 413].

В нашем случае отрицание ответчиком факта рецидива потребовало от истца (или судьи) дополнительных действий. Условное придаточное *ѡже не битъ, а рекль тако* следует переводить как 'если не бит и заявил об этом', трактуя союз *а* как соединительный. Обстоятельство места *въ городъ* предполагает глагол со значением 'пошло' или 'поеду'. Нужную длину строки дает реконструкция: *ѡ(зъ кѣду ны)|не в городъ и ...* В продолжении строки должно было находиться однородное с *кѣду* сказуемое. Поскольку фрагмент *дорѣд* не может принадлежать словоформе 1 л. ед. числа, для него мыслимы лишь две интерпретации: это может быть или причастие *дорѣдивъ*, или существительное *дорѣдъ* (или *дорѣда*) в винительном падеже. И глагол, и существительное, отсутствуя в исторических словарях русского языка, имеются у В. И. Даля. Здесь находим: «рядить (наряжать, снаряжать, подряжать) прибавочно, дополнять: рядить до чего, до каких последствий. (<...>) Рядил было он рабочих, да не дорядил. Доряди прибавочных рабочих. Судили, рядили, да ни до чего не дорядили» [Даль, 1: 475]. С опорой на последний пример значение глагола в грамоте можно было бы определить как 'довести до конца судебную процедуру'. Однако фрагмент *цѣвъ* в начале пятой строки делает более вероятным другое предположение: речь может идти о доборе недостающих «рядцов», участвующих в решении дела; возможна, в частности, реконструкция: *и дорѣд(ивъ, приведу рад)|цѣвъ*. В чем могла состоять цель такого «дорядя», помогает понять статья 12 Судебника 1497 г. Она постановляет, что, даже если за ответчиком не числится обвинения в ранее совершенной краже (а именно это утверждает о себе наш ответчик), сделанное под присягой заявление пяти-шести «добрых людей» о том, что он «тать», позволяет взыскать с него стоимость украденного без разбирательства дела по существу⁵.

⁴ «А татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличать, продадутъ его не жалуя; а уличать втретие, ино повѣсити» [ГВНП: 145, № 88]. Изданный столетием позже Судебник 1497 г. идет еще дальше, предписывая карать смертью уже за вторую кражу [РЗ, 2: 55].

⁵ «А на кого взмолвят детей боярских человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан целовальников, что он тать,

С конъектурами разной степени гипотетичности текст можно реконструировать в следующем виде:

...(Федо)|рь **рыце: сен Си[ма](нъ рекль ...) | пе(ре)дъ бояры: «не вазанъ ѥсмь ни [б](итъ бы)|ль».** **Вже не битъ, а рекль тако, ѡ(зъ еду ны)|не в городъ и дорад(ивъ ... рад)|цевъ...**

‘...Федор сказал: этот Симон (сказал ...) перед боярами: «Я не был вязан и бит». Если не бит и заявил об этом, то я теперь (поеду) в город и, дорядив рядцов, ... ’

Абстрагируясь от деталей, отраженную грамотой судебную процедуру можно трактовать как включавшую по крайней мере три фазы: первоначальное рассмотрение дела, разбирательство «перед боярами» и какое-то заключительное решение, принятое по результатам «доряживания», которое и зафиксировала грамота. По всей вероятности, она состояла из нескольких листов бересты. Грамота № 1168, скорее всего, сохранила конец этого документа с перечислением присутствовавших на суде лиц. Ср. окончание правой грамоты 1503 г.: «А на суде были у дворецкого Костянтина Третьяк Губинъ, да Семен Коньплед, да Исак Давыдов, да диак дворцов Лука Семенов сын» [Каштанов 1970: 413].

Из отраженных грамотой языковых явлений отметим аорист от основы *рьк-*, засвидетельствованный и в новгородских пергаменных грамотах XV в.: *рче, рче, ркоша, соркоша* ([ГВНП, № 60, 72, 92, 132]; см. [Шахматов 1903: 123]). Для новгородской деловой письменности такое употребление можно считать нормативным: формы *рче, рекоша* в пергаменных грамотах отсутствуют. Формы *рче, ркоша* широко представлены также в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, созданном в 1440-х гг., при том что в пергаменном Синодальном списке XIII–XIV вв. они отсутствуют. По-видимому, в памятниках XV в. их следует рассматривать не как архаизмы, а как новообразования на основе *л*-формы *ркли*, нередкой в деловых текстах этого времени.

Отметим также характерный порядок слов в реконструируемом *не вазанъ ѥсмь ни [б](итъ бы)|ль*: стоящая в перфекте связка оказывается поделена между двумя частями фразы: *ѥсмь* примыкает к первой именной составляющей сказуемого, а *быль* ко второй. Этот порядок может объясняться тем, что в действительности *быль* присоединяется к готовой презентной конструкции *не вазанъ ѥсмь ни битъ*, переводя ее в перфект. При этом, поскольку исходная конструкция уже содержит отсылку к прошлому (ср. в № 415 [сер. XV в.]: *оубиле мя пасынке и выгониле мя изо двора ... оубита есемо*), добавление *быль* смещает ситуацию еще на один шаг назад, создавая то, по существу плюсквамперфектное, значение отдаленного прошлого, которое мы выше и констатировали в этой фразе. При таком понимании ее структуры фраза может служить иллюстрацией «ретроспективного сдвига», функция которого, по В. А. Плунгяну [1998], как раз и состоит в смещении уже локализованной в прошлом ситуации в плюсквамперфектную зону «сверхпрошлого».

№ 1171. Шурф у Иоанновского раскопа.

гѣе · анѣ целомъ бие · труха · и хртѣ · брѣ
оцкии · · и гну · о-ндрѣю и · о-лександру · о-спо
до изъбѣжени есма · о^т · степанца · о^т · поса
дница · изима-въ кондратка · взалъ
на немъ · ----- (а на о)[нуфр]ѣикъ · г · рубри
ро...

В первом слове после *г* — вертикальный штрих начатой, но недописанной буквы: возможно, писец собирался написать *гну*, но передумал, решив начать перечисление адресатов с госпожи. В 5-й строке в слове *рубри* описка: *р* вместо *л*.

а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гибель без суда» [РЗ, 2: 55–56].

Вероятная конъектура для лакуны в 5-й строке: *рубль*.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х, предпочтительно не ранее 1340-х гг. — не позднее 1390-х гг. Расхождение со стратиграфической датой может объясняться пожилым возрастом писца.

Перевод: 'Госпоже Анне, и господину Андрею, и Александру бьет челом Труха и крестьяне бродские. Господа, нам нанес ущерб посадничий Степанко: схватив Кондратка, взял с него (рубль), а с Онуфрейка три рубля...'

Близкую параллель к адресной формуле представляет грамота № 307 (2 четв. XV в.): *Осподѣну Онд(рѣа)[н]у Михаиловицю, Оспо[д](ѣ)ну Микыти Михаило(ви)цю, Оспож(ѣ)нашеи Настасѣи Михаилоѣ женѣ чоломъ бѣю хрѣстьянѣ избоищанѣ*. В обоих случаях перед нами обращения к вдове феодала и его двум сыновьям. Но в № 307 сыновья упоминаются первыми, автор же комментируемой грамоты решил — как видим, после некоторых колебаний — поставить на первое место вдове.

В *изъбижени* вместо *о* стоит *ъ*, и это не случайная уступка бытовой орфографии. В аналогичной позиции и на фоне в остальном стандартной орфографии находим *ъ* в № 1094 (кон. XIV в.): *к Ъфоносу*, а также в ряде пергаменных грамот XIV–XV вв.: *в ѣднои лодѣи, и в ѣпась свои, в ѣтьдѣли, с ѣбѣ половинѣ, с ѣбѣ сторонѣ* [ГВНП, № 44, 46, 163, 204, 300]. Принцип такой записи понятен: *ъ* мыслится как стоящий в конце приставки/предлога перед последующим гласным, но одновременно обозначает сам этот гласный.

Труха — гипокористика от *Труфанъ* (Трифон), совпадающая с апеллятивом *труха*.

Грамота замечательна с точки зрения социальной дифференциации именослова. В этом отношении четко противопоставлены имена адресатов, с одной стороны, и авторов — с другой. Первые обозначены полными формами имен, при этом сами имена принадлежат к числу традиционных, престижных: Анна, Андрей, Александр. Крестьяне же, как и представляющий их интересы автор челобитной, представлены гипокористиками имен, по всей вероятности, данных по месяцеслову: Труха (Трифон), Кондратко, Онуфрейко. Промежуточное положение между двумя группами занимает обидчик — посадничий Степанец: подобно господам, он носит традиционное имя, но при этом, подобно крестьянам, назван его уменьшительной формой. По-видимому, такое обозначение неслучайно: в отличие от крестьян, обозначение которых гипокористиками для той эпохи совершенно нейтрально, в отношении представителя привилегированного слоя оно является маркированным и выражает негативную оценку.

Впервые на бересте встретилась форма 1 лица мн. числа *есма*, отсутствие которой в берестяных грамотах специально отмечал А. А. Зализняк, приводя примеры из пергаменных грамот, в том числе новгородских [ДНД: 139].

№ 1172. Иоанновский раскоп. Письмо из двух строк с утраченным правым краем. Судя по характеру обрыва, утрачен был совсем небольшой фрагмент.

+ ѿ тоудора к алѣкъши продае шидоу [в]...
идеть ти монаго

У *в* в конце 1-й строки горизонтальные штрихи не сохранились, что делает букву похожей на *к*, однако два бесспорных *к* выглядят иначе.

Стратиграфическая дата: четвертая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1180-е — 1210-е гг.

Вероятная реконструкция (при допущении минимальной утраты справа): + ѿ Тоудора к Алѣкъши. Продае шидоу [в](ъхоу), | идеть ти монаго.

Перевод: 'От Тудора к Олекше. Продай весь шелк, на подходе большая партия'.

Перед нами записка, адресованная купцу. Смысл ее ясен: шелк надлежит продать, пока на рынок не поступил находящийся в пути товар, что неизбежно приведет к падению цены.

Шиды — шелк⁶; согласно [Фасмер, 4: 437], заимствование из ср.-лат. *sēta* (*sērica*) ‘(китайская) шерсть’ при посредстве др.-верх.-нем. *sīda* или ср.-верх.-нем. *sīde*. Пример на 200 лет опережает первые словарные фиксации слова и его производных *шидныи* и *шидянь* [Там же].

Монаго — вместо *моноого*, гиперкоррекция по аналогии с заменой *-ого* на *-аго* в Р. ед. муж.-ср. адъективного склонения. Этот ошибочный «пересчет» мог произойти лишь при наличии в диалекте писца нового окончания *-ого*, которое как раз в эту эпоху появляется в берестяных грамотах. Данное написание укрепляет версию о гиперкорректной природе окончания *-аму*, представленного в *дыцьскамоу* в № 222 (1 четв. XIII в.) и *дытьскамоу* Ст. Р. 8 (1 пол. XII в.) и известного также из книжных памятников [ДНД: 129]: последнее может представлять собой результат аналогичной замены *о* на *а*, производимой внутри адъективной парадигмы. Заметим, что искусственность записи *дыцьскамоу* выдает и суффикс *ьск*, добавленный к *ц*, возникшему на стыке морфем после утраты слабого редуцированного.

К Алѣкъшии — еще один пример рефлексии сочетания *ь + о* в виде *а*; см. [ДНД: 74]. Характерно, что это явное следствие утраты слабого *ь* обнаруживается на фоне его сохранения в суффиксе, а также в *монаго*; о природе такого опережающего отражения на письме последствий утраты слабых редуцированных см. [Гиппиус 2020: 25–26].

Старая Русса

В 2023 г. в Старой Руссе были продолжены работы на Пятницком-II раскопе, расположенном в историческом центре города. Исследования производились археологической экспедицией Новгородского государственного университета (руководитель экспедиции Е. В. Торопова). При изучении пласта 22 в северо-западной части усадьбы «Б» были найдены берестяные грамоты № 55 и 56, в центральной части усадьбы обнаружена берестяная грамота № 58. Грамота № 57 найдена в пласте 25 в юго-восточной части изучаемой усадьбы. Слои, в которых были найдены эти документы, предварительно датируются серединой — второй половиной XII в.

Грамоты № 55 и 56 — небольшие фрагменты, написанные одной рукой и скорее всего принадлежащие одному документу. № 55 содержит окончание первой строки: ...[л]ава къ ми]... — явно обрывок адресной формулы, например, (*отъ Мирос*)[л]ава къ Ми(*халю*). В № 56 сохранилось начало последней строки, в котором предположительно опознается слово ‘месяц’: ...[ка м[ѣса](ц)- ... Другие два документа представляют больший интерес.

Ст. Р. 57. Сохранилась первая строка без левого края и верхи от части букв второй строки.

(... у т)[у]дорка кдъ у жадѣна кдъ у пировѣ кдъ у облика кдъ у ѡльк кдъ
...[виц]а к[дъ у кузьм]ѣ [кдъ у завидица] (к)[д.](ь)

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1200-х гг., не позднее 1270-х гг.

Перед нами фрагмент реестра натурального сбора. Объемы продукта указаны в кадах; это может быть как зерно, так и обычная для Старой Руссы соль. Среди названных имен преобладают (в соотношении 5 к 3) древние славянские.

Пировая — жена или вдова человека по имени *Пирь*. Последнее может быть как самостоятельным антропонимом, так и усеченной формой древнего двухосновного имени

⁶ Чтение предложено А. В. Птенцовой. Альтернативная трактовка этой словоформы как Д. ед. личного имени *Шидь*, отразившегося в названии *Шидовичи*, упомянутом в грамоте № 789 (2 пол. XI в.), менее вероятна, так как заставляет предполагать утрату еще одного слова в конце первой строки.

Пирогость, отразившегося в новгородской топонимии (д. *Пирогоща* в Холмском погосте Деревской пятины), а также в названии знаменитой киевской церкви и иконы Богородицы, см. [Васильев 2012: 282; ЕСЛГН: 131–132].

Обликъ — ранее не встречавшееся префиксально-корневое имя типа *Обрадъ* или *Обидъ* (< *Obvidъ) [Васильев 2012: 104, 249]; для редкого корневого элемента параллель составляет *Семоликъ* в № 1059 [Гиппиус, Сичинава 2021: 232–233].

Ст. Р. 58. Небольшой фрагмент из середины письма.

... [ε]--[п]оу · а [же]...
 ... · а · кроу·те · [е]и · н...
 ...[а]болю · а · са·м[ε] ...
 (...)

Грамота написана размашистым почерком, со значительной вариацией в размере и начертаниях одних и тех же букв; слоги факультативно разделяются точками.

Внестратиграфическая оценка: не позднее 1320-х гг., предпочтительно не позднее 1290-х гг.

В первой строке опознается слово *епископу*. Во второй уверенно выделяется словоформа *кроуте*, в которой с высокой вероятностью можно видеть Р. ед. существительного *крута*. В [Слов. XI–XVII, 8: 88] слово фиксируется (с XV в.) в значениях ‘женские наряды, украшения’ и ‘оклад и другие украшения на иконах’, однако в севернорусских говорах оно также широко представлено в значении ‘приданое’ [СРНГ, 15: 323], что кажется более подходящим к контексту. Реконструируемая фраза — *а кроуте [е]и н(е дасть)* — заставляет вспомнить грамоту № 9 (2 пол. XII в.), знаменитое письмо от Гостыты к Василию с жалобой на мужа, не отдающего приданое: *[Е]же ми отьць даалъ и роди съдаали, а то за нимъ. А нынѣ вода новоую женоу, а мнѣ не въдасть ничьто же*. Это сходство позволяет предполагать, что на *же*... в первой строке начиналось слово *жена*, например *а же(ноу поустиле)*... (ср. продолжение текста в № 9: *Избивъ роуку поустилъ же ма, а иноую полѣ*). Объяснимо в этом случае и упоминание епископа: расторжение брака могло происходить при его участии. См. в «Вопрошании Кирика»: «А иже то роспустила са малжена, и передъ тобою, влѣко, тагавша са, что тѣмъ шпитемъ?» [ВК: 48].

С учетом сказанного, а также очевидной конъектуры в третьей строке, текст грамоты можно частично реконструировать:

... [еп](к̑)[п]оу, а [же](ноу поустиле) ... | ..., а кроуте [е]и н(е дасть). ... (язъ са о томъ н[а]болю, а сам[е] ...
 ‘... епископу, а жену (прогнал?) ..., а приданое не отдает. ... (Об этом) я позабочусь, а ты сам ...’.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСЗ — *Акты служилых землевладельцев*. Сб. документов в 4 т. Т. 3. М.: Археографический центр; Древлехранилище, 2008.
- АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* Ч. 1–3. Бахрушев С. В. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1951–1961.
- ВК — *Вопрошание Кириково. Памятники древнерусского канонического права*. Ч. 1: *Памятники XI–XV вв.* 2-е изд. Павлов А. С. (ред.). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.
- ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Валк С. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- ГВНП 2 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. 2-е изд. Т. 1: *Тексты*. Анкудинов И. Ю. (сост.). В печати.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.

- ЕСЛГН — Железняк И. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С. *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Київ: Наукова думка, 1985.
- Кочин — Кочин Г. Е. *Материалы для терминологического словаря древней России*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Насонов А. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Изд-во Ленинградского ун-та; Санкт-Петербургского ун-та, 1967–2017.
- РЗ — *Российское законодательство X–XX веков*: в 9 т. Т. 1: *Законодательство Древней Руси*. Янин В. Л. (отв. ред.). М.: Юридическая литература, 1984. Т. 2: *Законодательство Древней Руси*. Горский А. Д. (отв. ред.). М.: Юридическая литература, 1985.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Вып. 1–13. М.: Русский язык; М.; СПб.: Нестор-История, 1988–2023.
- Скрипиль — Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне. *Труды отдела древнерусской литературы*, 1936, 3: 99–152.
- Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. М.: Наука; М.; СПб.: Нестор-История, 1975–2015.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–7. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.
- Ужевич — *Грамматика слов'янська І. Ужевича*. Жовтобрюх М. А. (відп. ред.), Білодід І. К., Кудрицький Є. М. (уклад.). Київ: Наукова думка, 1970.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. М.: Прогресс, 1986.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–39. М.: Наука, 1974–2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бобрик 2014 — Бобрик М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2: 191–201. [Bobrik M. A. Marginalia to birchbark letters and Old Russian epigraphic texts. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2: 191–201.]
- Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012.]
- Гептинг 2023 — Гептинг Э. Л. Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья. *Русская речь*, 2023, 4: 40–50. [Gepting E. L. Dialect representation in the minds of the older generation of the Ilmen Poozerie. *Russkaja rech'*, 2023, 4: 40–50.]
- Гиппиус 2020 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 22–37. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 22–37.]
- Гиппиус 2024 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1164: к проблеме десятичной организации населения Новгородской земли. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 2024, 1: 27–35. [Gippius A. A. Birchbark letter No. 1164: On the problem of decimal organization of the population of Novgorod land. *Drevnyaja Rus'*: *Voprosy medievistiki*, 2024, 1: 27–35.]
- Гиппиус, Сичинава 2021 — Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация. *Русский язык в научном освещении*, 2021, 2: 178–259. [Gippius A. A., Sichinava D. V. Addenda et corrigenda for previously published birchbark letters [XIII]: A pre-publication. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 178–259.]
- ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents.

- Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]
- Зализняк 2019 — Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Языки славянской культуры, 2019. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and dictionary]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2019.]
- Калашникова 2018 — Калашникова А. А. К вопросу о классификации русских судебных документов XV — первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки. *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018, 4(20): 264–272. [Kalashnikova A. A. On the classification of Russian judicial documents of the 15th — the first half of the 16th centuries: Judgement charters and trial records. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniya po rossiiskoi i vseobshhei istorii*, 2018, 4(20): 264–272.]
- Каштанов 1970 — Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. [Kashtanov S. M. *Ocherki russkoi diplomatiki* [Essays on Russian diplomatics]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Крысько 1998 — Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания*, 1998, 3: 74–93. [Krys'ko V. B. The Old Novgorod-Pskov dialect from the point of view of Common Slavic. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 3: 74–93.]
- Кучкин 2008 — Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. М.: Индрик, 2008, 270–428. [Kuchkin V. A. "Desyatskie" and "sotskie" in Old Rus'. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Moscow: Indrik, 2008, 270–428.]
- Матвеев 2001 — Матвеев А. К. *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. [Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymics of the Russian North]. Part I. Ekaterinburg: Ural Univ. Press, 2001.]
- Назаренко 2003 — Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях*. М.: Языки русской культуры, 2003. [Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Rus' on international ways]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2003.]
- НГБ III — Арциховский А. В., Борковский В. И. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.)*. М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1953–1954)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1958.]
- НГБ VII — Арциховский А. В., Янин В. Л. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.)*. М.: Наука, 1977. [Artsikhovskii A. V., Yanin V. L. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Nauka, 1977.]
- НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига». *Язык. Африка. Фульбе. Сб. к 60-летию А. И. Коваль*. Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (сост.). СПб.: Европейский дом, 1998, 106–115. [Plungian V. A. Plusquamperfect and «retrospective shift» markers. *Jazyk. Afrika. Ful'be. Coll. of papers on the 60th anniversary of A. I. Koval'*. St. Petersburg: Evropejskii dom, 1998, 106–115.]
- Потебня 1968 — Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. Т. III: *Об изменениях значения и заменах существительного*. М.: Просвещение, 1968. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. 3: *Ob izmeneniyakh znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo* [On the meaning changes and noun replacements]. Moscow: Prosveshchenie, 1968.]
- Саенко 2022 — Саенко М. Н. *Очерки по славянской соматической лексике*. М.: Индрик, 2022. [Saenko M. N. *Ocherki po slavyanskoi somaticheskoi leksike* [Essays on Slavic somatic vocabulary]. Moscow: Indrik, 2022.]
- Чернов 2021 — Чернов С. З. Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепской колонизации новгородского Обонежья. *Русь в XIII — XV вв.: новые открытия в области археологии и истории*. Беляев Л. А., Коняевская Е. Л. (отв. ред.). М.: Индрик, 2021, 119–152. [Chernov S. Z. Two pogosts — one «tribe»: The amicable agreement of 1375 and the mechanisms of the Veps'

colonization of the Novgorod Obonezhye. *Rus' v XIII—XV vv.: novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii*. Belyaev L. A., Konyavskaya E. L. (ed.). Moscow: Indrik, 2021, 119–152.]

Циммерлинг 2022 — Циммерлинг А. В. Скоть₄ по ученым людям: от Шимкевича до Назаренко. Доклад на конф. *Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе*, 8–9 июня 2022 г., Москва, ИРЯ РАН. [Zimmerling A. V. Skot'₄ upon learned people: From Shimkevich to Nazarenko. Talk at the conference *Ancient Rus' and the German World in Historical and Philological Perspective*, June 8–9, 2022, Moscow, Institute of Russian Language.]

Шахматов 1903 — Шахматов А. А. *Исследование о двинских грамотах XV в.* СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1903. [Shakhmatov A. A. *Issledovanie o dvinskikh gramotakh XV v.* [Study on the 15th-century Dvina charters]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1903.]

Получено / received 21.05.2024

Принято / accepted 10.06.2024

Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора

© 2024

Роман Витальевич Ронько

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
romanronko@gmail.com

Арсений Денисович Анисимов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; a.anisimov@hse.ru

Екатерина Алексеевна Заливина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; zalivina01@mail.ru

София Александровна Землянская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; sofizem.4@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается сохранность диалектной лексики, собранной в рамках Программы сбора сведений для Диалектологического атласа русского языка в говоре одного куста деревень Западнодвинского района Тверской области. Наличие диалектных лексем в соседних деревнях проверяется по Базе данных Диалектологического атласа русского языка. Для синхронной оценки сохранности исследуемых лексем представлена и разработана специальная шкала витальности. По материалам, представленным в статье, можно сделать вывод об относительной устойчивости диалектной лексики в изучаемом говоре.

Ключевые слова: диалектология, диахрония, лексика, лингвистический атлас, севернорусские диалекты, языковая витальность

Благодарности: Авторы от всей души благодарят О. Е. Кармакову и И. А. Букринскую за ценные рекомендации, полученные в процессе написания статьи, всех участников диалектологического кружка НИУ ВШЭ, а также анонимных рецензентов.

Для цитирования: Ронько Р. В., Анисимов А. Д., Заливина Е. А., Землянская С. А. Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 27–44.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.27-44

Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect

Roman V. Ron'ko

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; romanronko@gmail.com

Arseniy D. Anisimov

HSE University, Moscow, Russia; a.anisimov@hse.ru

Ekaterina A. Zalivina

HSE University, Moscow, Russia; zalivina01@mail.ru

Sofia A. Zemlyanskaya

HSE University, Moscow, Russia; sofizem.4@gmail.com

Abstract: The paper examines the sustainability of dialect vocabulary in the variety spoken in a set of villages of the Zapadnodvinsk district of the Tver region. The data were collected within the framework of the Data Collection Program for the Dialectal Atlas of the Russian language. The presence of dialectal lexemes in neighboring villages is cross-checked using the Database of the Dialectal Atlas of the Russian Language. The paper offers a sustainability scale of lexemes that is a measure of the degree of their sustainability across dialects. Based on the data discussed in the paper the conclusion is drawn that the dialect vocabulary in the dialects explored in the paper is relatively stable.

Keywords: atlas, diachrony, dialectology, language vitality, lexicon, North Russian

For citation: Ron'ko R. V., Anisimov A. D., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A. Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 27–44.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.27-44

Введение

Работа посвящена изучению лексического строя одного псковского говора в деревнях Макеево, Шетнево и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. В нашем распоряжении есть данные двух временных срезов: сведения, собранные по Программе (далее Программа [Аванесов (ред.) 1947]) сбора материалов для Дialectологического атласа русского языка [ДАРЯ, I–IV] в Западнодвинском р-не в 1952 г. и полевые материалы, полученные в экспедициях в 2021–2023 гг. Основная цель работы — детально описать процесс сохранения и утраты лексем, попавших в Программу сбора материалов для ДАРЯ. Исследование можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, это собственно исследование лексики: работа содержит дескриптивную часть, получен список лексем, которые были зафиксированы в говоре. Во-вторых, это социолингвистическое и микродиакроническое исследование: мы представляем модель утраты разных лексем, анализируем сохранность их в речи разных информантов и оцениваем разные лексемы по шкале витальности, которая будет описана ниже. Предполагаем, что нашу методику так или иначе можно применить для анализа всех говоров, для которых имеются данные ДАРЯ, то есть почти для всех говоров Европейской части России.

Основой исследования служит попытка авторов повторить сбор материала по лексической части программы сбора материалов для ДАРЯ с рядом важных модификаций (подробнее в разделе 1). В программе ДАРЯ содержатся лексемы, которые являются дифференциальными признаками для разных групп говоров¹. Многие из этих лексем конкурируют с лексемами литературного языка, которым владеют наши информанты. Эта конкуренция является одной из причин утраты диалектных явлений: литературный язык, обладающий значительным языковым престижем, вытесняет менее престижный диалектный язык. Второй очевидной причиной является утрата некоторых реалий деревенской жизни. Такое орудие труда, как *цеп*, давно не используется в современном сельском хозяйстве и заменено более технологичными средствами (комбайнами и молотилками). Диалектная лексема *привязь* ‘цеп’ теперь не имеет референтов в мире носителей исследуемого говора, только старшее поколение информантов использовало упомянутые предметы и называло их подобным образом. Важной особенностью нашего исследования является использование

¹ Принципы составления программы отражены в [Орлова (ред.) 1960].

электронной Базы данных ДАРЯ [БД ДАРЯ], в которой содержатся ответы на вопросы по Программе для 4196 населенных пунктов. БД ДАРЯ является продолжением начатого в конце 1980-х гг. проекта отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН под руководством Н. Н. Пшеничной и О. Н. Долгова по цифровизации архива диалектологического атласа, хранящегося в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова. В настоящее время проект доведен до конца. В нашем исследовании мы используем данные точно, однако материал находится в открытом доступе, прост в использовании и может служить базой для масштабных исследований.

Изучаемый говор относится к псковским среднерусским акающим говорам по диалектному членению К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [Захарова, Орлова 1970] и к говорам Западнорусского диалектного типа (разнородным говорам четвертого ранга P2PP), согласно классификации Н. Н. Пшеничной [2008]. Говор находится рядом с границей смоленских говоров и имеет ряд смоленских грамматических черт [Ронько и др. 2023]. Диалектная классификация Н. Н. Пшеничной основана на диалектометрическом подходе, который реализован на материале, собранном по Программе, на части этих же данных базируется наша работа. Надо отметить, что переходность этих говоров хорошо видна на картах, построенных И. А. Марченко методом мультимодального шкалирования [Marchenko 2023]. Подробное описание грамматики говора содержится в работе [Ронько и др. 2023], образцы говора представлены в звучащем корпусе [Ронько и др. 2021–2023]. Лексика Псковских говоров широко представлена в [ПОС], где, в частности, приведена лексика говоров Торопецкого р-на, граничащего с Западнодвинским р-ном Тверской области.

Социолингвистические исследования по оценке сохранности тех или иных черт русских говоров активно проводятся в последние годы. Так, в статье [Daniel et al. 2019] рассматривается динамика утраты целого комплекса грамматических черт говора бассейна реки Устья (Вологодские говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970]). В работе Е. А. Заливиной [2023] дан анализ сохранности диалектных окончаний глаголов 3 л. в говорах к северу от Опочки (Псковские говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970]). В очерке говора, которому посвящено исследование [Ронько и др. 2023], приводятся социолингвистические сведения о ряде грамматических черт, по которым можно судить о сохранности диалектной грамматики. Социолингвистические подходы к описанию состояния диалектных черт широко известны. Здесь принято отмечать работы Уильяма Лабова [Labov 1963; 1965; 2011] и Питера Трудгила [Trudgill 1986], посвященные фонетическим изменениям в американских и британских диалектах английского языка с использованием количественных методов, детальным описанием социальных параметров, с которыми связана языковая вариативность, и тенденций, которые сопутствуют конкуренции двух разных диалектных систем. Коллективу авторов не известны работы, последовательно сравнивающие современное состояние лексем из списка Программы сбора материалов для ДАРЯ с их состоянием времен сбора данных для диалектологического атласа (1950-е гг.). Однако есть приближенные к этому исследования, здесь стоит отметить цикл работ И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и некоторых других исследователей [Букринская, Кармакова 2012; 2017; 2018; 2021; 2022; Букринская и др. 2011; Дьяченко и др. 2014; 2015]. В упомянутых работах для говоров на территории обследования ДАРЯ проводился сбор лексического материала по Программе. В некоторых из исследований авторы дают оценку сохранности лексики говора, приводят контексты со списком лексем, однако эти работы не содержат социолингвистического компонента. Для нас наиболее интересными являются статьи [Букринская, Кармакова 2021; 2022], в которых изучается лексика Селигеро-Торжковского говора села Лужниково, по лексическому составу близкая диалекту, изучаемому в нашей работе.

Статья построена следующим образом: в разделе 1 мы описываем данные и методы, в разделе 2 проводим сравнение лексического состава говора с данными ДАРЯ, в разделе 3 содержится синхронный анализ динамики утраты диалектных лексем у разных групп информантов, далее приводится Заключение. После Заключения дано Приложение, которое

содержит диалектные лексемы со значениями, проиллюстрированными корпусным материалом [Ронько и др. 2021–2023].

1. Данные и методы

Основным методом исследования стал устный опрос по Программе ДАРЯ, которая содержит 153 вопроса по лексике. Для исследования были отобраны 84 вопроса Программы. Основными параметрами отбора вопросов стали наличие карт ДАРЯ и наличие данных по ближайшим населенным пунктам. В работе содержатся данные, полученные от 11 информантов, однако, к сожалению, не по всем лексемам получены разъяснения от каждого из них. В БД ДАРЯ содержатся сведения об исследуемой лексике в дд. Осташково, Поляки, Тарасиха и Семёновское Западнодвинского р-на Тверской обл., собранные в 1952 г. Жители этих деревень были носителями почти идентичного говора. Деревня Осташково, которая в настоящее время не сохранилась, находилась в километре от западного края д. Шетнево и входила в изучаемый куст деревень. Остальные деревни располагаются в радиусе 20 километров от д. Макеево. На карте (рис. 1) разным цветом отмечены деревни, исследованные нашей группой, и деревни, исследованные в рамках сбора материалов ДАРЯ в 1952–1953 гг.

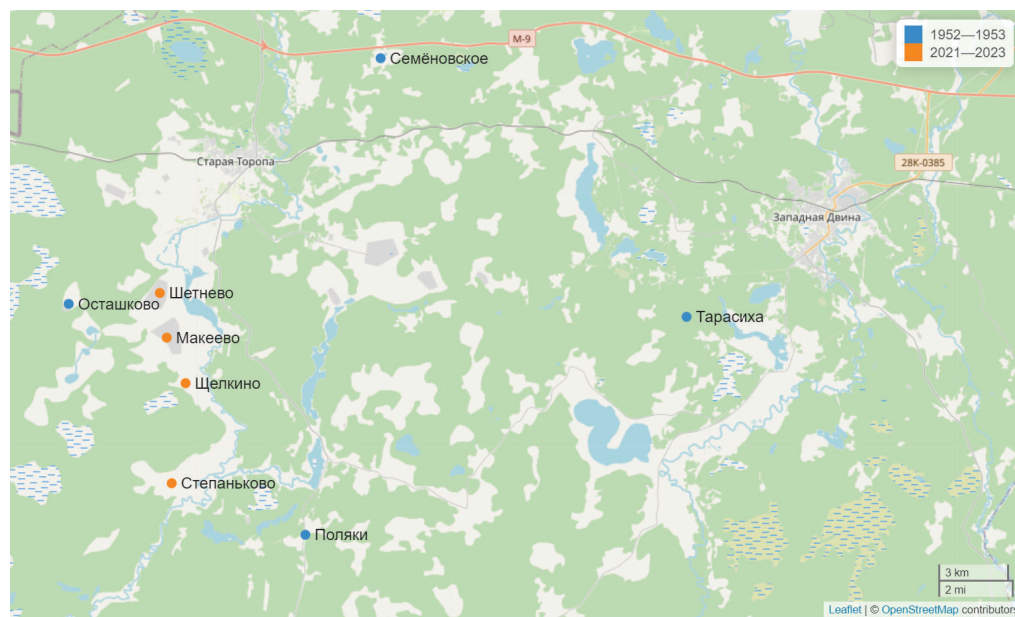

Рис. 1². Район исследования

На первом этапе исследования мы сравниваем списки полученных лексем из двух временных срезов и анализируем, какие из диалектных лексем утрачены.

Для оценки сохранности мы использовали шкалу витальности, которая состоит из четырех стадий. Интервью с информантами строилось следующим образом.

² Карта сделана с помощью пакета R “Lingtypology: Easy mapping for Linguistic Typology” [Moroz 2017].

А. Словоформа искомой лексемы получена в результате разговора на заданную тему. Так, с целью получить слово *жбанок* 'посуда для хранения молока', интервьюер начинал разговор на широкую тему «домашняя утварь», стараясь избегать прямых вопросов, например: «Как у вас называется посуда для хранения молока?». Тексты на «заданные темы» содержатся в том числе в корпусе говоров дд. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2021–2023], некоторые примеры, приведенные в статье, также содержатся в данном корпусе.

Б. Словоформа искомой лексемы получена в ответе на прямой вопрос: «А в какой посуде раньше хранили молоко?».

В. В том случае, если ответ на вопрос не получен, интервьюер произносит слово сам. Информант либо вспоминает его, тогда мы предполагаем, что оно есть у информанта в пассивном запасе, либо не узнает, тогда мы считаем, что слово отсутствует в идиолекте информанта. Таким образом, шкала витальности выглядит следующим образом:

1. Устойчивая лексика. Информанты употребляют ее без специального вопроса.
2. Информанты употребляют нужное слово при ответе на специальный вопрос (пассивный запас 1).
3. Информанты узнают лексику, после того как интервьюер ее произнес (пассивный запас 2).
4. Информанты не узнают лексику, после того как интервьюер ее произнес (исчезнувшая лексика).

В работе присутствует ряд очевидных сложностей и ограничений³: так, на прямой вопрос: «Как называется самец курицы?», — интервьюер скорее всего в качестве ответа получит стандартную лексику *петух*, а не диалектную *петун* [п'а́тун] (это, разумеется, только в том случае, если интервьюер в принципе получит ответ на подобный вопрос от носителя русского языка). На вопрос «Как в вашей деревне называется петух?» или «Как в вашей деревне раньше назывался петух?» информант либо пытается активизировать свою память и, возможно, употребить слово, которое содержится у него в пассивном запасе, либо подвергается лексическому праймингу. Таким образом, существуют лексемы, которые если не попадают по шкале витальности в стадию 1 (употребляются без специального вопроса), то сразу минуя стадию 2 и либо попадают в пассивный запас (пассивный запас 2), либо просто не содержатся в идиолекте информанта. Кроме того, существуют лексемы, которые при работе с информантом можно получить только с помощью прямого вопроса. Так, например, подзываютные слова для животных ни разу не встретились в потоке речи. Вероятно, чтобы зафиксировать подобные слова в речи, следует находиться рядом с деревенским жителем во время работы с животными. К сожалению, авторам работы не удалось оказаться в подобной ситуации, с одной стороны, из-за принципов ведения записи и, с другой стороны, из-за состояния сельского хозяйства в изучаемых деревнях. Похожие проблемы возникают с лексемами, которые обозначают разные части орудий труда: чтобы получить нужные слова, нужно задавать специальные вопросы, например: «Из каких частей состоит коса?» или «Как называется острая часть косы?». У метода были отмечены и другие ограничения. Слова, находящиеся в пассивном запасе (стадии 2 и 3), информант при прямом опросе может не вспомнить. Так, один из наших респондентов 1953 года рождения, который проходил опрос три года подряд, в 2021 г. вспомнил слово *боркан* 'морковь' (стадия 2), а в 2022 и 2023 не вспомнил (стадия 3–4). Кроме того, при прямом вопросе может быть получена стандартная лексема, а в спонтанной речи может использоваться диалектная.

Отдельную проблему представляют исчезнувшие лексемы (4 стадия). Для фиксации факта исчезновения лексемы требуется получить от информанта четкий отрицательный ответ. При ведении с информантом разговора «на заданную тему» такой ответ часто получить не представляется возможным, особенно сложно получить подобный отрицательный материал при работе с информантами старшего возраста.

³ Часть этих проблем обсуждается в [Аванесов и др. 1957].

Для анализа лексем и их значений по шкале витальности предлагается визуализация на диаграмме размаха (рис. 2, раздел 3). Стоит отметить, что для применения этого метода предварительно были выбраны только те лексемы, данные по которым были собраны минимум от трех информантов. Диаграмма размаха позволяет сопоставить лексемы по межквартильному размаху, что может служить основанием для предположения о сохранении одних лексем и об исчезновении из диалекта других. Различная длина прямых линий («усов») свидетельствует об асимметричном распределении. Графики в настоящей работе были построены с помощью библиотеки *seaborn* [Waskom 2021], данные представлены в виде «троек»: лексема — информант — оценка по шкале витальности. Данные о корреляции возраста и образования информантов с местом на шкале витальности были организованы в таблицы. Для анализа этих параметров была применена порядковая смешанная модель логистической регрессии.

Иллюстративный материал, содержащийся в работе, получен либо из корпуса говоров дд. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2021–2023], либо из полевых материалов авторов. На данном этапе объем корпуса составляет 95 335 токенов или 117 831 токенов, включая речь интервьюеров.

2. Лексический состав говора в свете данных
Диалектологического атласа русского языка

В этом разделе мы сравниваем данные двух разных временных срезов и учитываем все лексемы, которые присутствуют в активном или пассивном запасе (на любой из выделенных стадий) хотя бы у одного информанта. Для удобства изложения мы будем называть такой подход к оценке сохранности общим, а исследование степени сохранности слов у разных информантов — детальным. В табл. 1 представлен список лексем программы, встреченных нами в изучаемом говоре, и сведения об их представленности в окружающих деревнях во время опроса по программе в 1952–1953 гг. согласно БД ДАРЯ. В левом столбце представлены лексемы, которые были зафиксированы в говоре, в правом столбце — соседние деревни, в которых эти лексемы были зафиксированы во время обследования 1952–1953 гг. Деревни обозначены первыми буквами своих названий⁴.

Таблица 1

Диалектные лексемы из Программы и данные ДАРЯ

Лексема, обнаруженная в говоре в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>уса́дьба</i> ‘место под посадку картошки’	С, Т, О, П
<i>ри́га</i> ‘постройка для сушки снопов’	С, Т, О
<i>лю́лька</i> ‘колыбель’	С, Т, О, П
<i>жбано́к</i> ‘посуда для молока’	С, Т, О, П
<i>ко́вшик</i> ‘ковш’	С, Т, О, П
<i>куле́ш</i> ‘каша из муки’	С, Т, О, П
<i>пра́йник</i> ‘орудие для выколачивания белья при стирке’	С, Т, О, П
<i>испо́дки</i> ‘вязанные, кожаные или матерчатые рукавицы с одним пальцем’	С, Т, О, П

⁴ С — Семёновское, Т — Тарасиха, О — Осташково, П — Поляки.

Лексема, обнаруженная в говоре в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>прівязь</i> ‘цеп’	С, Т, П
<i>держалье, держанье</i> ‘ручка цепа’	Т, П
<i>біло</i> ‘бьющая часть цепа’	О
<i>рёмень</i> ‘приспособление, соединяющее ручку и бьющую часть цепа’	Т, О, П
<i>косовьё</i> ‘деревянная ручка косы’	С, Т, О, П
<i>палец</i> ‘небольшая деревянная рукоятка на косовище’	Т, О, П
<i>орать</i> ‘пахать’	С, Т, О, П
<i>бороновать</i> ‘бороновать’	С, Т, О
<i>зелеь</i> ‘всходы зерновых культур’	С, Т, О, П
<i>жнивьё</i> ‘сжатое поле’	С, Т, П
<i>бабка</i> ‘малая укладка снопов зерновых культур’	С, Т, О, П
<i>одонье, одонок</i> ‘большая укладка снопов’	С, Т, О, П
<i>жіто</i> ‘ячмень’	С, Т, О, П
<i>позём</i> ‘навоз’	С, Т, О, П
<i>толока</i> ‘коллективная помощь в работе’	С, Т, О, П
<i>тягают</i> (коллокация <i>лён тягать</i>) ‘глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён’	С, Т, О, П
<i>боркан</i> ‘морковь’	С, Т, О, П
<i>бурак</i> ‘свёкла’	С, П
<i>гороховина</i> ‘стебли гороха и огурцов’	С, Т, О, П
<i>петун</i> ‘петух’	О
<i>берёжая</i> ‘беременная лошадь’	П
<i>суяная</i> ‘беременная овца’	С, Т, О, П
<i>сикахи</i> ‘муравьи’	С, Т, О, П
<i>ніва</i> ‘поле’	С, Т, О, П
<i>лядіна</i> ‘лес в болотистом месте’	С, Т, О
названия ягод с суф. <i>-иц(а)</i>	С, Т, О, П
<i>посидёлки</i> ‘вечерние собрания молодёжи (в помещении)’	С, Т, О, П
<i>играть</i> ‘петь’	С, Т, О, П
<i>плакать</i> ⁵ ‘причитать над покойником’	С, Т, О, П
<i>дуже</i> ‘очень’	С, Т, О, П

Необходимо отметить, что лексемы *берёжая*, *бурак*, *жнивьё*, *держанье*, *прівязь* не были обнаружены в деревне Осташково в 1952 г. Учитывая то обстоятельство, что эта деревня принадлежала к кусту исследуемых нами деревень, можно предположить, что эта лексема там существовала, но не была отмечена исследователями. Таким образом, наши сведения дополняют данные, представленные в диалектологическом атласе.

⁵ Обнаружено в сочетании *плакать голосом*.

В табл. 2 представлены лексемы, которые предположительно не существуют ни в активном, ни в пассивном запасе у наших информантов, они не узнали эти лексемы при прямом вопросе. В левом столбце даны лексемы, которые авторам не удалось зафиксировать в современных говорах, но которые были записаны в 1952–1953 гг., в правом столбце — сведения из БД ДАРЯ.

Таблица 2

Лексемы, не сохранившиеся в говоре, и их наличие в соседних деревнях по данным БД ДАРЯ

Лексема, отсутствующая в исследуемом кусте деревень в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>рёя</i> ‘постройка для сушки снопов’	П
<i>вязянки</i> ‘вязаные рукавицы с одним пальцем’	П
<i>битёц, бiтец</i> ‘бьющая часть цепа’	Т, П
<i>вязо́к</i> ‘небольшая деревянная рукоятка на косовище’	С
<i>жнивó</i> ‘сжатое поле’	О
<i>ржiще</i> ‘сжатое поле после ржаных культур’	С, Т, П
<i>сожерёбая, сжерёбая</i> ‘беременная лошадь’	С, Т
<i>мост</i> ‘пол’	С, Т, О, П

В данном списке представлен вариант лексемы *жнивó*. В исследуемом говоре удалось зафиксировать только вариант *жнивьё*. Вероятно, вариант *жнивó* утратился под влиянием говоров окружающих деревень.

3. Синхронный анализ сохранности диалектных лексем

После анализа «общей сохранности» лексики переходим к синхронному анализу лексем у разных информантов. На рис. 2 показаны диалектные лексемы, данные по которым собраны более чем у трех информантов. О способе построения графика см. в разделе 1. По оси Х отмечена степень витальности по шкале, где 1 — встречается в спонтанной речи, а 4 — не существует в идиолекте носителя, а по оси Y отмечены сами лексемы. Толстыми линиями показан разброс между степенью сохранности у разных носителей (см. рис. 2, с. 35).

На рисунке лексемы упорядочены снизу вверх по уровню сохранности: от наименее сохранной до самой устойчивой. Несмотря на то, что данный метод не позволяет выделить строгих границ между группами лексем, мы объединяем лексемы на основе значения медианы и интерквартильного размаха.

Лексемы первой группы фиксируются в повседневной речи информантов при разговоре с ними на определенную тему. Ср.: *Ни поестъ, ни одеться. Ничего. Оделись. Лён тягáли. Молотили, трепали, пряли и вот ткали вот это. Холщёвое, и шили платья. Ношили.* (mga1932)⁶

К таким лексемам относятся *ка́дка* (с формой *каду́шка*), *лю́лька*, *мура́вка*, *сика́хи*, *суяная*, *тяга́ть* в сочетании с лексемой *лён*, подзывные *бась-бась* (с формой *бася-бася*) и названия ягод с суффиксом *-иц(а)* (*земляни́ца*, *черни́ца*, *брусни́ца*). На рис. 2 обнаруживается отсутствие разброса в данных, что может свидетельствовать о сохранении лексемы в активном запасе у информантов.

⁶ Буквенный код информанта.

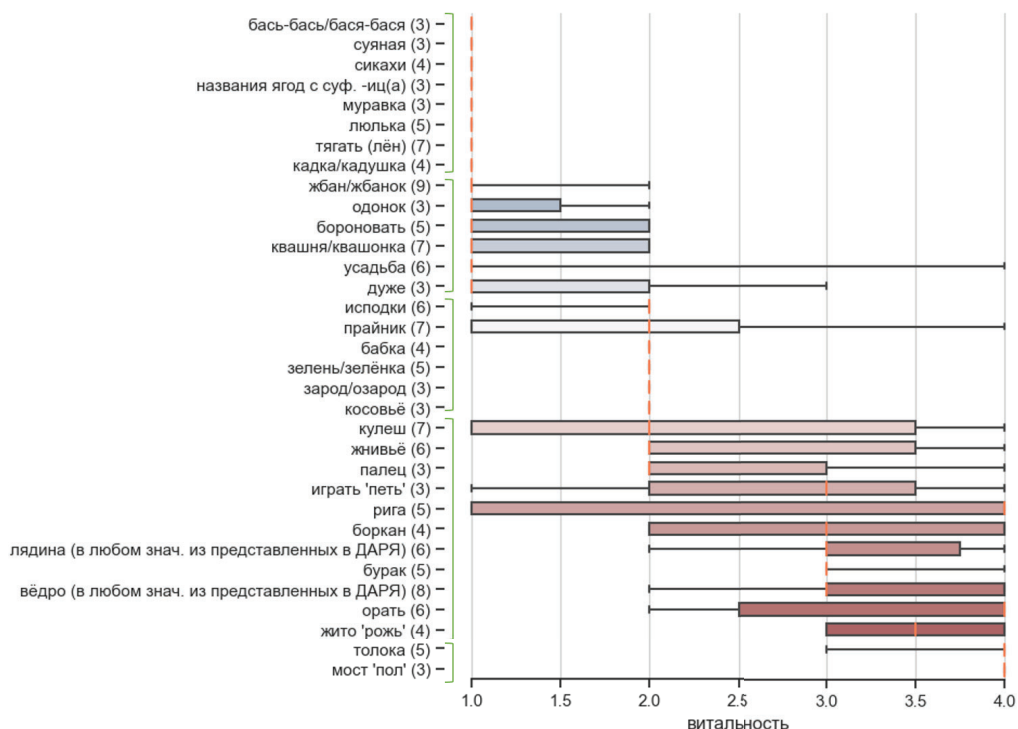

Рис. 2. Сохранность лексем программы ДАРЯ в исследуемом говоре

Вторая группа лексем реже наблюдается в повседневной речи информантов. Эта группа менее однородна: наблюдается вариативность в ответах диалектоносителей, однако большинство из них знает лексемы и употребляет их в разговоре, о чем свидетельствует значение медианы, равное единице. К данной группе относятся лексемы *жбанок*, *одонок*, *бороновать*, *квашня* (и форма *квашонка*), *уса́дьба* и *ду́же*. Размах для большинства лексем достигает максимум 2 по шкале витальности. Одним исключением является лексема *уса́дьба*, для которой отмечается спонтанное употребление пятью информантами, только шестой информант сообщил, что не знает такой лексемы. Ко второму исключению относится *ду́же*. Два информанта (1932 и 1950 годов рождения) употребляли эту лексему в речи, одна информантка 1977 года рождения только вспомнила лексему (что отмечалось как 3 по шкале витальности).

Третья группа лексем почти не встречается в повседневной речи, но при описании информанты называют слово. В группу входят *исподки*, *прайник*, *ба́бка*, *ко́совье*, *за́род* (и форма *оза́род*), *зе́лень* (и форма *зе́лёнка*). Лексемы, кроме *исподки* и *прайник*, не встретились в речи информантов, но информанты употребляли их при ответе на вопрос интервьюеров. Лексему *исподки* в речи употребила информантка 1939 года рождения, у более молодых информантов такого обнаружено не было. Вариативность по шкале витальности есть также у лексемы *прайник*: трое информантов (anv1941, lnt1950, gip1953) употребляют в речи, nam1957 и nfx1970 при ответе на вопрос, zns1939 узнает, а sxx1974 не знает.

Четвертая группа лексем имеет наибольшую вариативность. Эта группа характеризуется тем, что в ее состав входят лексемы, имеющие от 2 до 4 уникальных оценок по шкале витальности, при этом их среднее значение по этой шкале больше двух. Таким образом, приведенные лексемы имеют неустойчивый статус сохранности в рамках рассматриваемого говора. В этой группе наблюдается наибольшая «рассогласованность» между

информантами: например, арb1940 и anv1941 вспоминают лексику *riġa* при ответе на вопрос интервьюера, Int1950, ġip1953, nfx1970 отмечают, что не знают такой лексики. В эту группу также входят *кулѣш*, *жнивѣ*, *играть* ‘петь’, *палец*, *боркан*, *лядина*, *бурак*, *ведро*, *орать*, *жито* ‘рожь’.

В последнюю пятую группу входят лексемы, которые большинством информантов не опознаются. К таким лексемам относятся *толока* ‘коллективная помощь в работе’ (только один информант вспомнил слово и его значение при назывании) и *мост* ‘пол’.

Подобный анализ показывает, что изученная диалектная лексика уходит не сразу, а медленно, переходя от более устойчивого состояния (от более высокого места на шкале витальности) к менее устойчивому. Однако нельзя заключить, что уровень вымирания лексем сопряжен с тематическими группами. Так, к четвертой группе лексем (близкие к вымиранию) относится и лексика природы (*лядина*, *ведро*), и сельскохозяйственная лексика (*рига*, *боркан*, *бурак*), и лексика, относящаяся к деревенским обычаям (*играть* в значении ‘петь’). Лексемы из этих тематических групп встречаются и в наиболее сохранной группе лексем: лексика природы (*сикахи*, словообразовательные модели названий ягод с суф. *-иц(а)*), сельскохозяйственная лексика (*тягать* ‘глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён’).

Следующим шагом детального анализа сохранности диалектной лексики является сравнение сохранности лексем в зависимости от социолингвистических параметров. В рамках такого анализа мы привели данные к следующему формату: в строке указывается лексема, возраст информанта, пол, образование и место проживания, а также степень витальности лексемы у рассматриваемого информанта. Аналогично тому, как это было сделано в предыдущей части анализа, мы рассматриваем только лексемы, на которые получено три и более ответов. Образование в данных представлено как шкала, где 0 — образование до 4-х классов, 1 — неполное среднее, 2 — полное среднее, а 3 — среднее профессиональное образование. При предварительной обработке данных к столбцам возраста и уровня образования было применено шкалирование, при котором из каждого значения вычиталось среднее значение выборки и результат вычитания был разделен на стандартное отклонение выборки.

Для анализа имеющихся данных мы используем порядковую смешанную модель логистической регрессии. Эта модель позволяет установить связь между предикторами (в данном случае, возраст, пол, образование, место проживания информанта) и зависимой переменной (витальность лексемы). Мы используем смешанную модель, так как наблюдения не независимы: в таблице 3 представлены ответы от информантов по нескольким лексемам, в связи с этим мы группируем данные по лексемам, и, таким образом, у нас получаются группы лексем, для которых есть данные от группы информантов: например, для лексемы X в табл. 3 содержатся наблюдения от информантов А, В и С. Использование порядковой регрессии обусловлено тем, что витальность представлена в виде шкалы от 1 до 4.

В ходе экспериментов мы обнаружили, что модель, в которой в качестве предикторов выступают возраст и образование, лучше всего описывает наши данные. В табл. 3 представлены значения коэффициентов для такой модели, стандартное отклонение, значение z-test и p-value. Z-test используется в связи с тем, что распределение, которое представлено в данных, отличается от нормального.

Таблица 3

Порядковая смешанная модель логистической регрессии, предсказывающая уровень витальности лексемы

Предиктор	Коэффициент	Стандартное отклонение	Z-value	P-value
Возраст	−0,5418	0,2024	−2,677	0,00743
Образование	−0,4172	0,2030	−2,055	0,03983

Так как *p-value* для каждого теста имеет значение меньше 0,05, мы можем говорить о влиянии исследуемых параметров на витальность лексемы. В ходе анализа также рассматривалась внутриклассовая корреляция (Intraclass Correlation Coefficient — ICC) — насколько сильно оценки витальности похожи среди разных информантов в рамках одной лексемы. Мы использовали нескорректированное значение ICC, чтобы учитывать возможное систематическое отклонение каких-либо информантов от остальной группы, оно составило 0,623, полученные результаты дополняют диаграмму размаха. Внутри класса мы обнаруживаем умеренную согласованность (основываясь на шкале, представленной в [Koo, Li 2016]) между информантами, хотя сами лексемы по степени витальности отличаются друг от друга.

Полученные коэффициенты свидетельствуют об обратно пропорциональной зависимости, то есть 1) чем старше информант, тем выше уровень витальности изучаемой лексемы (у более пожилых информантов лучше сохраняются лексемы, они склонны употреблять их в нарративе); 2) чем ниже уровень образования, тем выше уровень витальности изучаемой лексемы.

Некоторые факторы, которые, скорее всего, имеют важное значение для сохранения лексики, не могут предсказываться данной моделью. Так, в нашей выборке есть пара информантов 1977 и 1953 годов рождения с пересечением большого количества лексем. Эти информанты приходятся друг другу дочерью и матерью. Другая пара информантов 1950 и 1957 годов рождения приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой (более дальнее родство), степень пересечения искомым лексем и их уровня сохранности в этой паре значительно ниже. Параметр родственных связей, очевидно, важен для оценки сохранности. Однако для данной работы материалов для глубокого осмысления этого параметра мало. Другой важный параметр, который сложно учесть подобной моделью, — мобильность. Возможно, именно история мобильности каждого информанта (история его перемещений в разные населенные пункты) является отражением зависимости витальности лексем от возраста.

Заключение

Наша работа представляет собой опыт исследования традиционной лексики говора дд. Шетнево, Макеево, Щелкино и Степаньково спустя 70 лет после сбора сведений для Диалектологического атласа русского языка в этом районе. Исследование дополняет материал ДАРЯ и позволяет закрыть некоторые пробелы в старых данных. Также нами проведено социолингвистическое исследование, позволяющее судить о сохранности исследуемых лексем. Разные лексемы находятся на разных стадиях сохранности, утрате подвергаются не только лексемы, обозначающие ушедшие реалии, но и лексемы, обозначающие реалии вполне живые (например, *мост* 'пол'). При этом процесс утраты происходит медленно, большая часть исследованных лексем до сих пор сохраняется в говоре, хоть и на разных стадиях витальности. Начиная с 1930-х гг. расхожим является утверждение об исчезновении диалектной лексики под влиянием литературного языка [Аванесов 1949: 193; Касаткин (ред.) 2012: 247; Филин 1936: 205]. Однако, судя по всему, процесс перехода лексем от более «живой» стадии к их утрате происходит исключительно медленно.

Наше исследование можно рассматривать с двух сторон: во-первых, как программу, позволяющую в перспективе оценить сохранность русских говоров на всей территории говоров первичного формирования (территории ДАРЯ). Процедуры и методы, примененные на материале изучаемого говора, вполне повторимы и переносимы на другие русские диалектные системы. Во-вторых, эта статья является попыткой осмыслить пути исчезновения, замещения или наоборот сохранения архаической лексики. Изменение лексического строя определяется комплексом факторов, некоторые из них наш подход позволяет анализировать. Другие же остаются представленными только на уровне наблюдений. Кроме

стандартных социолингвистических переменных (возраст, пол, уровень образования), вероятно, важны тонкие факторы, отражающие структуру сообщества и связи людей внутри него. Некоторые из этих факторов формализуются сложно. Так, например, для определения мобильности информанта может быть важна не только история мест его проживания, но и частота регулярных поездок за пределы населенного пункта, в котором он живет. Внутри сообщества люди связаны между собой разными типами отношений, определяющими уровень совместного времяпрепровождения: родство, дружба и др. Формализация подобных параметров представляет существенные трудности. Создание модели, осознающей подобные тонкости, представляется нам одной из задач диалектологии и социолингвистики.

Именно такая сложность может являться причиной медленной скорости изменений лексического строя. Возраст и уровень образования как фактор изменений был осмыслен и в социолингвистике, и в русской диалектологии, хотя и только на уровне наблюдений, еще в первой половине XX в., однако этого явно недостаточно. Представленная шкала витальности лексем, статистическое осмысление стандартных социолингвистических переменных и анализ сохранности каждой отдельной лексемы являются шагом на пути создания работающей модели изменения лексического строя идиома.

Приложение

Лексика, собранная по Программе ДАРЯ в кусте деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково

Материал в приложении иллюстрируется примерами из корпуса. Корпусные примеры даются только для тех лексем, которые отличают исследуемый говор от литературного языка и встречаются в потоке речи (первая стадия сохранности). Если словоформы лексем записаны не в И. п. ед. ч. или не в инфинитиве, то за ними следует указание грамматической формы.

В материале содержатся некоторые отличия от материалов, представленных в Псковском областном словаре [ПОС]. Так, *сика́хами* называются не все муравьи, а красные муравьи рода *Myrmica* (предположительно): все информанты, употребляющие это слово, отмечали их цвет и способность больно кусаться, респондент pam1957 показал таких в своем дворе. Слово *пуняшка* не содержит уничижительного оттенка.

Жилище и приусадебное пространство

Амба́р ‘постройка для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена’

Изба́, изо́бка ‘крестьянский дом’

Значение слова *паха́ть* как в стандартном языке

Нива́ ‘поле’

Сара́й ‘постройка, не примыкающая к дому, для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена, синоним *амба́ра*’

Уса́дьба ‘место под посадку картошки, ср.: *Вот покупают эти избы, переезжают и живут. Ну чего — уса́дбу запа́нут картошкой, всё на свете.* zns1939

Черда́к как в стандартном языке

Помещение для содержания скота и другие хозяйственные постройки

Пуня́шка ‘постройка для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена, находится во дворе’; gip1957 — пассивный запас. Ответ на прямой вопрос.

Рі́га ‘постройка для сушки снопов’, ср.: *А это рі́ги. На них вон кладут копны, и там они сохнут.* anv1941.

Хле́в ‘постройка для скота, не примыкающая к дому: мелкого и крупного’

Домашняя утварь

Жба́но́к ‘посуда для молока’, ср.: apb1940: *С гнилы делали чашки, жбанкі́. Да, ещё у меня где-то там в этом, чулане два жбаночка есть.* Интервьюер: *Ну а жбаночки это что?* apb1940: *Ну с глины сделанные моло= ну такие по два литра этого, молоко раньше же, всё равно банок так не было, вот это жбанкі́, бывало, молоко цедили.* apb1940 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Квашня́, кваши́нка ‘Посуда для смешивания теста’, ср.: *Такие бочки специально сделаны. «Квашня́» называлось.* apb1940 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Куле́ш ‘каша из муки’, ср.: *Чугуны по полтора ведра задвигала и оттуда вытягивала, когда сварится, и каждый день так поросят кормить, надо было варить куле́ш. Куле́ш называется.* gip1953

Лю́лька ‘колыбель’, ср.: *Лю́лька была сделана, такая корзинка была.* gip1953

Мура́вка ‘глиняная посуда для молока’, ср.: *Даже грибы в маленькие бочечки были, даже грибы, мура́вки гнильные (глиняные) были, в мура́вках делали.* apb1940

Пра́йник ‘орудие для выколачивания белья при стирке’, ср.: *У бабки моей был... Пра́йник. Она было... Какая-то рубиха была. Вот она носки было свяжет, варежки и такая она... И катала на этой рубихе, чтобы эта шерсть сваливалась, и чтобы не было в варежках нигде дырочки. Когда вяжешь, всё равно она такая, видно.* gip1953; *Ну это были раньше такие как деревянные. Называли пра́йник его или как его называли. Такие рубцы́ были внутри. Вот иле́пали по этому белью.* gip1953

Сковоро́дник как в стандартном языке

Ухва́т как в стандартном языке

Сельскохозяйственная лексика

Ба́бка, ‘малая укладка снопов зерновых культур’

Бі́ло ‘бьющая часть цепа’

Борка́ны ‘морковь’

Боронова́ть ‘разрыхлять землю бороной’

Буракі́ ‘свёкла’

Горо́ховина ‘названия стеблей гороха и огурцов’, ср.: *Вот это горо́ховина и называется.* anv1941 (на момент написания статьи в корпусе ошибка: вместо *гороховина* — *горох*)

Держа́лье, держа́нье ‘ручка цепа’

Же́рдь ‘скрепляют укладку снопов на возу’

Жнивьё́ ‘общее название сжатого поля’

Зе́лень, зельё́нка ‘название всходов озимой ржи’

Карто́шка ‘картофель’

Копна́ ‘малая укладка снопов зерновых культур’

Косовьё́ ‘деревянная ручка косы’; лексема зафиксирована почти у всех информантов в ответах на вопрос «Какие части есть у косы?» или «Как называется деревянная часть косы?»

Одо́нок ‘большая укладка снопов’, ср.: *Я недометаю одо́нок.* lnt1950 (на момент написания статьи в корпусе: вместо *одонок* — *адонок*); lnt1950: *бывало воды вот так, ходим. Тяга́ем сено, вытягиваем этот полог. И все пологи выкашивались так, как вот дорога. Простор был! Мы один год накопили, двадцать пять одо́нков стояло у нас. Своей*

семьей только. Интервьюер: *чего двадцать пять?* Int1950: *Двадцать пять одёнок, вот раньше, как сейчас, вот такие вот во. Да. Ну сами? сами косили. Ставили одёнок специально, а подойдёт лето, этот одёнок, сколько мне положено. Нет ли больше сколько мне положено, в колхоз отвези, подай.*

Озародь 'Большие укладки снопов зерновых культур'. В диалоге с интервьюером: *А бывало такое, что копнище в одной так поставили жердь, ну копнище вот на эту жердь установили?* anv1941: *Да это, это озародь, озародь.* interviewers: *Как, ещё раз?* anv1941: *Озародь.* Палец 'название небольшой деревянной рукоятки на косовище'. В пассивном запасе у информантов Int1950 и pam1957.

Позём 'навоз'; anv1941: *Удобрением, удобрение возят, возили.* Интервьюер: *Химическое?* anv1941: *Да. Свой, свой позём!*

Привязь 'цепь', ср.: *Молотили рожь, молотили... Привязем, привязем.* arb1940

Притяг 'жердь, скрепляющая сено и снопы'. В пассивном запасе у информанта gir1953

Ржанище 'название сжатого поля после различных зерновых культур'

Сноп 'пучок срезанных колосьев, перевязанных связлом'

Тягать лён 'глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён', ср.: *Лён тягали.* mga1932

Лексика, связанная с животными

Блёт, бляет (3SG) 'глагол, передающий звук, который издает овца'

Бодёт (3SG) 'глагол, описывающий агрессивное движение коровы'

Бась-бась, бáся-бáся, бáше-бáше 'подзывные слова для овец'

Бось-бось 'подзывные слова для коров и лошадей'

Берёжая 'беременная лошадь'

Квакают 'глагол, передающий звук, который издаёт лягушка'

Лает 'глагол, передающий звук, который издаёт собака'

Пету́н 'петух'. В пассивном запасе у информанта pam1957

Ржёт (3SG) 'глагол, передающий звук, который издаёт лошадь'

Ревёт (3SG) 'глагол, передающий звук, который издаёт корова'

Су́яная, су́ягная 'беременная овца'

Сика́хи 'название красных муравьёв', ср.: *А, муравьи, муравьи чёрные и красные, да. Сика́хи.* anv1941; anv1941: *Муравей такой как сика́ха.* Интервьюер: *А он чёрный сика́ха или красный?* anv1941: *да, да, это сика́хи здесь красные такие*

Тёга-тёга 'подзывные слова для гусей'

Цы́па-цы́па 'подзывные слова для куриц'

Лексика природы

Брусни́ца 'брусника', ср.: *И брусни́цы, всякие, всякие, всякие* arb1940

Земляни́ца 'земляника', ср.: *И в клюкву ходили, в малину, в земляни́цы.* zns1939

Черни́ца 'черника', ср.: *Ну всё делали, всё. Варенье варили с черни́цей, а с клюквой я не варила.* arb1940

Лексика, связанная с одеждой

Исподки 'вязанные, кожаные или матерчатые рукавицы с одним пальцем'; zns1939: *Чтоб варежки каждый раз не надевали — исподки, и всё.* Интервьюер: *Исподки из ткани тоже, или из шерсти?* zns1939: *да, и из шерсти, исподки эти.*

Кафтáн, куфа́йка ‘верхняя мужская одежда’

Лáтка ‘заплата’, ср.: *лáтку поставить* gip1953 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствие в корпусе)

Обычаи

Игра́ть ‘петь’, ср.: *Я говорю: «Ну что, Тань. Спросила, где твой баран?». Она было ему и песни странные игра́ет ему. И я говорю: «Как ты ему, так и он тебе».* mga1932; *песни матерные игра́ет.* mga1932

Пла́кать ‘причитать над покойником’, ср.: *Голосом пла́чет* gip1953 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Посиде́лки ‘название вечерних собраний молодежи (в помещении)’, ср.: *Бывало, с бабушкой ходили на посиде́лки, ходили вечером в деревню.* gip1953; *Раньше ж это всё к старости собирались вот так вечерами, пряли, вязали. Посиде́лки назывались были.* gip1953

Толока́ ‘коллективная помощь в сельской работе’

Наречия

Ду́же ‘очень’, ср.: *вечеру ду́же (дождь) пошел* Int1950; *Нет. Знали. Конечно, не ду́же. Тихонько. А потом запретили. Не стали.* mga1932

Лексика, отличающая говор от литературного языка, за рамками программы ДАРЯ

Омиа́рник, мо́х ‘болотистая местность, где обычно собирают ягоды’, ср.: *Вот так. А что, вот сыпали как, в ягоды идем бывало вот это, (в) мох.* gip1953

Пляме́нница ‘племянница’, ср.: *Западной, пляме́нница говорила: у них такой был дождь, ужас, говорит, ветер, вот не ду́же как позавчера, а у нас, я говорю, не было.* mga1932

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БД ДАРЯ — Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбрицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. *База данных диалектологического атласа русского языка*. Электронный ресурс: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения 29.04.2024). [Marchenko I. A., Dolgov O. N., Azanova A. S., Zambrzhitskaya M. S., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Mochul'skii D. I., Tseitina E. I., Chistyakova D. G., Ron'ko R. V. *Baza dannykh dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Database of the Dialectological Atlas of the Russian Language]. Electronic resource: <https://da.ruslang.ru/> (accessed 29.04.2024).]

Ронько и др. 2021–2023 — Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбрицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю. *Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022*. М.: НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2021–2023. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения 30.11.2023). [Ron'ko R. V., Azanova A. S., Butenko Z. A., Zambrzhitskaya M. S., Marchenko I. A., Mochul'skii D. I., Tseitina E. I., Voloshina E. Yu. *Korpus dereven' Shetnevo i Makeevo 2022* [Corpus of Shetnevo and Makeevo villages 2022]. Moscow: HSE Univ.; Vinogradov Russian Language Institute, 2021–2023. Electronic resource: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (accessed 30.11.2023).]

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Наука, 1967–2017. [Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Nos. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Nauka, 1967–2017.]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. *Очерки русской диалектологии*. М.: Учпедгиз, 1949. [Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Moscow: Uchpredgiz, 1949.]
- Аванесов и др. 1957 — Аванесов Р. И., Орлова В. Г., Мораховская О. Н., Строганова Т. Г., Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., Жуковская Л. П., Сологуб А. И. *Методические указания к «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка»*. М.: Изд-во АН СССР, 1957. [Avanesov R. I., Orlova V. G., Morakhovskaya O. N., Stroganova T. G., Bromley S. V., Bulatova L. N., Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., Zhukovskaya L. P., Sologub A. I. *Metodicheskie ukazaniya k «Programme sobiraniya svedenii dlya sostavleniya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka»* [Methodological guidelines for the “Program of collecting data for compiling the Dialectological atlas of the Russian language”]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1957.]
- Аванесов (ред.) 1947 — Аванесов Р. И. (ред.). *Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. [Avanesov R. I. (ed.) *Programma sobiraniya svedenij dlya sostavleniya dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Program of collecting data for compiling the Dialectological atlas of the Russian language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1947.]
- Букринская и др. 2011 — Букринская И. А., Кармакова О. Е., Колесникова Е. В. Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области. *Русский язык в научном освещении*, 2011, 1(21): 280–282. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Kolesnikova E. V. A field trip to Belozersk and the Belozersky district of the Vologda Oblast. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2011, 1(21): 280–282.]
- Букринская, Кармакова 2012 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Экспедиция в Тульскую область. *Русский язык в научном освещении*, 2012, 1(23): 282–286. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. A field trip to the Tula Oblast. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, 1(23): 282–286.]
- Букринская, Кармакова 2017 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Ареальный портрет муромских говоров. *Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН*, 2017, 12: 221–239. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Areal description of Murom dialects. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2017, 12: 221–239.]
- Букринская, Кармакова 2018 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Экспедиция в Гороховецкий район Владимирской области. *Русский язык в научном освещении*, 2018, 2(36): 313–324. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Dialectological expedition to Gorokhovets district, Vladimir region. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 2(36): 313–324.]
- Букринская, Кармакова 2021 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект). *Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН*, 2021, 2: 191–205. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. On the functioning of dialect lexics in Western Russian dialects. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2021, 2: 191–205.]
- Букринская, Кармакова 2022 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Говоры на восток от Новгорода. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022*. Мызников С. А. (отв. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022, 47–65. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. The varieties to the east of Novgorod. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2022*. Myznikov S. A. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2022, 47–65.]
- ДАРЯ, I — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. I: Фонетика. Карты. М.: Наука, 1986. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 1: *Fonetika. Karty* [Phonetics. Maps]. Moscow: Nauka, 1986.]
- ДАРЯ, II — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. II: Морфология. Карты. М.: Наука, 1989. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 2: *Morfologiya. Karty* [Morphology. Maps]. Moscow: Nauka, 1989.]
- ДАРЯ, III — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. III: Лексика. Карты. М.: Наука, 1997. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas

- of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 3: *Leksika. Karty* [Vocabulary. Maps]. Moscow: Nauka, 1997.]
- ДАРЯ, IV — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. IV: *Синтаксис и лексика. Карты*. М.: Наука, 2004. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 4: *Sintaksis i leksika. Karty* [Syntax and vocabulary. Maps]. Moscow: Nauka, 2004.]
- Дьяченко и др. 2014 — Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2(28): 263–281. [Dyachenko S. V., Bukrinskaya I. A., Isaev I. I., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. Expedition to the village of Rogovatoye (Staryj Oskol district, Belgorod region). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2(28): 263–281.]
- Дьяченко и др. 2015 — Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Отчет о диалектологических экспедициях. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 2(30): 217–250. [Dyachenko S. V., Bukrinskaya I. A., Isaev I. I., Karmakova O. E., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Reports on dialectological expeditions of the Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 2(30): 217–250.]
- Заливина 2023 — Заливина Е. А. Вариативность окончаний глаголов в форме 3-го лица настоящего времени в говоре вокруг города Опочки (Псковская область, Опочецкий район). *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1(45): 180–201. [Zalivina E. A. The variability of verb endings in the 3rd person present form in the variety around the town of Opochka (Pskov Oblast, Opochetsky District). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1(45): 180–201.]
- Захарова, Орлова 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. *Диалектное членение русского языка*. М.: Просвещение, 1970. [Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]
- Касаткин (ред.) 2012 — Касаткин Л. Л. (ред.). *Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений*. М.: АСТ-ИПЕСС, 2012. [Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshih uchebnykh zavedeniy* [Russian dialectology: Textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow: AST-PRESS, 2012.]
- Орлова (ред.) 1960 — Орлова В. Г. (отв. ред.). *Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Orlova V. G. (ed.). *Posobie-instruktsiya dlya podgotovki i sostavleniya regional'nykh slovarei russkogo yazyka* [Tutorial for the preparation and compilation of regional dictionaries of the Russian language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1960.]
- Пшеничнова 2008 — Пшеничнова Н. Н. *Лингвистическая география*. М.: Азбуковник, 2008. [Pshenichnova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya* [Linguistic geography]. Moscow: Azbukovnik, 2008.]
- Ронько и др. 2023 — Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы. *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1(45): 216–262. [Ron'ko R. V., Azanova A. S., Anisimov A. D., Voitovich E. E., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochul'skiy D. I. The dialect of the villages of Shetnevo, Makeevo, Sh'elkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinsky district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1(45): 216–262.]
- Филин 1936 — Филин Ф. П. *Исследование о лексике русских говоров: по материалам сельскохозяйственной терминологии*. М.; Л.: АН СССР, 1936. [Filin F. P. *Issledovanie o leksike russkikh govorov: po materialam sel'skokhozyaystvennoy terminologii* [Research on the vocabulary of Russian dialects: Based on the materials of agricultural terminology]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1936.]
- Daniel et al. 2019 — Daniel M., von Waldenfels R., Ter-Avanesova A., Kazakova P., Schurov I., Gerasimenko E., Ignatenko D., Makhlina E., Tsfasman M., Verhees S., Vinyar A., Zhigul'skaja V., Ovsjanikova M., Say S., Dobrushina N. Dialect loss in the Russian North: Modeling change across variables. *Language Variation and Change*, 2019, 31(3): 353–376.
- Koo, Li 2016 — Koo T. K., Li M. Y. A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research. *Journal of Chiropractic Medicine*, 2016, 15(2): 155–163. <https://doi.org/10.1016/j.jcm.2016.02.012>.

- Labov 1963 — Labov W. The social motivation of a sound change. *Word*, 1963, 19(3): 273–309.
- Labov 1965 — Labov W. On the mechanism of linguistic change. *Georgetown Monographs on Language and Linguistics*, 1965, 18: 91–114.
- Labov 2011 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 3: *Cognitive and cultural factors*. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2011.
- Marchenko 2023 — Marchenko I. A. Building a classification of Russian Dialects using multidimensional scaling. Bachelor thesis. Moscow: HSE Univ., 2023.
- Moroz 2017 — Moroz G. *Lingtypology: Easy mapping for Linguistic Typology*. 2017. Electronic resource: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>.
- Trudgill 1986 — Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Waskom 2021 — Waskom M. L. Seaborn: Statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*, 2021, 6(60): 3021.

Получено / received 13.12.2023

Принято / accepted 21.05.2024

Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности

© 2024

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; maria.emilia.winkler@gmail.com

Аннотация: В статье на материале четырех финно-угорских языков (удмуртского, горномарийского, мокшанского и хантыйского) рассматриваются показатели, которые выполняют несколько функций: с одной стороны, они являются маркерами стандарта сравнения в эквативных конструкциях; с другой стороны, эти же показатели маркируют приблизительность в количественных конструкциях. В статье на основе корпусных материалов и данных анкетирования носителей выдвигаются и рассматриваются гипотезы о возможном механизме возникновения такой полифункциональности. Во-первых, описывается дистрибуция аппроксимативных маркеров в контекстах, типичных для количественных и качественных эквативов. Кроме того, мы предлагаем выделять третий подтип эквативов — параметрический, ранее относимый к качественным эквативам. Обсуждается различие в дистрибуции эквативно-аппроксимативных показателей в сочетании с конвенциональными и окказиональными единицами измерения. Показано, что первый тип контекстов относится к аппроксимативным, а второй — к эквативным, хотя граница между ними весьма условна. Во-вторых, рассматривается возможность использования изучаемых показателей для маркирования приблизительности в конструкциях с количественными числительными. Данные обсуждаются в том числе в рамках скалярного подхода. Мы показываем, что количественные числительные и единицы измерения вводят разные типы шкал, что также влияет на дистрибуцию эквативно-аппроксимативных маркеров. Рассмотрение ряда гипотез о том, могут ли элементы эквативных конструкций способствовать реанализу эквативных показателей в маркеры приблизительности, приводит нас к выводу, что эквативно-аппроксимативная неоднозначность возникает вследствие синхронной полисемии, а не диахронического развития семантики эквативных показателей.

Ключевые слова: количественные конструкции, корпусное исследование, марийские языки, мокшанский язык, мордовские языки, полисемия, приблизительность, семантика, синтаксис, скалярность, сравнение, удмуртский язык, уральские языки, хантыйский язык, экватив

Благодарности: Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

Для цитирования: Винклер М.-Э. А. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 45–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.45-76

Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: Interaction with quantitative scales and the development of ambiguity

Maria Emilia Winkler

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; maria.emilia.winkler@gmail.com

Abstract: The paper is based on data from four Finno-Ugric languages (Udmurt, Hill Mari, Moksha, and Khanty). It deals with markers that can perform at least two functions: on the one hand, they can mark the standard of comparison in equative constructions; on the other hand, they can serve as approximative markers in quantified expressions. This paper considers distribution of such markers and proposes a possible way to analyze field and corpus data. I put forward and investigate hypotheses about the possible mechanism for the emergence of such polyfunctionality. Firstly, a detailed description of how such markers are distributed across languages and contexts is provided. I consider both quantitative and qualitative equative contexts. In addition, in this paper I claim that there is a third subtype of equatives — a parametric one, that has previously been described among qualitative equatives. The difference in the distribution of equative-approximative markers combined with standard and ad hoc measure nouns is discussed. We show that the first type of contexts belongs to approximative, and the second one — to equative, although the division is very vague. Secondly, the compatibility of such markers serving to disclaim precision about cardinal numerals (without any measure nouns within the construction) is considered. The data are discussed within the framework of the scalar approach. I show that cardinal numerals and measure nouns introduce different types of scales, which also affects the distribution of equative-approximative markers. After considering a number of hypotheses about whether elements of equative constructions can contribute to the reanalysis of equative indicators into markers of approximation, I conclude that equative-approximative ambiguity arises as a result of synchronic polysemy, rather than diachronic development of the equative markers.

Keywords: approximation, comparison, corpus study, equative, Khanty, Mari, Moksha, Mordvin, polysemy, quantitative constructions, scalarity, semantics, syntax, Udmurt, Uralic

Acknowledgements: The study has been supported by RSF, project No. 22-18-00285 “Scalarity in the Grammar and Lexicon: a semantic and typological study” (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Winkler M. E. Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: Interaction with quantitative scales and the development of ambiguity. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 45–76.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.45-76

1. Введение

1.1. Предмет исследования и структура работы

В некоторых языках существуют показатели, способные выполнять две практически противоположные на первый взгляд функции — выражать приблизительность в конструкциях с количественными числительными (ср. (1a)–(1b)) и маркировать равное количество при сравнении (1c). Далее первую из этих функций мы будем называть аппроксимативной, а вторую — эквативной.

(1) Горномарийский

- a. *ajo-škă* *täžem* *edem* *tol-ät*.
 праздник-ILL тысяча человек приходит-NPST.3PL
 ‘На праздник придет тысяча человек’.

- b. *ajo-škā tāžem nārē edem tol-āt.*
 праздник-ILL тысяча EQU/APPR человек приходит-NPST.3PL
 ‘На праздник придет **примерно** тысяча человек’.
- c. *tāđē törölkā-vlā-m savala-vlā nārē-m nāl-ən.*
 он тарелка-PL-ACC ложка-PL EQU/APPR-ACC брат-PRET
 ‘Он купил **столько же** тарелок, сколько ложек’.

В грамматических описаниях изучаемых идиомов дистрибуция таких маркеров не рассматривается подробно. Например, горномарийский показатель *nārē* в [Саваткова 2002: 263] называется «сравнительным послелогом» со значением ‘столько’; его аппроксимативная функция в грамматике не описана. В [Николаева 1995: 155] хантыйский маркер *ket* рассматривается как послелог со значением ‘размером с; величиной с’, однако развернутое описание его функций в данной работе отсутствует. Мокшанский показатель *-ика* в [Цыганкин (ред.) 1980: 176], как и в ряде других работ о мордовских языках, трактуется как падежный показатель компаратива; в работе приводятся примеры, иллюстрирующие его употребление в обеих указанных выше функциях, однако его дистрибуция также не описана детально. В [ГСУЯ 1962: 318–319] изучаемые нами удмуртские показатели с финалью на *-да* (*кузьда* ‘длиной с’, *зөкта* ‘толщиной с’, *жсужда* ‘высотой с’, *мурда* ‘глубиной с’, *насыта* ‘шириной с’, *быдža* ‘величиной с’) отнесены к специально выделенной группе «послелогов-имен». В той же работе в разделе, посвященном числительным приблизительного счета, упоминается аппроксимативная функция маркера *мында* [Там же: 158]. В [ГСУЯ 1970: 20–21] отмечается, что словосочетания с такими элементами «выражают сравнительно-измерительные отношения», но аппроксимативная функция не рассматривается. В данной статье мы будем следовать терминологии грамматических описаний мокшанского [Толдова, Холодилова (ред.) 2018] и горномарийского [Кашкин (ред.) 2023] языков, где изучаемые нами маркеры обозначены как эквативные показатели, см. подробнее об используемой нами терминологии в разделе 1.3.

Кроме того, нам неизвестны типологические исследования, в которых описывалось бы сочетание функций стандарта сравнения и аппроксимативного показателя у одного элемента. В [Gil 1982] отмечается, что многие виды конструкций с числительными требуют полномасштабного синтаксического и семантического исследования и остаются практически неизученными. Для большинства типов аппроксимативных конструкций это утверждение справедливо до сих пор.

В данной работе мы сосредоточимся на материале некоторых финно-угорских языков, см. список изучаемых идиомов в разделе 1.2.

Цель работы — описать дистрибуцию показателей, сочетающих эквативную и аппроксимативную функции, и предложить возможные варианты анализа конструкций с ними. На основании подробных данных о дистрибуции изучаемых показателей, полученных в ходе исследования, можно сделать предположения о направлении и механизмах их семантического развития. В разделе 1.5 мы выдвигаем гипотезы о таких механизмах, которые затем обсуждаются на протяжении всей статьи.

Структура работы устроена следующим образом. В разделе 1 вводится проблематика исследования и основной терминологический инвентарь, рассматриваются типологические параллели и релевантные теоретические проблемы, а также формулируются основные гипотезы исследования. Следующие два раздела содержат обсуждение этих гипотез. В разделе 2 описывается дистрибуция изучаемых показателей в эквативных и аппроксимативных контекстах. В разделе 3 анализируются возможные механизмы возникновения эквативно-аппроксимативной неоднозначности. Раздел 4 содержит основные выводы.

1.2. Материал исследования

Данные для нашего исследования были собраны с помощью анкетирования носителей западных диалектов хантыйского языка¹ (с. Овгорт, с. Мужы и с. Восяхово Шурышкарского р-на ЯНАО, с. Теги Березовского р-на ХМАО, с. Казым Белоярского р-на ХМАО), горномарийского языка (с. Кузнецово и близлежащие села Горномарийского р-на Республики Марий Эл), мокшанского языка (с. Лесное Цибасево и с. Лесное Ардашево Темниковского р-на Республики Мордовия) и удмуртского языка (с. Нижнебалтачево, д. Верхнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, с. Уразгильды Татышлинского р-на Республики Башкортостан) преимущественно в экспедициях, состоявшихся в 2015–2022 гг. Также были использованы данные корпусов литературного удмуртского и литературного мокшанского языков.

1.3. Эквативные и аппроксимативные конструкции в типологии

В типологических исследованиях сравнительные конструкции разделяются на **эквативные**, **компаративные** и **симилятивные**. Механизм сравнения заключается в оценке говорящим степени схожести или различия двух сущностей [Treis 2018: i]. В **эквативных** конструкциях сравниваемые объекты имеют одинаковую степень проявления градуируемого признака, в то время как в **компаративных** конструкциях один из сравниваемых объектов имеет большую или меньшую степень проявления признака [Haspelmath 2017: 9–10]. **Симилятивные** конструкции маркируют сходство образа действия. В (2a) приведен пример компаративной конструкции, в (2b) представлена эквативная конструкция, а в (2c) — симилятивная. Для обозначения элементов таких конструкций мы будем использовать терминологию, представленную в таблице 1 (см. такое представление элементов в [Синицына 2023] на материале горномарийского языка).

- (2) Английский
- a. *John is taller than Lucy*. ‘Джон выше, чем Люси’. [Stassen 2013]
 - b. *Peter is as₁ tall as₂ his sister*. ‘Питер такой же высокий, как его сестра’. [Treis, Vanhove 2017: 4]
 - c. *Mary swims like a dolphin*. ‘Мэри плавает как дельфин’. [Treis, Vanhove 2017: 4]

Таблица 1

Элементы сравнительных конструкций

Объект сравнения	Маркер параметра или степени	Параметр сравнения	Маркер стандарта сравнения	Стандарт сравнения
<i>John</i>	<i>-er</i>	<i>tall</i>	<i>than</i>	<i>Lucy</i>
<i>Peter</i>	<i>as₁</i>	<i>tall</i>	<i>as₂</i>	<i>his sister</i>
<i>Mary</i>		(способ)	<i>like</i>	<i>a dolphin</i>

¹ Согласно Списку языков России 2023 г., доступному по ссылке http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml, идиомы, которые традиционно относятся к западным диалектам хантыйского языка, можно согласно различным критериям выделить как отдельный язык — севернохантыйский. В данной работе мы не касаемся вопроса классификации и следуем традиционному терминопотреблению.

Мы не будем подробно останавливаться на компаративных и симилятивных конструкциях, поскольку, как будет показано далее, изучаемым нами маркерам эти функции, как правило, недоступны². В фокусе нашего исследования находятся эквативные конструкции.

Согласно [Haspelmath, Buchholz 1998], эквативные конструкции в языках мира представлены двумя типами: **качественными** эквативами (маркирующими одинаковую степень проявления признака) и **количественными** эквативами (маркирующими равное количество). Некоторые показатели могут выражать оба значения. В разделе 1.4 мы рассмотрим это противопоставление и связанные с ним терминологические проблемы.

В отношении аппроксимативной функции два типа контекстов представляют интерес для нашего исследования. Во-первых, это контексты, где в позиции квантификатора находится только количественное числительное (ср. русск. *примерно десять собак*), во-вторых — контексты, где присутствует именной квантификатор, т. е. единица измерения, далее также ЕИ (ср. русск. *примерно час, примерно мешок картошки*)³. При этом в контекстах второго типа также может присутствовать числительное, но оно не является обязательным (ср. русск. *примерно два мешка картошки*).

Классификация аппроксимативных маркеров и их дистрибуция в языках мира проработаны существенно менее детально. Большинство таких единиц полифункциональны: так, в [Plank 2004a] предпринята единственная известная нам попытка типологической классификации конструкций и показателей, способных маркировать количественную приблизительность. Среди этих показателей упомянуты не только эквативные, но и пространственные, эпистемические, вопросительные, дизъюнктивные и др. Однако в работе Ф. Планка, во-первых, подробно не рассматривается дистрибуция конкретных маркеров, а во-вторых, не исследуется механизм развития полифункциональности. Также совмещение эквативной и аппроксимативной функции коротко упомянуто в [Schourup 1983: 32] для языков лаху (< сино-тибетские) и ралуана (< океанийские).

В [Plank 2004b] на материале немецкого языка изучается вопрос синтаксического ре-анализа локативных маркеров и развития у них аппроксимативной функции. В [Halm, Bende-Farkas 2019] подробно рассматривается дистрибуция и полисемия маркера *vaegy* в трансильванском венгерском, совмещающего аппроксимативную функцию и функцию эпистемического маркера.

В известных нам работах маркеры, обладающие и эквативной, и аппроксимативной функцией, подробно не рассматриваются. Вопрос о возможных причинах совмещения этих функций у одной единицы не обсуждается. Текущее исследование призвано заполнить эту лауну.

1.4. Типы изучаемых конструкций и их элементы

Как было отмечено в разделе 1.3, в [Haspelmath, Buchholz 1998] эквативы подразделяются на качественные и количественные. В качестве прототипического примера конструкций с количественным эквативом приводится (3).

² За исключением удмуртского маркера *kad'*, см. об этом [Синицына и др. (в печати)].

³ В типологических работах такие конструкции известны как псевдопартитивные, см. [Кортъевска-Тамм 2009], однако мы не используем данный термин, поскольку в контексте текущего исследования рассматриваем конструкции с единицами измерения как подкласс количественных конструкций. Также для нас важно, что этот контекст находится на пересечении эквативных и аппроксимативных конструкций, см. раздел 3.2.

- (3) ИТАЛЬЯНСКИЙ [Haspelmath, Buchholz 1998: 298]
- ⁴

Lui ha tanti libri quanti ne ha lei.
 he has as.many books as.many of.them has she

‘У него столько же книг, сколько у нее’.

В [Ibid.: 300] отмечается, что в ряде языков специализированные маркеры количественных эквативов используются в конструкциях с параметрическими прилагательными (англ. dimensional adjectives⁵), т. е. выражающими характеристику объекта в каких-либо измерениях (‘высокий’, ‘большой’, ‘широкий’ и т. д.), ср. (4). В то же время авторы, опираясь на данные большинства языков своей выборки, относят такие контексты к характерным для качественных эквативов.

- (4) БОЛГАРСКИЙ [Haspelmath, Buchholz 1998: 300]

Sestra mi e visoka kolkoto mene.
 sister my is tall how.much I

‘Моя сестра такая же высокая, как я’.

В типологических работах [Henkelmann 2006; Haspelmath 2017], среди прочих характеристик сравнительных конструкций, рассматриваются способы выражения **параметра сравнения**.

В [Henkelmann 2006: 372] параметр сравнения определяется как «предикат, обозначающий качество, в отношении которого [говорящий] производит сравнение; это может быть адъективный или глагольный предикат, в зависимости от языка»⁶. Далее в [Ibid.: 387–395] на материале некоторых языков выборки выделяется такой элемент эквативной конструкции, как «номинализированный параметр». Такие единицы автор считает второстепенными по отношению к адъективным / глагольным параметрам.

Согласно [Haspelmath 2017: 11], термином «параметр» обозначается слово, выражающее градуируемое свойство; также отмечается, что это, как правило, прилагательное. Если параметр выражается с помощью существительного, то это обычно существительное в косвенной позиции (ср. русск. *в высоту, высотой*, а также примеры из [Ibid.: 14–15, 20–21]). В [Ibid.: 23] субстантивные единицы с параметрической семантикой названы абстрактными существительными. Отмечается, что в ряде языков главными аргументами конструкции (объектом сравнения и стандартом сравнения) являются не референтные имена, а абстрактные существительные, обозначающие сравниваемые свойства:

- (5) МАГИСАЛУГСКИЙ [Haspelmath 2017: 23]
- ⁷

Ka kalayatan ni Pablu, nekeg-ilig ka keddi ne kalayatan.
 FOC height of Pablu PST-like FOC my LNK height

‘Пабло такой же высокий, как и я’ (букв. «**Высота** Пабло такая же, как моя **высота**»).

Существуют и смешанные стратегии, в том числе стратегия, при которой только одна группа выражена с помощью абстрактного существительного, см. (6). Мы выдвигаем предположение, что такие «смешанные стратегии» могут быть случаем стратегии, проиллюстрированной в (5), где оба элемента выражены с помощью абстрактных существительных, однако в случаях типа (6) одно из абстрактных существительных элидировано. В разделе 3.2 мы рассмотрим эту гипотезу, опираясь на данные некоторых финно-угорских языков.

⁴ В (3)–(4) сохранены глоссы источника.

⁵ Авторы описывают именно конструкции с параметрическими прилагательными, однако в финно-угорских языках в этой функции используются параметрические единицы, дистрибуция которых ближе к классу имен существительных.

⁶ “The parameter of comparison is typically a predicate that denotes the quality with regard to which one is comparing. This can be an adjectival or a verbal predicate, depending on language” [Henkelmann 2006: 372].

⁷ В (5)–(6) сохранены глоссы из источника.

(6) КОРОМФЕ [Haspelmath 2017: 23]

Kemde dɔi tɛ bɔdini.

Kemde length reach Badini

‘Кемде такой же высокий, как Бадини’ (букв. «Длина Кемде достигает Бадини»).

Изложенные факты создают еще одну проблему для описания данных таких языков. В примерах (5)–(6) параметр, по которому происходит сравнение, одновременно является стандартом сравнения и /или объектом сравнения, поскольку выражен немаркированным существительным. Кроме того, в [Henkelmann 2006; Haspelmath 2017] прототипическим параметром сравнения считаются прилагательные, также рассматриваются глаголы и существительные в косвенной падежной форме, в то время как существительные в номинативе находятся на периферии и практически не рассматриваются. В связи с этим нам представляется необходимым использовать термин «**параметр измерения**»⁸ (см. [Шеманаева 2008]) для обозначения параметрических единиц (в том числе абстрактных существительных, ср. ‘длина / длиной с’, ‘высота / высотой с’ и др.) в эквативных и количественных конструкциях⁹. В эквативных конструкциях может производиться сравнение по этому параметру, тогда как в аппроксимативных он не имеет такой функции, но также может быть выражен в некоторых языках. Несмотря на семантическое сходство, такие единицы в изучаемых конструкциях демонстрируют различные морфосинтаксические свойства в языках мира. Далее мы проанализируем, как реализуется это варьирование в рассматриваемых нами финно-угорских языках.

Как было сказано в разделе 1.3, мы рассматриваем два типа аппроксимативных конструкций: с количественными числительными (ср. русск. *на столе стояло пять чашек*) и с единицами измерения (ср. русск. *на столе стояло пять чашек чая*). Внутри второго типа конструкций также отмечается важное противопоставление: единицы измерения могут быть **конвенциональными** (*километр, час, грамм* и т. д.) и **окказиональными** (ср. русск. *приехало / приехали два автобуса школьников*), о таких конструкциях и их синтаксических особенностях см. [Partee, Borschev 2012].

1.5. Гипотезы и основные вопросы исследования

Мы рассмотрим типы эквативных и аппроксимативных конструкций, в которых возможны изучаемые показатели, в разделе 2. Затем мы обсудим, с какими свойствами конструкций и с какими механизмами связано наличие эквативно-аппроксимативной полифункциональности.

Наши первоначальные гипотезы таковы:

- **Гипотеза 1.** Мы предполагаем, что аппроксимативное значение у таких показателей первично по отношению к эквативному. Отталкиваясь от этой исходной гипотезы, мы выдвигаем следующие. К обсуждению данной гипотезы мы вернемся в разделе 3.4.

⁸ В [Haspelmath 2017; Haspelmath, Buchholz 1998] используется нейтральный термин «параметр» (англ. *parameter*), в то время как в [Henkelmann 2006] для аналогичного явления используется более специализированный термин — параметр сравнения (англ. *parameter of comparison*), вошедший в терминологию в русскоязычных работах о сравнительных конструкциях (ср., например, [Синицына 2023]). В контексте сопоставления свойств эквативных и аппроксимативных конструкций мы видим необходимость отойти от устоявшегося терминологического употребления.

⁹ Данный термин объединяет абстрактные существительные в первую очередь на основании семантического сходства. Кроме того, в применении к элементам количественных конструкций исходный термин «параметр сравнения» не кажется нам интуитивно понятным.

- **Гипотеза 2.** Только те эквативные маркеры, которые используются в количественных контекстах (прототипические количественные эквативы или же маркеры, возможные в сочетании с параметрическими единицами), могут выполнять также аппроксимативную функцию. Проверке данной гипотезы посвящен раздел 2 с описанием дистрибуции в интересующих нас контекстах.
- **Гипотеза 3.** Мы предполагаем, что развитие аппроксимативной функции может быть обусловлено синтаксическими причинами: эллипсисом вершинного имени в стандарте сравнения и последующим реанализом. Данной гипотезе посвящен раздел 3.2.
- **Гипотеза 4.** Развитию аппроксимативной функции у эквативных маркеров способствуют семантические свойства элементов самих эквативных конструкций, в частности, стандарта сравнения. Эта гипотеза обсуждается в разделе 3.3.
- **Гипотеза 5.** В некоторых языках существующие механизмы развития такой полифункциональности могут действовать одновременно, усиливая друг друга. Данная гипотеза может быть верна лишь в том случае, если одновременно верны гипотезы 3 и 4.

2. Дистрибуция эквативно-аппроксимативных показателей

В языках нашей выборки показатели, которым доступна и аппроксимативная, и эквативная функция (условно обозначим их как «эквативно-аппроксимативные»), имеют различия в дистрибуции, которые мы рассмотрим далее. Для каждого языка мы рассмотрим, во-первых, контексты с прототипическими количественными эквативами, прототипическими качественными эквативами и контексты с параметрическими единицами, а во-вторых, аппроксимативные контексты с количественными числительными.

В горномарийском языке существуют специализированные количественные и качественные эквативы, не являющиеся взаимозаменяемыми. Маркер *närə*, выражающий сравнение в количественном аспекте (7a), дополнительно распределен с маркером *gan'*, выражающим сравнение в качественном аспекте (7b) — степень проявления признака или сравнение по образу действия (о показателе *gan'* см. [Синицына 2023]). Как показано в (7a), в некоторых контекстах грамматичны оба маркера, однако *närə* имеет количественную интерпретацию ('столько же'), а *gan'* — качественную ('таким же образом').

(7) Горномарийский

a. *mən' nār-em* / *#gan'-em əl-äš kel-eš*.
я EQU/APPR-POSS.1SG EQU-POSS.1SG жить-INF быть_нужным-NPST.3SG

'Поживи с мое (столько же, сколько я).

#'Поживи так же (таким же образом), как я'.

b. *pet'a mən' gan'-em* / **nār-em silan*.
Петя я EQU-POSS.1SG EQU/APPR-POSS.1SG сила.ATTR

'Петя такой же сильный, как я'.

Как было показано ранее, *närə* также маркирует приблизительность в количественных конструкциях как с единицами измерения (8a), так и без них (8b).

(8) Горномарийский

a. *vas'a kok stopka nārə šəšer-əm jü-n kolt-en*.
Вася два стакан EQU/APPR молоко-ACC пить-CVB посылать-PRET

'Вася выпил примерно два стакана молока'¹⁰.

¹⁰ Горномарийские количественные конструкции подробнее описаны в [Винклер 2023].

- b. *polkâ-štâ vâc kn'igä nârä šalg-a.*
 полка-IN пять книга EQU/APPR стоять-NPST.3SG

‘На полке стоят примерно пять книг’.

Рассмотрим конфигурации, обозначенные нами как контексты с параметрическими единицами. По нашим данным, в горномарийском нет консистентного класса параметрических единиц, которые регулярно использовались бы в эквативных или количественных конструкциях. Как правило, параметр, по которому производится сравнение, имплицитируется с помощью контекста, при этом сравнение маркируется показателем качественного экватива, см. (9), где параметр ‘высота’, по которому можно измерить стандарт сравнения (*kâp-šä* [тело-POSS.3SG]), не выражен.

(9) Горномарийский

- vas'a-n kâp-šä pet'a-n (kâp-šä) gan'.*
 Вася-GEN тело-POSS.3SG Петя-GEN тело-POSS.3SG EQU

‘Рост Васи такой же, как рост Пети’.

В (10) приведены прототипические контексты для количественных эквативов. В таких контекстах часть носителей допускает абстрактное существительное *šot* ‘счет’, ср. (10b), если предшествующее существительное маркировано генитивом. В спонтанных текстах и в качестве первых реакций такая конструкция нам не встречалась.

(10) Горномарийский

- a. *tädä törölkä-vlä-m savala-vlä (*šot) nârä-m näl-än.*
 он тарелка-PL-ACC ложка-PL счет EQU/APPR-ACC брать-PRET

‘Он купил столько же тарелок, сколько ложек’.

- b. *ʔädä törölkä-vlä-m savala-vlä-n šot nârä-m näl-än.*
 он тарелка-PL-ACC ложка-PL-GEN счет EQU/APPR-ACC брать-PRET

‘Он купил столько же тарелок, сколько ложек’.

В мокшанском языке маркер *-ška* может маркировать сравнение в конструкциях с параметром измерения (11a), но не допускает качественной интерпретации сравнения (11b). Прототипическое качественное сравнение в мокшанском языке выражается другими способами. Основной представлен в (11c), см. [Холодилова 2018: 789], однако могут использоваться и другие стратегии, ср. (11d) с лексемой *kod'amä / kond'amä* ‘похожий’, свойства которой нуждаются в дополнительном изучении. Конструкции типа (11c)–(11d) не рассматриваются в текущем исследовании.

(11) Мокшанский

- a. *dvor-sä kas-i-Ø kud-ška šuftä.*
 двор-IN расти-NPST.3-SG дом-EQU/APPR дерево

‘Во дворе растет дерево высотой с дом’.

- b. *#klaz-sä tonafn'-i-Ø pet'a-ška učen'ik.*
 класс-IN учиться-NPST.3-SG Петя-EQU/APPR ученик

‘#В классе учится ученик размером с Петю’.

*‘В классе учится ученик, похожий на Петю’.

- c. *klaz-sä tonafn'-i-Ø t'aftamä učen'ik koda pet'a.*
 класс-IN учиться-NPST.3-SG такой ученик как Петя

‘В классе учится такой же ученик, как Петя’.

- d. *klaz-sä tonafn'-i-Ø pet'a-n' kond'amä učen'ik.*
 класс-IN учиться-NPST.3-SG Петя-GEN похожий ученик

‘В классе учится ученик, похожий на Петю’.

Как и горномарийский *närə*, мокшанский *-ška* также маркирует приблизительность в количественных конструкциях, ср. (12a)–(12b)¹¹. В конструкциях с единицами измерения этот показатель также доступен, причем при наличии в конструкции числительного его позиция вариативна (13).

Мокшанский

- (12) a. *son luv-s'-Ø kolma kn'iga-t.*
 он читать-PST.3-SG три книга-PL

‘Он прочитал три книги’.

- b. *son luv-s'-Ø kolma-ška kn'iga.*
 он читать-PST.3-SG три-EQU/APPR книга

‘Он прочитал книги три’.

- (13) *s'ε oš-t'i t'ožən'-čka kilametra / t'ožən' kilametra-ška.*
 тот город-DEF.SG.DAT тысяча-EQU/APPR километр тысяча километр-EQU/APPR

‘До того города примерно тысяча километров’.

В типичных для количественных эквативов контекстах носители запрещают показатель *-ška* в качестве маркера стандарта сравнения (14a) и используют другую конструкцию (14b). Таким образом, *-ška* нельзя считать количественным эквативом в терминологии [Haspelmath, Buchholz 1998: 298–301]. В указанной работе не обсуждаются языки, где наблюдалось бы аналогичное явление, т. е. где существовал бы показатель, способный маркировать равное значение параметра, но неспособный выполнять ни функции прототипического количественного экватива, ни базовые функции качественного экватива. В связи с этим мы предполагаем, что необходимо выделять третий тип эквативов — **параметрический экватив** (см. выражение данной функции в (11a)).

(14) Мокшанский

- a. **mon' mar'-də-n vas'a-n'-čka / vas'a-ška.*
 я яблоко-ABL-1SG.POSS Вася-GEN-EQU/APPR Вася-EQU/APPR

Ожидаемое значение: ‘У меня столько же яблок, сколько у Васи’.

- b. *mon' sən'arə (že) mar'-də-n məz'arə vas'a-n'.*
 я столько же яблоко-ABL-1SG.POSS сколько Вася-GEN

‘У меня столько же яблок, сколько у Васи’.

Рассмотрим дистрибуцию показателя *kem*¹² в хантыйском языке. Все опрошенные носители допускают его в функции параметрического экватива (15) и аппроксимативного маркера в количественных конструкциях (16a)–(16b) как с именным квантификатором, так и с числительным. При наличии числительного в конструкции с единицами измерения

¹¹ В мокшанских количественных конструкциях числовое маркирование существительного регулируется набором факторов. Один из них — арифметическое значение числительного. В сочетании с малыми числительными (от 2 до 10) существительное (при отсутствии других релевантных факторов) маркируется показателем множественного числа. В конструкциях с остальными числительными, как правило, представлены формы единственного числа. Однако аппроксимативные конструкции также влияют на выбор формы существительного: если числительное маркировано эквативно-аппроксимативным показателем, то существительное в КК, как правило, не оформляется показателем множественного числа, даже если числительное относится к группе малых. Подробнее о факторах, регулирующих числовое маркирование в мокшанских КК, см. [Сидорова 2018].

¹² Вопрос о том, является ли маркер *kem* аффиксом или отдельной словоформой, остается за рамками текущего исследования. Мы следуем трактовкам, принятым в [Николаева 1995: 155; Кошарева (ред.) 2011: 56], где показатель *kem* отнесен к послелогам и, следовательно, записывается отдельно от предшествующей словоформы.

показатель может маркировать как числительное, так и единицу измерения (как и в мокшанском, см. (13)). В таких конструкциях, как в (15), обязательно выражается параметр измерения (см. далее обсуждение примера (40)).

ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)¹³

- (15) *tām kāt'i-j-en ap lowat kem* / **ap kem*.
 этот кот-STEM-POSS.2SG собака размер EQU/APPR собака EQU/APPR
 'Этот кот размером с собаку'.
- (16) a. *luw mān-əs jaŋ kem kilometra* / *jaŋ kilometra kem*.
 он идти-PST десять EQU/APPR километр десять километр EQU/APPR
 'Он прошел примерно десять километров'.
- b. *pāsan-ən jaŋ kem xojat əmās-əl*.
 стол-LOC десять EQU/APPR человек сидеть-NPST
 'За столом сидит около десяти человек'.

Для большинства опрошенных носителей данный показатель грамматичен во всех интересующих нас контекстах. Тем не менее не все носители допускают его употребление в функции качественного экватива (17a) (ср. альтернативный способ в (17b), где *kem* входит в состав маркера параметра сравнения) и количественного экватива (18a) (ср. также (18b)).

ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- (17) a. *ʃaj-em pet'a-jen šaj kem sakkər-əŋ*.
 чай-POSS.1SG Петя-POSS.2SG чай EQU/APPR сахар-ATTR
 'Мой чай такой же сладкий, как Петин'.
- b. *šaj-em ši kem sakkər-əŋ pet'a šaj iti*.
 чай-POSS.1SG этот EQU/APPR сахар-ATTR Петя чай как
 'Мой чай такой же сладкий, как Петин'.
- (18) a. *ʔma waška-jen (arat) kem jablaka tāj-l-əm*.
 я Вася-POSS.2SG количество EQU/APPR яблоко иметь-NPST-1SG
 'У меня примерно столько же яблок, сколько у Васи'.
- b. *ma ši arat jablaka tāj-l-əm muj arat*
 я этот количество яблоко иметь-NPST-1SG что количество
waška-jen tāj-əl.
 Вася-POSS.2SG иметь-NPST
 'У меня столько же яблок, сколько у Васи'.

В удмуртском языке мы обнаружили наибольшее количество релевантных для нашего исследования маркеров. Маркер *kad'* обладает широкой дистрибуцией (см. подробнее об этом и других его свойствах в [Синицына и др. (в печати)]). Он употребляется как качественный экватив (19), в том числе в контекстах с количественным параметром (20), но не может функционировать как количественный экватив (21). Как показано в (19)–(21), он противопоставлен показателю количественного экватива *mānda*, которому, напротив, недоступны контексты (19)–(20).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

- (19) *ruslan t'imur kad'* / **mānda viz'mo*.
 Руслан Тимур EQU/APPR EQU/APPR умный
 'Руслан такой же умный, как Тимур'.

¹³ Изучаемые нами диалекты хантыйского языка имеют ряд фонетических отличий. Так, например, 'собака' в шурышкарском варианте звучит как *ap*, тогда как в казымском — *amr*. В данной работе мы ориентируемся на способ записи, принятый для шурышкарского варианта.

- (20) *ta pispü korka kad' / *mânda ž'užât.*
 этот дерево дом EQU/APPR EQU/APPR высокий
 'Это дерево такое же высокое, как дом / выстой с дом'.

- (21) *mânam jablok ruslan-len mânda / #kad'.*
 я.GEN яблоко Руслан-GEN EQU/APPR EQU/APPR
 'У меня столько же яблок, сколько у Руслана'.
 # 'У меня яблоко такое же, как у Руслана'.

Показатель *mânda* как аппроксимативный маркер употребляется в конструкциях с числительными (22a) и ЕИ (22b).

- (22) Удмуртский (татышлинский говор)
- a. *rajda s'i-i-z das mânda kâmfet.*
 Райда есть-PST-3SG десять EQU/APPR конфета
 'Райда съела примерно десять конфет'.
- b. *rajda tünne ortč'-i-z das kilometâr mânda /*
 Райда сегодня проходить-PST-3SG десять километр EQU/APPR
**das mânda kilometâr.*
 десять EQU/APPR километр
 'Райда сегодня прошла примерно десять километров'.

Показатель *kad'* также может маркировать приближительность в количественных конструкциях (23a), однако в такой функции для большинства носителей его дистрибуция ограничена контекстами с ЕИ. Некоторые носители допускают *kad'* как маркер приближительности в конструкциях с числительными при оценке количества на глаз, без подсчета (23b).

- (23) Удмуртский (татышлинский говор)
- a. *mi das kilometâr kad' ortč'-i-m.*
 мы десять километр EQU/APPR пройти-PST-1PL
 'Мы прошли примерно десять километров'.
- b. *ʔküno-je lăkt-i-zâ s'ü murt kad' / s'ü kad' murt.*
 в_гости-1LL приходить-PST-3PL сто человек EQU/APPR сто EQU/APPR человек
 'В гости пришло где-то сто человек'.

Также в удмуртском языке есть ряд абстрактных лексем¹⁴ с финалью *-da* и ее морфологическими вариантами (ниже будут рассмотрены следующие единицы этого класса: *ž'užda* 'высотой с', *bâž'a* 'величиной с', *zôkta* 'толщиной с', *kemda* 'продолжительностью с'), см. (24). Эти единицы ограничены параметрическими контекстами и указывают на одинаковое или близкое расположение стандарта сравнения и объекта сравнения на шкале параметра, заданного их лексическим значением. Таким образом, они совмещают функции параметра измерения и маркера стандарта сравнения.

- (24) Удмуртский (татышлинский говор)
- a. *mon korka ž'užda pispü aʔž'-i-Ø.*
 я дом высотой_с дерево видеть-PST-1SG
 'Я увидел дерево высотой с дом'.

¹⁴ Частеречная принадлежность таких единиц требует дальнейшего изучения. С одной стороны, они находятся в постпозиции к своему субстантивному зависимому, как послелог и реляционные имена; с другой стороны, в ряде контекстов они способны присоединять адъективный показатель множественного числа.

- b. *ta koč'äš pünä bā'ž'a.*
 этот кот собака величиной_с
 'Этот кот размером с собаку'.

Как и хантыйские абстрактные существительные, в удмуртском языке такие элементы могут маркировать приближительность в конструкциях с единицами измерения, ср. (25a)–(25b) с конвенциональными единицами измерения. Любое существительное в количественных конструкциях, предшествующее такому маркеру, интерпретируется как единица измерения (25c). В конструкциях без именного квантификатора такие единицы, будучи специализированными по семантике, невозможны (25d).

(25) Удмуртский (татышлинский говор)

- a. *ta pispü kāk metār zōkta.*
 этот дерево два метр толщиной_с
 'Это дерево толщиной метра два'.
- b. *kāk arn'a mānda / kemda mi ž'al kar-i-m.*
 два неделя EQU/APPR продолжительностью_с мы отдых делать-PST-1PL
 'Мы отдыхали недели две'.
- c. *ta pispü vit' äž'ämi zōkta*
 этот дерево два человек толщиной_с
 'Это дерево толщиной с пять человек'.
- d. **praz'n'ik-e vit' äž'ämi bā'ž'a lākt-i-z.*
 праздник-ILL пять человек величиной_с приходить-PST-3SG
 Ожидаемое значение: 'На праздник пришло человек пять'.

В таблице 2 обобщены данные о дистрибуции изучаемых показателей. В левой части таблицы сгруппированы показатели, обладающие функцией параметрического экватива, но не обладающие функциями ни количественного, ни качественного экватива. Затем следует показатель *kad'*, которому доступна функция качественного экватива. Показатели, находящиеся в правой части таблицы, употребляются в функции количественного экватива, однако невозможны в функции качественного и параметрического эквативов. Показатель *kem* занимает промежуточную позицию, поскольку в большинстве идиолектов ему доступны все изучаемые нами функции.

Таблица 2

Дистрибуция изучаемых эквативно-аппроксимативных маркеров

Тип конструкции	Удм. N- <i>da</i>	Мокш. - <i>ška</i>	Хант. <i>kem</i>	Удм. <i>kad'</i>	Удм. <i>mānda</i> ¹⁵	Г.-м. <i>närä</i>
Количественный экватив	—	—	?	—	+	+
Качественный экватив	—	—	?	+	—	—
Параметрический экватив	+	+	+	+	—	—
Аппроксиматив с ЕИ	+	+	+	+	+	+
Аппроксиматив с числительными	—	+	+	?	+	+

¹⁵ Как видно из предшествующих примеров и из таблицы, *mānda* отличается по своим свойствам от прочих единиц с финалью на *-da*.

Обратим внимание на некоторые тенденции. Все изучаемые показатели могут функционировать либо как параметрические эквативы, либо как количественные эквативы, либо же использоваться в обеих этих функциях. Таким образом, аппроксимативная функция свойственна лишь эквативам, маркирующим либо равное количество элементов в некотором множестве (количественные эквативы), либо одинаковое положение сравниваемых элементов на количественной шкале, заданной некоторым параметром измерения. Эти данные согласуются с Гипотезой 2 (раздел 1.5).

В то же время удмуртские параметрические эквативные единицы с финалью на *-da* возможны только в контекстах, где присутствует единица измерения. Конструкции с окказиональными единицами измерения мы относим к параметрическим контекстам, в то время как конструкции с конвенциональными ЕИ — к аппроксимативным ввиду отсутствия стандарта сравнения (если не считать таковым саму единицу измерения) и в связи с тем, что они получают именно аппроксимативную интерпретацию (в отличие от параметрических). В то же время принятое разделение довольно условно, поскольку эти контексты очень близки.

Показатель *kad'* также возможен в контекстах с различными типами единиц измерения и существенно ограничен в контекстах без них, однако функция количественного экватива ему недоступна. Опираясь на данные из таблицы 2, мы предполагаем, что в том случае, если аппроксимативное значение развивается на базе параметрических эквативов, то в первую очередь показателям в этой функции становятся доступны контексты с ЕИ. На настоящий момент в нашей выборке недостаточно данных для того, чтобы предположить механизм развития аппроксимативной функции для единиц, обладающих функцией количественного экватива, но не имеющих параметрической функции. Такое исследование требует расширения выборки.

3. Возникновение полифункциональности: проверка гипотез

3.1. Неоднозначность в эквативных контекстах

Наши данные показывают, что некоторые показатели могут допускать и точную, и приблизительную интерпретацию в одних и тех же контекстах: ср. маркеры в мокшанском (26) и горномарийском (27а), а также удмуртские параметрические единицы на *-da* (28а). Для снятия неоднозначности используются средства, позволяющие заблокировать какую-либо из интерпретаций (регуляторы неточности (англ. *slack regulators*) в терминологии [Lasersohn 1999], см. подробнее раздел 3.4). В (27b) показано, что горномарийская эмфатическая частица *=ok* (выражающая значение эмфатического утверждения идентичности (англ. *emphatic assertion of identity*) в терминологии [König 1991: 122])¹⁶ делает недоступной неточную интерпретацию. В удмуртском языке аттенуативно-компаративный показатель *-ges* исключает точную интерпретацию (28b).

¹⁶ В частности, частица *=ok* предполагает фокус на совпадении двух элементов ситуации и задает точку, с которой можно соотнести другого участника (см. подробнее [Кашкин и др. 2018]). Например, в (i) задается элемент, с которым сопоставляется элемент ситуации.

(i) *tädä ti škol-âštâ / škol-âšt-ok rovotajâ-ne-žä.*
он этот школа-IN школа-IN=EMPH работать-DES-3SG

‘Он хочет работать в этой школе / именно в этой школе’. [Кашкин и др. 2018: 634]

(26) МОКШАНСКИЙ

t'ε šuft-t' ser'a-c kaftə loman'-ən'-čka.
 этот дерево-DEF.SG.GEN высота-3SG.POSS.SG два человек-GEN-EQU/APPR
 'Это дерево высотой с двух человек (ровно / примерно)'.

(27) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

a. *təddə-n olma-žə mən'-ən nārə.*
 он-GEN яблоко-POSS.3SG я-GEN EQU/APPR
 'У него яблок столько же, сколько у меня (ровно / примерно)'.

b. *təddə-n olma-žə mən'-ən nār-ok.*
 он-GEN яблоко-POSS.3SG я-GEN EQU/APPR=EMPH
 'У него яблок столько же, сколько у меня (ровно / *примерно)'.

(28) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

a. *mon korka ž'užda pispü a'ž'-i-Ø.*
 я дом высотой_с дерево видеть-PST-1SG
 'Я увидел дерево высотой с дом (примерно / ровно)'.

b. *mon korka ž'užda-ges pispü a'ž'-i-Ø.*
 я дом высотой_с-СМРР дерево видеть-PST-1SG
 'Я увидел дерево высотой с дом (примерно / *ровно)'.

Однако не все из изучаемых единиц демонстрируют такие свойства. С одной стороны, хантыйский показатель *kem* в нейтральном контексте однозначно получает аппроксимативную интерпретацию, см. (29a)–(29b). Референциальный статус стандарта сравнения не влияет на выбор интерпретации. С другой стороны, удмуртские показатели *kad'* и *mānda* в нейтральном контексте имеют лишь точную интерпретацию, ср. (30a)–(30b) и (31a)–(31b), получающие одинаковую интерпретацию вне зависимости от маркирования эмфатической частицей. В то же время ср. (30c) и (31c), где компаративный показатель привносит приблизительную интерпретацию.

(29) ХАНТЫЙСКИЙ (ЗАПАДНЫЕ ДИАЛЕКТЫ)

a. *tām kāt'i-j-en ap lowat kem.*
 этот кот-STEM-POSS.2SG собака размер EQU/APPR
 'Этот кот размером с собаку (примерно / *ровно)' (=15)).

b. *tām kāt'i-j-en pet'a-j-en ap lowat kem.*
 этот кот-STEM-POSS.2SG Петя-STEM-POSS.2SG собака размер EQU/APPR
 'Этот кот размером с Петину собаку (примерно / *ровно)'.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)¹⁷

(30) a. *mānam jablok ruslan-len kad' ba'ž'ām.*
 я.GEN яблоко Руслан-GEN EQU/APPR большой
 'У меня такое же большое яблоко, как и у Руслана (ровно / *примерно)'.

b. *mānam jablok ruslan-len kad'=ik ba'ž'ām.*
 я.GEN яблоко Руслан-GEN EQU/APPR=EMPH большой
 'У меня такое же большие яблоко, как и у Руслана (ровно / *примерно)'.

c. *mānam jablok ruslan-len kad'-ges ba'ž'ām*
 я.GEN яблоко Руслан-GEN EQU/APPR-СМРР большой
 'У меня такое же большие яблоко, как и у Руслана (примерно / *ровно)'.

¹⁷ В данном контексте маркер *kad'* не может выполнять функцию количественного экватива ('столько же яблок') даже при отсутствии параметрического прилагательного *ba'ž'ām* — в этом случае примеры приобретут качественное прочтение.

- (31) a. *mānam ruslan-len mānda jablok.*
 я.GEN Руслан-GEN EQU/APPR яблоко
 ‘У меня столько же яблок, сколько у Руслана (ровно / *примерно)’.
- b. *mānam ruslan-len mānda=ik jablok.*
 я.GEN Руслан-GEN EQU/APPR=EMPH яблоко
 ‘У меня столько же яблок, сколько у Руслана (ровно / *примерно)’.
- c. *mānam ruslan-len mānda-ges jablok.*
 я.GEN Руслан-GEN EQU/APPR-CMPR яблоко
 ‘У меня столько же яблок, сколько у Руслана (примерно / *ровно)’.

Таким образом, неоднозначность между приблизительной и точной интерпретацией в собственно эквативных контекстах не является универсальным свойством и, следовательно, необходимым фактором для развития аппроксимативного значения на базе эквативных контекстов. При этом наличие или отсутствие такой неоднозначности не распределено непересекающимся образом между параметрическими и количественными эквативами. Параметрические (мокш. *-ška*, удм. *N-da*) и количественный (горномар. *nārä*) эквативы допускают обе интерпретации в одних и тех же контекстах (26)–(27); хантыйский параметрический экватив *kem* (29) допускает только неточную интерпретацию; удмуртские качественный (*kad'*) и количественный (*mānda*) эквативы (30)–(31) допускают только точную интерпретацию. В связи с этим можно предположить, что наличие неоднозначности в одних и тех же контекстах — не универсальная причина и / или не этап развития полисемии, а скорее отражение лингвоспецифических особенностей таких показателей и их взаимодействия с количественными шкалами (о шкалах подробнее см. раздел 3.4).

3.2. Роль параметра измерения в развитии аппроксимативной функции

В данном разделе мы рассмотрим синтаксические механизмы, которые могут влиять на возникновение эквативно-аппроксимативной полифункциональности. Мы рассмотрим исходную гипотезу (см. раздел 1.5, Гипотеза 3) о том, что такое совмещение функций становится возможным в том числе благодаря эллипсису стандарта сравнения (на материале мокшанского и хантыйского языков). В то же время синтаксис конструкций с эквативно-аппроксимативными маркерами в рассматриваемых языках различается. Так, в удмуртском языке к конструкциям, где используются показатели с финалью на *-da*, такое объяснение заведомо неприменимо. Синтаксис горномарийской конструкции с *nārä* и удмуртской конструкции с *kad'* также существенно отличается от остальных. Ниже мы рассмотрим все эти случаи.

В мокшанском и хантыйском языках элементы эквативных конструкций могут быть выражены абстрактными существительными с параметрическим значением (см. раздел 1.4). Далее мы рассмотрим возможности выражения одного или двух аргументов эквативной конструкции (стандарта и / или объекта сравнения) с помощью параметрического существительного и обсудим, можно ли считать эллипсисом случаи, когда только один аргумент содержит параметрическое существительное. Для этого мы проанализируем морфосинтаксические свойства таких конструкций и кратко рассмотрим возможность элидировать вершинные имена в сходных синтаксических структурах вне эквативных конструкций.

В мокшанском языке с помощью абстрактного существительного могут выражаться как оба главных аргумента (стандарт сравнения и объект сравнения), см. (32a), так и один из них, ср. (32b)–(32d). Ниже мы покажем, что (32d) является контекстом с элидированным существительным, тогда как в (32c) эллипсиса не происходит.

(32) МОКШАНСКИЙ

- a. $[[t'\varepsilon \quad \check{s}uft-t'] \quad ser'\partial-c] \quad [[kaft\partial \quad loman'-\partial n'] \quad ser'\partial]-\check{s}ka.$
 ЭТОТ дерево-DEF.SG.GEN высота-3SG.POSS.SG два человек-GEN высота-EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ-ШКА

‘Это дерево высотой с двух человек’ (букв. «Высота этого дерева как высота двух человек»).

- b. $[t'\varepsilon \quad \check{s}ufc] \quad [[kaft\partial \quad loman'-\partial n'] \quad ser'\partial]-\check{s}ka.$
 ЭТОТ дерево-DEF.SG два человек-GEN высота-EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ-ШКА

‘Это дерево высотой с двух человек’ (букв. «Это дерево как высота двух человек»).

- c. $[[t'\varepsilon \quad \check{s}uft-t'] \quad ser'\partial-c] \quad [kaft\partial \quad loman']-\check{c}ka$
 ТОТ дерево-DEF.SG.GEN высота-3SG.POSS.SG два человек-EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ-ШКА

‘Это дерево высотой с двух человек’ (букв. «Высота этого дерева как два человека»).

- d. $[[t'\varepsilon \quad \check{s}uft-t'] \quad ser'\partial-c] \quad [kaft\partial \quad loman'-\partial n']-\check{c}ka$
 ТОТ дерево-DEF.SG.GEN высота-3SG.POSS.SG два человек-GEN-EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ-ШКА

‘Это дерево высотой с двух человек’ (букв. «Высота этого дерева как Ø двух человек»).

В (33) показано, что сочетание *kaft\partial loman'(\partial n')* ‘два человека’ нельзя отделить от абстрактного существительного с помощью эквативного маркера. Это подтверждает наш анализ: абстрактное существительное с параметрическим значением выполняет функцию стандарта сравнения, а количественная конструкция является его атрибутивным зависимым. Если бы подобные примеры были грамматичны, то это бы говорило о том, что во всех рассматриваемых конструкциях (32a)–(32d) стандартом сравнения является количественная конструкция, а параметрический элемент может принадлежать иной синтаксической структуре.

(33) МОКШАНСКИЙ

- a. $*[t'\varepsilon \quad \check{s}uft-t'] \quad ser'\partial-c] \quad [[kaft\partial \quad loman'(-\partial n')]-\check{c}ka$
 ЭТОТ дерево-DEF.SG.GEN высота-3SG.POSS.SG два человек-GEN-EQU/APPR
ser'-s'.
 ВЫСОТА-DEF.SG

- b. $*[t'\varepsilon \quad \check{s}ufc] \quad [[kaft\partial \quad loman'(-\partial n')]-\check{c}ka \quad ser'-s\partial].$
 ЭТОТ дерево-DEF.SG два человек-GEN-EQU/APPR высота-IN
 Ожидаемое значение: ‘Это дерево высотой с двух человек’.

Тем не менее в [Привизенцева 2018] приводятся примеры, из которых следует, что при эллипсисе вершинного имени в генитивных конструкциях маркирование сохраняется. В связи с этим можно сделать вывод, что в (32d) наблюдается эллипсис вершинного имени, но его нет в (32с). При этом, как было показано в разделе 2.1, в типичных аппроксимативных контекстах с единицами измерения генитив отсутствует, см. (34). Итак, интересующая нас конструкция в мокшанском языке не связана с эллипсисом.

(34) МОКШАНСКИЙ

- $s'\varepsilon \quad o\check{s}-t'i \quad t'o\check{z}\partial n'-\check{c}ka \quad kilametra \quad / \quad t'o\check{z}\partial n' \quad kilametra-\check{s}ka.$
 ТОТ город-DEF.SG.DAT тысяча-EQU/APPR километр тысяча километр-EQU/APPR

‘До того города примерно тысяча километров’ (= (13)).

Таким образом, в мокшанском языке присутствует несколько стратегий по [Haspelmath 2017: 23], в которых абстрактное параметрическое существительное может занимать позицию стандарта сравнения, объекта сравнения или же обе эти позиции, то есть, вопреки нашему первоначальному предположению, эти «смешанные» стратегии не сводятся к одной.

Хантыйские эквативные конструкции устроены похожим образом. Как показывают примеры (35a)–(35c), в хантыйском языке абстрактное имя может выражать как оба главных элемента эквативной конструкции, так и любой из них по отдельности.

(35) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- a. [[šāškan] **xuwat-əf**] [[wet ələŋ *huj* sūrəs] **xuwat**] **kem**.
 ткань длина-POSS.3SG пять начало палец пядь длина EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ КЕМ

‘Длина ткани — с пять указательных пальцев¹⁸’ (букв. «Длина ткани как длина пяти указательных пальцев»).

- b. [tām *jux*] [[wet *xojat*] **kulat**] **kem**.
 тот дерево пять человек толщина EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ КЕМ

‘Это дерево с пять человек толщиной’ (букв. «Это дерево как толщина пяти человек»).

- c. [[tām *jux*] **kulat-əf**] [wet *xojat*] **kem**.
 тот дерево толщина-POSS.3SG пять человек EQU/APPR
 ОБЪЕКТ СТАНДАРТ КЕМ

‘Это дерево с пять человек толщиной’ (букв. «Толщина этого дерева как пять человек»).

Как и в случае с мокшанским, эквативный показатель не может отделять количественную конструкцию от абстрактного существительного, что также показывает, что это элементы одной конструкции, где абстрактное существительное с параметрической семантикой является стандартом сравнения, см. (36).

(36) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- *[[šāškan] **xuwat-əf**] [[wet ələŋ *huj* sūrəs] **kem** **xuwat**].
 ткань длина-POSS.3SG пять начало палец пядь EQU/APPR длина

Ожидаемое значение: ‘Длина этой ткани — примерно пять указательных пальцев’.

В хантыйском языке параметр измерения может выражаться и в количественных аппроксимативных конструкциях, то есть в таких, где не происходит сравнения, по меньшей мере явного: канонический стандарт сравнения отсутствует в принципе, а на его месте находится количественная конструкция, см. (37). В этих конструкциях сохраняется то же свойство, что и в эквативных: эквативно-аппроксимативный маркер не может отделять количественную конструкцию от вершинного имени (37b).

(37) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- a. *hɯw mǎn-əs* wet *kilametra* **kem** / wet *kilametra* *arat* **kem**.
 он идти-PST пять километр EQU/APPR пять километр количество EQU/APPR

‘Он прошел примерно пять километров’.

- b. **hɯw mǎn-əs* wet *kilametra* **kem** *arat*.
 он идти-PST.3SG пять километр EQU/APPR количество

Ожидаемое значение: ‘Он прошел примерно пять километров’.

В то же время, как и в мокшанском языке, в хантыйском объяснение с помощью эллипсиса встречает контраргументы. Как показано в (38a)–(38b), в сходных синтаксических

¹⁸ Традиционная хантыйская единица измерения для ткани.

структурах вне эквативных контекстов конфигурация (38b) не может быть интерпретирована таким же образом, как (38a), т. е. эллипсис в таких случаях невозможен. Таким образом, аналогично мокшанскому, в хантыйском приведенные в (35) конструкции реализуют отдельные стратегии, т. е. (35b)–(35c) не являются производными от (35a).

(38) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- a. *petra-jen pāsān waška-jen pāsān xorəs-əp.*
 Петя-POSS.2SG стол Вася-POSS.2SG стол образ-PROP
 ‘Стол Пети такой же, как стол Васи’.
- b. [#]*petra-jen pāsān waška-jen xorəs-əp.*
 Петя-POSS.2SG стол Вася-POSS.2SG образ-PROP
[#]‘Стол Пети такой же, как Вася’.
^{*}‘Стол Пети такой же, как стол Васи’.

Следует отметить, с одной стороны, различие мокшанского и хантыйского, с другой — различие синтаксиса эквативных и аппроксимативных конструкций в хантыйском. Наряду с перечисленными в (35) стратегиями в мокшанских эквативных конструкциях доступна следующая: параметр измерения может быть не выражен как в стандарте сравнения, так и в объекте сравнения (39a). В аппроксимативных КК (39b) параметр измерения (какое-либо параметрическое слово со значением ‘расстояние’) также, как правило, отсутствует.

(39) МОКШАНСКИЙ

- a. *t'ε šuft-s' kaftə loman'-čka.*
 этот дерево-DEF.SG два человек-EQU/APPR
 ‘Это дерево высотой с двух человек’ (= (13)).
- b. *s'ε oš-t'i t'ožən'-čka kilametra / t'ožən' kilametra-ška.*
 тот город-DEF.SG.DAT тысяча- EQU/APPR километр тысяча километр-EQU/APPR
 ‘До того города примерно тысяча километров’ (= (34)).

В хантыйском языке в конструкциях типа (40a) параметр измерения обязательно выражается, тогда как в аппроксимативных КК (40b) он факультативен.

(40) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты)

- a. *ma ap lowat kem / *ap kem kati want-s-əm.*
 я собака размер EQU/APPR собака EQU/APPR кот видеть-PST-1SG
 ‘Я увидел кошку размером с собаку’.
- b. *hw mǎn-əs wet kilametra kem / wet kilametra arat kem.*
 он идти-PST пять километр EQU/APPR пять километр количество EQU/APPR
 ‘Он прошел примерно пять километров’ (= (37a)).

Таким образом, в хантыйском языке конструкции в (40a) и (40b) различаются синтаксически. Это еще один контраргумент к эллиптическому анализу. С другой стороны, стандарт сравнения в (40a) также является окказиональной единицей измерения, тогда как в (40b) представлены конвенциональные единицы измерения. Таким образом, в некоторых языках этот параметр противопоставлен в синтаксической структуре изучаемых конструкций.

Как было сказано выше и показано в разделе 2, в татышлинском удмуртском параметр измерения выражается иначе, чем в мокшанском и хантыйском. Удмуртские параметрические элементы сочетают функции параметра измерения и эквативно-аппроксимативного показателя¹⁹. Как было показано в разделе 2 (см. таблицу 2), маркерам с финалью на *-da*

¹⁹ В типологическом исследовании эквативных конструкций [Haspelmath 2017: 24] упоминается язык матсес (паноанская ветвь пано-таканской семьи), система которого частично схожа с удмуртской: в этом языке существует ряд послелогов, маркирующих стандарт сравнения и задающих

доступны две функции: параметрического экватива и маркера приблизительности в конструкциях с единицами измерения. Обратимся снова к приведенным в разделе 2 примерам. Примеры (41a)–(41b) отнесены к эквативным, поскольку в них выражен стандарт сравнения. Примеры (42a)–(42b) с единицами того же семантического и морфосинтаксического класса формально являются аппроксимативными, но не эквативными, поскольку в них отсутствуют идея сопоставления двух сущностей и стандарт сравнения.

Удмуртский (татышлинский говор)

- (41) a. *mon korka ž'užda pispü a'ž'-i-Ø.*
я дом высотой_с дерево видеть-PST-1SG
'Я увидел дерево высотой с дом'.

- b. *ta koč'âš pinä bâ'ž'a.*
этот кот собака величиной_с
'Этот кот размером с собаку'.

- (42) a. *ta pispü kâk metâr ž'užda.*
этот дерево два метр высотой_с
'Это дерево высотой примерно с два метра'.

- b. *arn'a kemda mi ž'al kar-i-m.*
неделя продолжительностью_с мы отдых делать-PST-1PL
'Мы отдыхали примерно неделю'.

Однако синтаксическая структура эквативных конструкций в (41) и аппроксимативных в (42) абсолютно тождественна. Мы предполагаем, что это возможно за счет общих скалярных свойств элементов этих конструкций. В обоих случаях некоторое количественное значение проецируется на шкалу, заданную параметром измерения. Различие заключается лишь в том, что в (41) существительные интерпретируются как окказиональные единицы измерения, а в (42) используются конвенциональные ЕИ. У обоих типов конструкций есть общее свойство, противопоставляющее их конструкциям с числительными (без ЕИ): шкала, на которую проецируются количественные характеристики объекта, как и шкала, задаваемая с помощью конвенциональных ЕИ, обладают большей степенью детализации (ср. выражение *ему примерно десять лет*, значением которого может быть дробное число, и *на столе стоит примерно десять чашек*, значением которого должно быть исключительно целое число).

В горномарийском языке использование абстрактных единиц со значением параметра измерения крайне ограничено (см. раздел 2). В основном используется стратегия, при которой параметр измерения эксплицитно не выражен. Таким образом, анализ с эллипсисом вершинного имени с параметрическим значением к подобным конструкциям заведомо неприменим.

Подведем итоги данного раздела. Как было показано выше, в некоторых языках (в нашем случае это хантыйский и мокшанский) как стандарт сравнения, так и объект сравнения могут выражаться с помощью абстрактных существительных, атрибутивных зависимых, которых нередко бывают количественные конструкции. Наше изначальное предположение заключалось в том, что в таких конструкциях допускается эллипсис вершинного имени и что если он происходит в стандарте сравнения, то эквативно-аппроксимативный показатель (он же маркер стандарта сравнения) присоединяется к элементам количественной конструкции, являющейся атрибутивным зависимым элидированного

различные параметры измерения, например, *ten* 'размером с', *tion* 'длиной с', *ted* 'столько же', однако отсутствует неспециализированный эквативный маркер. В удмуртском языке, в отличие от языка матсес, наряду со специализированными параметрическими эквативами существует эквативный маркер *kad'*, обладающий широкой сочетаемостью (см. раздел 2).

имени, и таким образом количественная конструкция оказывается в позиции стандарта сравнения. Если бы это было верно, то можно было бы предположить, что вследствие этой вариативности синтаксической конструкции может происходить реинтерпретация количественной конструкции как реального стандарта сравнения и затем закрепления аппроксимативной функции за показателем.

Однако данная гипотеза была отвергнута в связи с наличием большого количества контраргументов.

Напротив, как следует из проанализированных примеров, в исследуемых языках конструкции, где стандарт сравнения выражен с помощью абстрактного существительного (параметра измерения), а КК является его атрибутивным зависимым, и конструкции, где количественная конструкция является реальным стандартным сравнения, существуют независимо друг от друга.

Тем не менее в данном разделе было показано, что, с одной стороны, окказиональные и конвенциональные единицы измерения часто принадлежат к различным контекстам (первые скорее являются стандартами сравнения в параметрических эквативных конструкциях, тогда как вторые относятся к аппроксимативным КК). С другой стороны, они могут демонстрировать значительное синтаксическое сходство.

3.3. Роль стандарта сравнения в развитии аппроксимативной функции

Как было показано в разделе 2, рассматриваемые нами показатели полифункциональны: с одной стороны, они выполняют функцию маркера стандарта сравнения в эквативных конструкциях (либо совмещают функции параметра измерения и маркера стандарта сравнения), с другой стороны — маркируют неточное количество в аппроксимативных количественных конструкциях.

В разделе 3.2 было продемонстрировано, что в некоторых конструкциях стандарт сравнения можно рассматривать как окказиональную единицу измерения: в целом ряд контекстов является пограничным между параметрическими эквативами и аппроксимативными КК с окказиональными ЕИ.

Конвенциональные и окказиональные ЕИ различаются следующими свойствами:

- Как правило, окказиональные единицы измерения допускают сравнение по большему количеству параметров, чем конвенциональные (ср. *с метр высотой / с метр шириной*, но **с метр весом* vs. *с Васю ростом / с Васю весом / с Васю шириной*²⁰).
- Значение параметров измерения, релевантных для конвенциональных ЕИ, всегда точно известно, тогда как для окказиональных ЕИ, даже если оно имеет фиксированное значение, оно может быть неизвестно говорящему.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что семантические характеристики наиболее частотного типа стандарта сравнения могут влиять на интерпретацию конструкции и в конечном счете способствовать развитию аппроксимативной функции у самого маркера стандарта сравнения. Для этого мы на материале корпуса литературного мохшанского языка и корпуса литературного удмуртского языка (поскольку на настоящий момент данные корпуса более репрезентативны, чем корпуса изучаемых нами идиомов) подсчитали

²⁰ Тем не менее, как справедливо отмечает анонимный рецензент, у окказиональных ЕИ могут быть свои ограничения на количество параметров измерения, ср. *с роман длиной / *шириной / *весом*. Однако мы предполагаем, что окказиональные ЕИ в целом и количество релевантных для них параметров в большей степени зависят от контекста, чем конвенциональные. Ср. следующий близкий контекст: *Не бери эту книгу с собой, она же с «Войну и мир» весом*.

частотное распределение референциальных характеристик стандарта сравнения. Примеры размечались следующим образом:

- целевой именной группе присваивался **генерический** статус при отсутствии конкретного референта у стандарта сравнения;
- **конкретно-референтный** статус присваивался следующим именным группам:
 - имеющим актуализаторы типа *тот, этот*;
 - являющимся именами собственными, указывающими на уникальный, а не типовой объект;
 - именным группам с посессивным маркированием²¹;
 - имеющим иные указания на уникальный объект (например, рестриктивные относительные клаузы, модифицирующие стандарт сравнения);
 - группам, конкретно-референтный статус которых можно установить из предшествующего контекста;
- кроме того, был выделен подкласс конкретно-референтных именных групп: **часть определенного объекта** ($\approx$ выбор из определенного множества); данное решение применялось к конструкциям типа величиной *с половиной Европы*, поскольку в состав половины могут входить различные части определенного объекта (подробно такое решение аргументировано в работе [Енç 1991], где вводится понятие партитивной специфичности; см. также [Кашкин 2018: 136–138; Толдова 2018: 604] о маркировании подобных контекстов как определенных в мокшанском).

Согласно нашему предположению, сравнение в таких конструкциях, как правило, происходит с эталонными объектами, то есть с обладающими **генерическим** референциальным статусом (в понимании [Падучева 2017]).

В корпусе литературного мокшанского языка зафиксировано 573 вхождения эквативно-аппроксимативного показателя. Большая часть из них приходится на аппроксимативное употребление в конструкциях с числительными и сложными квантификаторами (*кото-шка* [шесть-EQU], *кемгафсуво-шка* [восемнадцать-EQU], *300 грамм-шка* [300 грамм-EQU], *пяле кизо-шка* [половина год-EQU] и т. д.) и местоимения²² (*ся-шка* [тот-EQU], *тя-шка* [этот-EQU], *кона-шка* [который-EQU] и др.). Только 23 вхождения удалось разметить как однозначно эквативные. Именные группы в функции стандарта сравнения в этих примерах также обладают генерическим референциальным статусом, см., например, (43)–(44).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МОКШАНСКИЙ

- (43) *Кочк-се-са-Ø-ськ* **сараз-онь** **ал-шка** **цебарь** **сорт-онь**
 собирать-IPFV-NPST-3.O-1PL.S курица-GEN яйцо-EQU/APPR хороший сорт-GEN
модамарь-хне-нь.
 картошка-PL.DEF-GEN

‘Собирали картошку хорошего сорта, размером с куриное яйцо’.

[Корпус литературного мокшанского языка: «Мокшень правда», 2012]

²¹ Следует отметить, что это решение условно, поскольку в финно-угорских языках возможно употребление посессивных показателей в дискурсивной функции.

²² Мы предполагаем, что у таких местоимений, помимо собственно эквативных контекстов, может быть ряд других функций, которые могут исказить статистику, ср. контекст (ii), который может быть скорее эмфатическим. Конструкции с местоимениями, маркированными эквативным показателем, требуют отдельного исследования.

- (ii) *Тя-шка* *сатфкс-т* *сатне-в-ихть,* **тя-шка** *мяль*
 тот-EQU успех-PL достигать-PASS-NPST.3PL тот-EQU желание
шар-ф-не-в-и. *веле-нь* *хозяйства-ти*
 кружиться-CAUS-MULT-PASS-NPST.3SG село-GEN хозяйство-DEF.SG.DAT

‘Такие успехи достигаются, такое большое внимание уделяется сельскому хозяйству’.

[Корпус литературного мокшанского языка: «Мокшень правда», 2011]

- (44) *Ван-ат,* *бука-ика* *аля,* *а* *сон* *стак* *бралг-и*
 смотреть-NPST.2SG бык-EQU/APPR мужик а он просто_так бродить-NPST.3SG
веле-ва.
 деревня-PROL
 ‘Смотри, мужик размером с быка, а просто так бродит по деревне’.
 [Корпус литературного мокшанского языка: «Мокшень правда», 2013]

На материале корпуса литературного удмуртского языка мы изучили дистрибуцию нескольких единиц с финалью на *-да* (и с ее морфонологическими вариантами): *жсужда* ‘высотой с’ (119 вхождений), *мурда* ‘глубиной с’ (10 вхождений), *кузьда* ‘длиной с, продолжительностью с’ (135 вхождений), *зѳкта* ‘толщиной с’ (89 вхождений), *пасьта* ‘шириной с’ (84 вхождения), *быдѳа* ‘размером с’ (576 вхождений, из которых для дальнейшей разметки были отобраны первые 200), *мында* ‘количеством с’ (1005 вхождений, из которых для дальнейшей разметки были отобраны первые 200). Были исключены конструкции с указательными и неопределенными местоимениями (ср. *та быдѳа* ‘такого размера’, *со мында* ‘вот столько’) и идиоматизированные выражения (ср. *тѳшкыли быдѳа* ‘очень маленький’, буквально: ‘размером со щелчок’). В таблице 3 приведена полученная статистика.

Таблица 3

Корпус литературного удмуртского языка

	(i)	(ii)	(iii)	(iv)	(v)
<i>жсужда</i>	97	13	35	48	1
<i>мурда</i>	9	0	1	8	0
<i>кузьда</i>	85	7	14	62	2
<i>зѳкта</i>	62	1	34	25	2
<i>пасьта</i>	70	0	29	41	0
<i>быдѳа</i>	92	17	48	23	4
<i>мында</i>	147	33	29	52	33
(vi)	562	71	190	259	42

- (i) — суммарное количество вхождений без учета указательных местоимений и устойчивых выражений.
 (ii) — эквативные конструкции, где стандарт сравнения имеет **конкретно-референтный** референциальный статус.
 (iii) — эквативные конструкции, где стандарт сравнения имеет **генерический** референциальный статус.
 (iv) — конструкции, где целевая лексема следует за конвенциональной единицей измерения или (чаще) за сложным квантификатором, состоящим из числительного и единицы измерения (ср. *10 сантиметр жсужда* ‘сантиметров десять высотой’). Данный контекст находится на пересечении эквативных и аппроксимативных конструкций.
 (v) — аппроксимативные конструкции, где целевая лексема следует за количественным числительным.
 (vi) — суммарное количество значений по столбцам.

Как видно из таблицы 3, суммарное количество конструкций, размеченных как эквативные (столбцы (ii) и (iii)), составляет 261 вхождение. Из них в 190 случаях именная группа в позиции стандарта сравнения имеет генерический референциальный статус (72,8 %; см. примеры (45)–(46)), и всего в 71 случае — конкретно-референтный (см., например, (47)–(48)).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

- (45) *Гурезь жэужда жсаг-ез адзы-са, сюлэм бёрд-э* {...}.
гора высота мусор-ACC видеть-CVB сердце плакать-PRS.3SG

‘Сердце плачет при виде мусора размером с гору’.

[Корпус литературного удмуртского языка: «Удмурт дунне», 2016]

- (46) *Кабачок-лэсь пуш-сэ сузя-тэк, чиньы зёкта*
кабачок-AVL внутренность-ACC.POSS.3SG очищать-CVB.NEG палец толщина
кульчо-ен ванды-л-о.
кольцо-INS резать-ITER-PRS.3PL

‘Не вычищая внутренности кабачка, его разрезают на кольца с палец толщиной’.

[Корпус литературного удмуртского языка: «Байгурезь (Новый путь)», 2017]

- (47) *Ой ой ой, мон жэужда тй лу-илля-м-ды ни.*
я высотой-с вы стать-2/3PL-PST2-2PL уже

‘Ой, ой, ой, вы с меня ростом уже стали, оказывается’.

[Корпус литературного удмуртского языка: «Удмурт дунне», 2013]

- (48) *Со, считай, мынам вын-ы быдза пи-ос.*
этот считай я.GEN младший-брат-POSS.1SG величиной-с мальчик-PL

‘Это, считай, ровесники моего младшего брата (букв. «мальчики (примерно) с моего младшего брата размером»)’.

[Корпус литературного удмуртского языка: «Удмурт дунне», 2013–2016]

Чуть меньше половины вошедших в нашу выборку вхождений (259 из 562) составляют аппроксимативные конструкции с конвенциональными единицами измерения. Случаев, когда целевая лексема следует непосредственно за числительным, насчитывается 42. Наибольшее количество вхождений приходится на маркер *мында*, который, по данным нашего полевого исследования на материале татышлинского удмуртского (раздел 2), в принципе может выполнять только функцию количественного экватива и маркера приблизительноности, но не параметрического экватива.

Что интересно, именно для маркера *мында* в эквативных конструкциях частотность конкретно-референтных стандартов сравнения превышает количество генерических. Это отличает его от маркеров параметрического экватива. Таким образом, предположить связь референциальных характеристик стандарта сравнения с развитием аппроксимативной функции можно только для параметрических эквативов.

При этом, несмотря на очевидное наличие такой связи, частотность генерических стандартов сравнения может быть не причиной, а следствием того, что в таких конструкциях приблизительная интерпретация прагматически допустима. При использовании генерических существительных, которые в таких контекстах одновременно являются окказиональными единицами измерения, говорящий может рассчитывать на то, что слушающему также известны приблизительные характеристики стандарта сравнения, в то время как их точным значением можно пренебречь из прагматических соображений.

Таким образом, Гипотеза 4 (см. раздел 1.5) не подтвердилась: нельзя утверждать, что референциальный статус стандарта сравнения способствует развитию аппроксимативной функции. Однако некоторые свойства стандарта сравнения могут влиять на интерпретацию изучаемых конструкций, что будет показано в разделе 3.4, где мы дадим интерпретацию наблюдаемым явлениям с опорой на скалярный анализ.

3.4. Интерпретация данных в терминах скалярности

В разделах 2 и 3.1–3.3 были рассмотрены различные гипотезы о природе эквативно-аппроксимативной полифункциональности, связанные с поэтапным возникновением

приблизительного количественного значения на базе эквативов. Однако большая часть гипотез была отвергнута из-за существенных контраргументов.

Как показано в разделе 3.2, аппроксимативная функция изучаемых показателей не может быть объяснена регулярным эллипсисом в эквативных конструкциях, поскольку в языках, на материале которых тестируется данная гипотеза, эллипсис регулируется правилами, запрещающими такие морфосинтаксические конфигурации. То есть изучаемые конструкции не связаны эллиптическим отношением, следовательно, Гипотеза 3 не подтверждается.

В разделе 3.3 показано, что в конструкциях с параметрическими эквативами, как и предполагалось, частотность генерических именных групп в позиции стандарта сравнения выше, чем именных групп с конкретно-референтным статусом. Однако, во-первых, это не распространяется на конструкции с количественными эквативами, а, во-вторых, наблюдаемая закономерность может быть не причиной, а следствием наличия у таких маркеров аппроксимативной интерпретации. Таким образом, Гипотеза 4 не находит подтверждения. Как следствие, Гипотеза 5, основанная на Гипотезах 3 и 4, также не может быть принята.

Что касается Гипотезы 2, она верна на материале изучаемых нами языков. В текущей работе подробно рассматриваются лишь единицы, используемые в качестве параметрических и / или количественных эквативов, однако можно с уверенностью сказать, что не вошедшие в данное исследование качественные эквативы и симилиативы²³, не обладающие количественной и / или параметрической функцией, также невозможны в качестве аппроксимативных маркеров в КК (ср. (7) в разделе 2; см. также [Sidorova, Sinitsyna 2018] и [Синицына 2023], где описаны модели полисемии горномарийских эквативных показателей). Таким образом, Гипотеза 2 подтверждается на материале языков нашей выборки.

Таким образом, отклонение Гипотез 3–5, отталкивающихся от того, что эквативное значение первично по отношению к аппроксимативному (Гипотеза 1), ставит под вопрос первоначальную Гипотезу 1. В данном разделе мы сосредоточимся на обсуждении этой гипотезы.

Как показывают примеры, представленные в разделе 3.1, большая часть изучаемых показателей возможна в контекстах, где выражена как одинаковая, так и незначительно различающаяся степень проявления градуируемого признака или количественной характеристики сравниваемых объектов / множеств, причем во втором случае неизвестно, какой из объектов (или множеств) обладает данным признаком в большей степени (в отличие от компаративных конструкций). Схожая проблематика затрагивается в работах [Lasersohn 1999; Krifka 2007; 2009], где предлагаются разные варианты анализа подобных эффектов. Мы не усматриваем явных противоречий между этими вариантами анализа, однако они рассматривают данные под разными углами.

В рамках подхода [Lasersohn 1999] наличие аппроксимативной интерпретации у эквативных элементов может быть следствием прагматической неточности. Например, согласно теории, предложенной П. Лазерсоном, количественное выражение в (49) на самом деле может обозначать, например, и 03:00.01, и 03:01, и, возможно, даже 03:05 — в зависимости от степени аппроксимации.

(49) *Mary arrived at three o'clock.*

‘Мэри приехала в три часа’. [Lasersohn 1999: 522]

Идея, выдвинутая в [Ibid.], заключается в том, что, несмотря на то что язык позволяет выражать мысли очень точно, люди постоянно порождают высказывания, в истинности которых не могут быть уверены, и которые, строго говоря, являются ложными,

²³ Необходимо сделать оговорку, касающуюся компаративно-аттенуативных показателей. Согласно нашим данным, они также обладают аппроксимативной функцией в конструкциях с числительными, однако набор контекстов существенно отличается от доступных количественным и параметрическим эквативам. Такие маркеры и конструкции остаются за рамками текущего исследования.

но достаточно близкими к истине для достижения прагматических целей говорящего. Степень близости к истине моделируется с помощью понятия прагматического ореола (англ. *pragmatic halo*). Например, у числительного *десять* есть только точное количественное значение [10], но в тех случаях, когда оно используется в неточном или округленном значении, применяется механизм, названный прагматической неточностью (англ. *pragmatic slack*), ср. прагматическое различие между (50a) и (50b). Допустимый разброс значений в (50a) больше, чем в (50b).

- (50) а. *Считается, что натуральный пух и синтепух способен выдерживать до 30 градусов мороза, а вот, к примеру, биопух выдерживает до -40С.* [Google]
- б. *Жертвы переохлаждения впадают в ступор, если температура их тела снижается до отметки 32,2 °С, большинство теряют сознание при 29,5 °С и погибают при температуре ниже 26,5 °С.* [Google]

Тогда значение числительного *десять* включает не только [10], но и прагматический ореол, состоящий из близких числовых значений, в данном контексте прагматически не отличающийся от [10]. Если говорящему необходима точная интерпретация, используются выражения, снимающие или уменьшающие прагматическую неточность (англ. *slack regulators*). В терминах [Lasersohn 1999], такие операторы уменьшают прагматический ореол до минимума, возможного в данном контексте.

В [Krifka 2007; 2009] предлагается альтернативный подход к неточности языковых выражений в терминах скалярности, основанный на степени детализации (англ. *granularity*) шкалы измерения. Числовые значения представляются относительно шкал, различных по степени дробности. Например, расстояние можно измерять в метрах, десятках метров, километрах, десятках километров и т. д. Чем менее детализированная²⁴ шкала выбрана, тем более широкий скалярный диапазон представляют отмеченные на ней значения, то есть чем грубее масштаб шкалы, тем более приблизительную интерпретацию допускают расположенные на ней значения.

Иными словами, в рамках обоих рассмотренных подходов количественным выражениям доступен некоторый диапазон значений, однако, в зависимости от выбранного подхода, предполагается, что за этим стоят разные прагматические механизмы.

В [Sauerland, Stateva 2007; Zaroukian 2013] используется термин «скалярная неопределенность» (англ. *scalar vagueness*) — неопределенность, свойственная выражениям, имеющим в качестве соответствия точку или интервал на какой-либо шкале. Типичным примером таких выражений являются количественные числительные. Роль маркеров и выражений, обозначенных в данных работах как «скалярные аппроксиматоры» (англ. *scalar approximators*), к которым относится и ряд маркеров приблизительности (ср. *approximately*), и операторы типа *exactly* (известные в терминологии [Lasersohn 1999] как *slack regulators*), заключается в том, что они управляют параметром детализации шкалы. Например, согласно [Sauerland, Stateva 2007], маркеры приблизительности устанавливают параметр детализации на самую грубую степень приближения, возможную в данном контексте.

Рассмотрим эти теоретические обобщения применительно к нашему материалу. Как уже было сказано, все гипотезы, аргументирующие строгое развитие аппроксимативного значения как отдельного на базе эквативного, были отвергнуты. Подход [Lasersohn 1999], напротив, дает возможность проанализировать совмещение эквативной и аппроксимативной функций как синхронное явление. Так, даже при стандартах измерения с конкретно-референтным статусом, обладающих известными говорящему параметрами, возможна приблизительная интерпретация, ср. (51), где высота растения может совпадать с ростом

²⁴ В англоязычных работах используются термины «fine-grained» для обозначения более детализированных шкал и «coarse-grained» в отношении шкал с меньшей степенью детализации.

говорящего абсолютно точно, но в то же время высказывание остается истинным при отклонении от значения стандарта сравнения в связи с тем, что в большинстве контекстов точность при сравнении прагматически нерелевантна. То же характерно и для финно-угорских языков, ср., например, (52).

(51) *Что за растение с меня ростом?* [Google]

(52) Горномарийский

mān' nār-em āl-āš kel-eš.
я EQU/APPR-POSS.1SG жить-INF быть_нужным-NPST.3SG

‘Поживи с мое (столько же, сколько я)’ (= (7)).

Таким образом, эквативные показатели маркируют точное равенство даже в тех случаях, когда допускают неточную интерпретацию. Однако за счет прагматического механизма, описанного в [Lasersohn 1999], возникает прагматический ореол, включающий близкие к стандарту сравнения значения. Значения, попадающие в этот ореол, также соответствуют условиям истинности и являются эквативными.

Количественные конструкции можно рассматривать в рамках данного подхода как занимающие позицию стандарта сравнения. Эквативный показатель выполняет ту же функцию, что и в обычных эквативных конструкциях, однако в сравнении участвует наблюдаемое множество объектов, и гипотетическое, эталонное (ср. русск. *на праздник пришло с десять человек*: в рамках такого подхода реальное количество пришедших сопоставляется со стандартом сравнения — эталонным множеством — *десять человек*).

Таким образом, случаи употребления одного показателя в эквативных и аппроксимативных контекстах реализуют одну его функцию — эквативную. В эквативных контекстах эталоном для сравнения является какой-либо объект, в аппроксимативных — абстрактное представление о количестве. В пограничных контекстах с окказиональными единицами измерения в роли такого эталона выступают количественные характеристики объекта.

По-видимому, ограничение на употребление некоторых из рассмотренных показателей в контекстах с числительными, но без ЕИ (например, ср. русск. *на праздник пришло примерно сто человек*) связано с чувствительностью таких показателей к типу шкалы. Напомним примеры из удмуртского языка (53a)–(53b). Как было отмечено в разделе 3.2, единицы измерения и абстрактные параметрические единицы (параметры измерения) задают более дробные шкалы, чем просто количественные числительные. Таким образом, *kad'*, по всей видимости, по меньшей мере для части носителей допускает лишь небольшой прагматический ореол в количественных конструкциях. Хантыйский показатель *kem*, напротив, свободно сочетается как с более дробными (54a), так и с менее дробными шкалами (54b). Типы шкал, доступные изучаемым показателям, также могут коррелировать с различиями данных показателей в плане допустимости у них как эквативной, так и аппроксимативной интерпретации в одних и тех же контекстах в разделе 3.1, однако эта гипотеза нуждается в дальнейшем развитии и подкреплении дополнительными данными.

(53) Удмуртский (татышлинский говор) (= (23))

a. *mi das kilometr kad' ortč'-i-m.*
мы десять километр EQU/APPR пройти-PST-1PL

‘Мы прошли примерно десять километров’

{^{OK}то ли 9, то ли 11 / ^{OK}то ли 9,5, то ли 10,5 / ^{OK}то ли 9,8, то ли 11,2}.

b. *˚kūno-je lākt-i-zā s'ū murt kad' / s'ū kad' murt.*
гость-ILL приходить-PST-3PL сто человек EQU/APPR сто EQU/APPR человек

‘В гости пришло примерно сто человек’

{^{OK}то ли 90, то ли 110 / ^{OK}то ли 95, то ли 105 / *то ли 99,8, то ли 100,2}’.

(54) ХАНТЫЙСКИЙ (западные диалекты) (=16))

a. *luw mǎn-əs jaŋ kem kilametra* / *jaŋ kilametra kem.*
 он идти-PST десять EQU/APPR километр десять километр EQU/APPR

‘Он прошел примерно десять километров’.

b. *păsan-ən jaŋ kem xojat əməs-əl.*
 стол-LOC десять EQU/APPR человек сидеть-NPST

‘За столом сидит около десяти человек’.

Тем не менее интерпретация наших данных невозможна также без опоры на подход [Krifka 2007; 2009]. Как было показано выше, для анализа полученных данных важно представление о степени детализации шкалы, введенное в рамках этого подхода. Основная идея заключается в том, что результаты оценки количества могут передаваться на разных уровнях детализации количественной шкалы, которые различаются плотностью точек на этой шкале, соответствующих числовым значениям, то есть при измерении расстояния в километрах точки на шкале могут обозначать сотни километров, либо десятки километров, либо единицы километров, либо более дробные значения.

По всей видимости, многие языковые единицы влияют на параметр детализации в эквативно-аппроксимативных конструкциях. Таким свойством обладают и стандарты сравнения. Например, в (55) размер дома в абсолютных числовых значениях (метры, десятки метров) варьируется существенно больше, чем размер яйца (миллиметры, десятки миллиметров). При этом степень детализации шкалы обусловлена прагматически и пропорциональна размеру самого объекта.

(55) а. *Шел град размером с куриное яйцо.* [Google]

б. *Он хозяин этой планеты, а вся планета величиной с дом.* [Google]

При этом если подход [Lasersohn 1999] верен, то сами по себе изучаемые показатели маркируют точное сравнение. Степень детализации шкалы, в свою очередь, обусловлена свойствами стандарта сравнения, ср. (55), и обсуждение примеров (53)–(54) о скалярном противопоставлении числительных и единиц измерения. В то же время размер задаваемого прагматического ореола зависит и от самого эквативно-аппроксимативного показателя (ср., например, меньшую грамматичность *kad'* по сравнению с *kem* в контекстах с «грубой» шкалой (53)–(54)).

Таким образом, подводя итоги данного раздела, можно отвергнуть также Гипотезу 1. По нашим данным, приблизительные употребления эквативных маркеров представляют собой не результат диахронического развития, а, напротив, регулируются синхронно существующим механизмом, описанным в [Lasersohn 1999]: вокруг конструкций изначально точного сравнения образуется «прагматический ореол» за счет допустимости их неточного использования из прагматических соображений.

4. Заключение

В данной работе на материале нескольких финно-угорских языков (мокшанского, хантыйского, горномарийского, удмуртского) были рассмотрены единицы, способные выполнять как функцию маркера стандарта сравнения в эквативных конструкциях, так и функцию показателя приблизительности в аппроксимативных количественных конструкциях.

Изучена дистрибуция таких показателей, ранее подробно не описанная на материале (по меньшей мере) уральских языков. Проанализированы контексты, типичные для качественных и количественных эквативов. Также выделены в отдельную группу

и проанализированы параметрические контексты, трактуемые в [Haspelmath, Buchholz 1998: 300] как подвид качественных, но с количественным параметром. В выборке авторов были только языки, выражающие это значение либо с помощью качественного, либо с помощью количественного экватива. В нашей выборке мокшанский язык и по крайней мере некоторые хантыйские идиомы маркируют именно этот контекст с помощью специализированного показателя, не совпадающего ни с количественным, ни с качественным эквативом. В связи с этим мы считаем, что параметрический экватив следует трактовать как отдельную сущность.

Мы показали, что конструкции с окказиональными и конвенциональными единицами измерения могут иметь синтаксические различия, однако, несмотря на это, они очень близки и синтаксически, и семантически, и отнесение конструкций к окказиональным ЕИ к эквативным, а к конвенциональным ЕИ — к аппроксимативным (на основании точной vs. приблизительной интерпретации в сочетании с эквативным маркером) весьма условно.

В ходе исследования мы отклонили наши первоначальные гипотезы о том, что эквативное значение первично, а аппроксимативное возникает на его базе с помощью синтаксических и семантических механизмов.

Наблюдаемые закономерности в финно-угорских языках получили объяснение в рамках подходов [Lasersohn 1999] и [Krifka 2007; 2009]. Эти подходы, по-разному интерпретирующие некоторые прагматические механизмы, дополняют друг друга при анализе эквативно-аппроксимативных маркеров. Эквативно-аппроксимативная неоднозначность возникает вследствие полисемии эквативных показателей. Эквативные показатели маркируют точное сравнение, но обладают прагматическим ореолом. Также эквативные показатели могут быть чувствительны к типу шкал: например, параметрические эквативы в аппроксимативной функции, как правило, лучше сочетаются с более детализированными количественными шкалами (т. е. задаваемыми с помощью единиц измерения), тогда как специализированные количественные эквативы, присутствующие в нашей выборке, могут сочетаться как с детализированными (свойственными единицами измерения), так и с более грубыми шкалами (т. е. задаваемыми количественными числительными). В свою очередь параметр детализации шкалы зависит от свойств стандарта сравнения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	ITER — итератив
ABL — аблатив	LNK — соединительный элемент (linker)
ACC — аккузатив	LOC — локатив
ATTR — атрибутивизатор	MULT — мультипликатив
CAUS — каузатив	NEG — отрицание
CMPR — компаратив	NPST — непростое время
CVB — конверб	O — объект
DAT — датив	PASS — пассивный залог
DEF — определенность	PL — множественное число
DES — дезидератив	POSS — посессивный показатель
EMPH — эмфатическая частица	PRET — претерит
EQU/APPR — маркеры, совмещающие эквативную и аппроксимативную функцию	PROL — пролатив
FOC — фокус	PROP — проприетив
GEN — генитив	PRS — настоящее время
ILL — иллатив	PST — прошедшее время
IN — инессив	PST2 — второе прошедшее время
INF — инфинитив	S — субъект
INS — инструменталис	SG — единственное число
IPFV — имперфектив	STEM — наращение основы

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Корпус литературного мокшанского языка — Электронный ресурс: <http://moksha.web-corpora.net/>. Дата обращения: 13.07.2023.

Корпус литературного удмуртского языка — Электронный ресурс: http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search. Дата обращения: 08.07.2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Винклер 2023 — Винклер М.-Э. А. Конструкции с количественными модификаторами. *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Кашкин Е. В. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2023, 210–238. [Winkler M.-E. A. Constructions with numeral modifiers. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Kashkin E. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2023, 210–238.]
- ГСУЯ 1962 — Перевошиков П. Н. (отв. ред.). *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. [Perevoshchikov P. N. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of Modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1962.]
- ГСУЯ 1970 — Алатырев В. И. (ред.). *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртия, 1970. [Alatyrev V. I. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya* [Grammar of Modern Udmurt. Syntax of a simple sentence]. Izhevsk: Udmurtiya, 1970.]
- Кашкин 2018 — Кашкин Е. В. Определенное склонение. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 122–153. [Kashkin E. V. Definite declension. *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 122–153.]
- Кашкин и др. 2018 — Кашкин Е. В., Сидорова М. А., Мордашова Д. Д., Гарейшина А. Р., Учитель И. К. Все *ok*: о семантике одной горномарийской энклитики. *Малые языки в большой лингвистике. Сб. трудов конф. 2017*. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2018, 83–90. [Kashkin E. V., Sidorova M. A., Mordashova D. D., Gareishina A. P., Uchitel' I. K. Everything is *ok*: On the semantics of one Hill Mari enclitic. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Coll. of papers from the conf. 2017*. Semenova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 83–90.]
- Кашкин (ред.) 2023 — Кашкин Е. В. (отв. ред.). *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 2023. [Kashkin E. V. (ed.). *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Moscow: Buki Vedi, 2023.]
- Кошкарева (ред.) 2011 — Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. *Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты)*. Кошкарева Н. Б. (общ. ред.). Екатеринбург: Баско, 2011. [Val'gamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskii slovar' khantyiskogo yazyka (shuryshkarskii i priural'skii dialekty)* [Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkar and Obdorsk dialects)]. Ekaterinburg: Basco, 2011.]
- Николаева 1995 — Николаева И. А. *Обдорский диалект хантыйского языка*. М.; Гамбург: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995. [Nikolaeva I. A. *Obdorskii dialekt khantyiskogo yazyka* [The Obdor dialect of Khanty]. Moscow; Hamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.]
- Падучева 2017 — Падучева Е. В. *Референциальный статус именной группы*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2017. [Paducheva E. V. *Referential'nyi status imennoi gruppy* [Referentiality of a noun phrase]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. As a manuscript. Moscow, 2017.] http://rusgram.ru/Референциальный_статус_именной_группы
- Привизенцева 2018 — Привизенцева М. Ю. Эллипсис существительного. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 311–327. [Privizentseva M. Yu. Nominal ellipsis. *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 311–327.]

- Саваткова 2002 — Саваткова А. А. *Горное наречие марийского языка*. Савария: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. [Savatkova A. A. *Gornoe narechie mariiskogo yazyka* [The Hill variety of Mari]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.]
- Сидорова 2018 — Сидорова М. А. Количественные конструкции. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 328–341. [Sidorova M. A. Constructions with numerals. *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 328–341.]
- Синицына 2023 — Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции. *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Кашкин Е. В. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2023, 648–681. [Sinityna Yu. V. Comparative constructions. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Kashkin E. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2023, 648–681.]
- Синицына и др. (в печати) — Синицына Ю. В., Мордашова Д. Д., Винклер М.-Э. А. Модели полисемии сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка. В печати. [Sinityna Yu. V., Mordashova D. D., Winkler M.-E. A. Models of polysemy of the comparative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt. In print.]
- Толдова, Холодилова (ред.) 2018 — Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 2018. [Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Moksha in a typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2018.]
- Толдова 2018 — Толдова С. Ю. Дифференцированное кодирование прямого дополнения. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 574–607. [Toldova S. Yu. Differential object marking. *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 574–607.]
- Холодилова 2018 — Холодилова М. А. Сравнительные конструкции. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 779–799. [Kholodilova M. A. Comparative constructions. *Elementy mokshanskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 779–799.]
- Цыганкин (ред.) 1980 — Цыганкин Д. В. (ред.). *Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. [Tsygankin D. V. (ed.). *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika. Grafika. Orfografiya. Morfologiya* [Grammar of the Mordvin languages. Phonetics. Writing system. Orphography. Morphology]. Saransk: Mordovia Univ. Press, 1980.]
- Шеманаева 2008 — Шеманаева О. Ю. *Конструкции размера в типологической перспективе*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2008. [Shemanaeva O. Yu. *Konstruktsii razmera v tipologicheskoi perspective* [Constructions of size in a typological perspective]. Candidate diss. abstract. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008.]
- Enç 1991 — Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic Inquiry*, 1991, 22(1): 1–25.
- Gil 1982 — Gil D. *Distributive numerals*. Ph.D. diss. Los Angeles: Univ. of California, 1982.
- Halm, Bende-Farkas 2019 — Halm T., Bende-Farkas A. The birth of an epistemic indefinite: *vaegy* in Transylvanian Hungarian. *Talk at Diachronic Generative Syntax 21 (5–7 June 2019, Arizona State Univ.)*.
- Haspelmath 2017 — Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective: A cross-linguistic perspective. *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017, 9–32.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. van der Auwera J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, 277–334.
- Henkelmann 2006 — Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2006, 59(4): 370–398.
- König 1991 — König E. *The meaning of focus particles. A comparative perspective*. London; New York: Routledge, 1991.
- Krifka 2007 — Krifka M. Approximate interpretation of number words: A case for strategic communication. *Cognitive foundations of interpretation*. Bouma G., Krämer I., Zwarts J. (eds.). Amsterdam: Kloof Booksellers & Scientia Verlag, 2007, 111–126.
- Krifka 2009 — Krifka M. Approximate interpretations of number words: A case for strategic communication. *Theory and evidence in semantics*. Hinrichs E., Nerbonne J. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2009, 109–132.
- Koptjevskaja-Tamm 2009 — Koptjevskaja-Tamm M. «A lot of grammar with a good portion of lexicon»: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions. *Form and function*

- of language research: Papers in honour of Christian Lehmann*. Helmbrecht J., Nishina Y., Shin Y., Skopeteas S., Verhoeven E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 329–347.
- Lasersohn 1999 — Lasersohn P. Pragmatic halos. *Language*, 1999, 75: 522–551.
- Partee, Borschev 2012 — Partee B., Borschev V. *Dva stakana moloka*: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2012, 2: 140–166.
- Plank 2004a — Plank F. How to disclaim precision about numbers. *Talk at Leipzig Numerals Workshop, 29–30 March 2004*.
- Plank 2004b — Plank F. Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative adnumerals, in German and wherever. *Studies in Language*, 2004, 28: 165–201.
- Sauerland, Stateva 2007 — Sauerland U., Stateva P. Scalar vs. epistemic vagueness: Evidence from approximators. *Proceedings of SALT 17*, 2007: 228–245.
- Schourup 1983 — Schourup L. C. *Common discourse particles in English conversation*. Columbus: Ohio State Univ., 1983.
- Sidorova, Sinitsyna 2018 — Sidorova M., Sinitsyna J. Approximative and comparative constructions with postpositional markers in Hill Mari: PP or NP? *Talk at XV Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, 22–24 Nov. 2018*.
- Stassen 2013 — Stassen L. Comparative constructions. *The World Atlas of Language Structures*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/121>.
- Treis 2018 — Treis Y. Comparative constructions: An introduction. *Linguistic Discovery*, 2018, 16(1): i–xxvi.
- Treis, Vanhove 2017 — Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2017.
- Zaroukian 2013 — Zaroukian E. *Quantification and (un)certainty*. Ph.D. diss. Baltimore: Johns Hopkins Univ., 2013.

Получено / received 03.08.2023

Принято / accepted 21.11.2023

Когда обо всем узнаешь последним: эвиденциальность в хваршинском языке

© 2024

Ева Егоровна Полякова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
tabaqui33@gmail.com

Аннотация: Характерной особенностью нахско-дагестанских языков считается наличие эвиденциального противопоставления между некоторыми из форм внутри системы глагольных времен, маркирующих (не)прямой доступ к информации. В хваршинском языке такими формами являются две синтетические формы прошедшего времени. Однако наши данные позволяют предположить, что в основе их противопоставления лежит нечто иное, нежели указание на тип источника информации, которое носит скорее имплицитный характер. В частности, мы делаем вывод о том, что, во-первых, оппозиция этих форм является привативной, а во-вторых, значение маркированной формы удобно описывать как «запоздалое получение информации говорящим», при котором получение информации происходит позднее, чем сама ситуация, о которой идет речь.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, прошедшее время, хваршинский язык, цезские языки, эвиденциальность

Благодарности: Исследование проведено в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»). Автор выражает благодарность носителям хваршинского языка, которые работали с ним: Хизриевой Аминат Ахмедовне, Хизриевой Мадине Ахмедовне, Хизриеву Магомеду Ахмедовичу, Шихсаидову Давуду Шихсаидовичу, Шихсаидовой Заграт Газиевне, Шихсаидовой Сапият Шихсаидовне. Автор также благодарит за помощь при подготовке статьи Ирину Михайловну Горбунову, Александру Сергеевну Евдокимову, Ксению Владиславовну Ерохину и Григория Олеговича Сибилева.

Для цитирования: Полякова Е. Е. Когда обо всем узнаешь последним: эвиденциальность в хваршинском языке. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 77–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.77-95

When you are the last one to know: Evidentiality in Khwarshi

Eva E. Poliakova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; tabaqui33@gmail.com

Abstract: One of the common features of the Nakh-Daghestanian languages is the evidential opposition between some of the past tense verb forms, which mark (in)direct access to the information. Khwarshi has two synthetic past forms that are traditionally considered to form this kind of opposition, but, according to our data, it may in fact not be based on the type of information source. We conclude that, firstly, it is privative, and, secondly, the meaning of the marked form can be described as the “late access” to the information and is used when there is a gap between the time of getting the information about the event and the event itself.

Keywords: evidentiality, Khwarshi, Nakh-Daghestanian, past, Tsezic

Acknowledgements: This research was made as a part of the RSUH project “Field study of the Khwarshi language” (the competition “Student project research teams of RSUH”). I express gratitude to the native speakers of Khwarshi who have worked with me: Aminat Khizrieva, Madina Khizrieva, Magomed Khizriev, Davud Shikhsaidov, Zagrat Shikhsaidova, Sapiyat Shikhsaidova. I am also grateful to Irene Gorbunova, Aleksandra Evdokimova, Ksenia Erokhina, and Grigorij Sibilyov for their assistance in preparing the article.

For citation: Poliakova E. E. When you are the last one to know: Evidentiality in Khwarshi. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 77–95.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.77-95

Введение

«Эвиденциальность» — термин, который имеет два употребления: он описывает, во-первых, определенную семантическую зону, а во-вторых, грамматическую категорию, граммы которой выражают значения из этой зоны. И в том, и вдругом случае речь обычно идет об указании на источник информации (“Evidentiality deals with the source of information for the speaker’s utterance”¹ [de Haan 1999: 2]). Изучению грамматических средств ее выражения в языках посвящено множество работ; из тех, которые дают общее представление о вопросе, стоит упомянуть монографию [Aikhenvald 2004], в которой категории эвиденциальности дается всестороннее освещение, а также сборники статей [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Aikhenvald, Dixon (eds.) 2003; 2014; Храковский (ред.) 2007; Aikhenvald (ed.) 2018], рассматривающие эвиденциальность с типологической точки зрения, в том числе в конкретных языках, языковых семьях и языковых ареалах.

В семантической зоне эвиденциальности выделяют две области, соответствующие прямому и непрямому доступу к информации. Под прямым доступом подразумевается, что говорящий сам был свидетелем ситуации; под непрямым — что говорящий узнал о ситуации из какого-либо косвенного источника. Получение информации с помощью зрения относится к первому типу, второй же предполагает получение ее от других людей (репортатив²) или при помощи логического вывода на основе другой наблюдаемой ситуации (инферентив) или знаний о мире (презуптив) [Храковский 2007: 604]. Получение информации с помощью слуха или других органов чувств (осознания, обоняния и вкуса) может в зависимости от устройства эвиденциальной системы конкретного языка относиться как к прямому, так и к непрямому доступу [Там же: 604–605]. Перечисленные значения по-разному противопоставлены в разных языках: есть системы с двумя, тремя, четырьмя и даже пятью эвиденциальными граммами [Aikhenvald 2004: 23–66].

Для маркирования источника информации могут использоваться специализированные взаимоисключающие показатели, что позволяет постулировать наличие в языке грамматической категории эвиденциальности. Однако эвиденциальность может выражаться совместно с другими категориями, например, вида или времени. В таком случае говорят об эвиденциальных стратегиях [Ibid.: 105]. В одном языке могут сосуществовать разные способы выражения эвиденциальности, в т. ч. грамматические показатели, не образующие однородной категории [Ibid.: 80–87].

¹ «Эвиденциальность имеет отношение к источнику информации, стоящему за высказыванием говорящего» [de Haan 1999: 2].

² Согласно [Aikhenvald 2004: 177–178], внутри зоны репортатива может существовать еще одно противопоставление: особый маркер используется, когда человек — источник информации — эксплицитно указан; для таких случаев А. Ю. Айхенвальд использует термин «квотатив», который не следует путать с квотативом как маркером цитации по определению [Güldemann 2008: 3–15], (см. также раздел 1).

Зачастую трудно провести границу между эвиденциальностью и категориями, выражающими значения из смежных семантических зон, такими как миративность и эпистемическая модальность. Кроме того, в ряде работ обсуждается вопрос о том, действительно ли те или иные показатели, традиционно рассматривающиеся как эвиденциальные, выражают указание на источник информации, или же их значение не вполне соответствует такому определению. Так, Ж. Лазар, предлагая объяснение распространенному во многих языках совмещению у одной формы инферентивного и репортативного значения с миративным (т. е. указанием на неожиданность информации для говорящего), предлагает ввести для описания таких систем категорию медиатива [Lazard 1999: 96]. Постулирование такой категории имеет смысл, в частности, для систем, в которых глагольная форма перфекта (или восходящая к нему) является маркированной, противопоставлена другой (обычно нейтральной, т. е. не несущей никакого дополнительного значения) форме и может использоваться в инферентивных, репортативных и миративных контекстах. По мнению Ж. Лазара, общим для всех этих использований можно считать только наличие отсылки к источнику, стоящему за высказыванием говорящего, не несущей какой-либо информации о природе этого источника («...these marked forms make reference to the evidential underpinning the Statement but provide no Information about the specific nature of the evidence» [Lazard 1999: 98]).

Похожим образом Л. Юхансон вводит на материале тюркских языков категорию индирективности, семантика которой заключается в добавлении к основной выражаемой пропозиции указания на сам факт получения информации об этой пропозиции, при этом тип источника не специфицируется [Johanson 2003]. Л. Юхансон, впрочем, не говорит о том, что такое значение не соответствует семантике эвиденциальности, определяя последнюю как «утверждающую существование источника информации» как такового [Ibid.: 274]. При таком определении эвиденциальности в фокус внимания попадает ситуация получения информации, а то, что дополнительно говорится об этой ситуации (и говорится ли вообще), может варьировать от языка к языку. Ситуация получения информации фигурирует также в описании семантики конкретно-языковых глагольных форм. Например, в главе грамматического описания цахурского языка, посвященной глагольным категориям, предлагается описывать поведение серии форм с неатрибутивным вспомогательным глаголом в терминах «отстранения» говорящего от ситуации, связанного в том числе со степенью вовлеченности говорящего в ситуацию получения информации [Майсак, Татевосов 1999: 231–232].

Говоря о параметрах, характеризующих ситуацию получения информации, мы можем, помимо типа источника, указать расположение этой ситуации на временной оси. Так, эвиденциальные показатели в некоторых языках дифференцированы относительно не типа источника информации, а времени ее получения (evidence acquisition time, EAT). Например, в узбекском языке один инферентивный маркер указывает на то, что сделанный говорящим логический вывод основан на доступных ему последствиях произошедшего события (ситуация предшествует EAT), тогда как второй — на то, что само событие или происходит параллельно наблюдению его признаков, или произойдет позднее (EAT предшествует ситуации или совпадает с моментом ее реализации) [Üzüm 2023]. Ю. Хираяма и Л. Мэтьюсон при обсуждении дистрибуции эвиденциальных операторов в нескольких языках делают вывод о том, что их семантика включает указание на относительное расположение во времени самой ситуации и EAT [Hirayama, Matthewson 2022]. В работах [Коев 2011; 2016] рассматривается употребление болгарских глагольных форм, восходящих к перфекту и, согласно предшествующим анализам, маркирующих непрямой доступ к информации [Izvorski 1997; Sauerland, Schenner 2007]. Т. Коев приводит контрпримеры к такому подходу и предлагает альтернативный анализ, согласно которому эвиденциальный маркер в болгарском вводит дополнительную «точку отсчета» (learning time, LT) и меняет интерпретацию показателей времени с абсолютной на относительную. При этом использование форм с этим маркером допустимо только при

наличии пространственно-временной дистанции между событием, о котором идет речь, и событием получения информации [Коев 2016: 16–18]³. Ключевую роль в аргументации Т. Коева играют контексты «позднего осознания» (*late realization*), которые будут рассмотрены в разделе 5.1.3. Анализ, согласно которому ЕАТ является компонентом значения эвиденциальных показателей, представлен и в других работах, посвященных рассмотрению семантики этих показателей в конкретных языках [Татевосов 2019: 16–17; Maisak, Tatevosov 2007: 400–403; Lee 2011; Smirnova 2013].

Предметом исследования настоящей статьи является выражение эвиденциальности в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (западно-цезская подгруппа < цезская группа < аваро-андо-цезская ветвь < нахско-дагестанская семья). Рассматривая в нем две формы прошедшего времени, которые в предшествующих работах считаются противопоставленными по признаку прямого/непрямого доступа к информации [Khali-lova, Testelefs (in print)], мы приходим к выводу о том, что такое описание не вполне учитывает все особенности их употребления. В настоящей работе предлагается альтернативная трактовка этой оппозиции, при которой центральное место занимает не источник информации как таковой, а момент ее получения говорящим. В частности, делается предположение, что основное значение формы непрямого прошедшего времени — указание на то, что получение информации о событии происходит позднее, чем само событие. Такой подход, насколько нам известно, не применялся раньше для описания аналогичного противопоставления в каких-либо нахско-дагестанских языках.

Большинство примеров, используемых в настоящей статье в качестве иллюстративных, были получены методом элицитации: переводом предложений с русского (при предварительном заданном контексте), оценкой приемлемости (в той или иной ситуации) хваршинских предложений, а также в ответ на просьбу привести пример их употребления; всего было опрошено шесть носителей собственно хваршинского диалекта.

Структура статьи устроена следующим образом: в разделе 1 приводится общая информация об устройстве эвиденциальных систем в нахско-дагестанских языках; в разделе 2 — краткая справка о хваршинском языке; в разделе 3 дается предварительный взгляд на противопоставление двух форм прошедшего времени; в разделе 4 обсуждается привативный характер этого противопоставления; в разделе 5 отдельно рассматриваются употребления формы непрямого прошедшего и предлагается модель ее описания. Заключительный раздел содержит обобщение.

1. Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках: обзор

Дагестан относится к языковым ареалам, входящим в т. н. «пояс эвиденциальности» — протяженную область на территории Евразии⁴, многие языки которой имеют особые грамматические средства для указания на источник информации [Plungian 2010: 19–20]. Большая часть этих языков имеет относительно простые «бинарные» эвиденциальные системы, т. е. противопоставляет всего два типа значений: прямой доступ к информации и непрямой. В некоторых из них форма, указывающая на непрямой доступ, является маркированной, в то время как другая оказывается нейтральной в этом отношении. Такие

³ Приведенное описание в большей степени соответствует статье Т. Коева [Коев 2016]; согласно анализу, проводимому в его более ранней работе [Коев 2011], использование эвиденциального маркера указывает на то, что получение информации о событии происходит не позднее самого события; такой анализ требует специальных оговорок для случаев употребления этого маркера в непротекших временах [Коев 2011: 129–131].

⁴ Эта область представляет собой широкую полосу, которая, захватывая Балканы и Малую Азию, тянется к Дальнему Востоку через Кавказ, Южную Азию и Южную Сибирь.

системы зафиксированы во многих нахско-дагестанских языках, для которых характерно наличие общего способа выражения не прямой эвиденциальности наряду с более специализированными маркерами репортатива или (реже) инферентива и отсутствие особого маркера прямого доступа к информации [Verhees 2022]⁵.

К формальным средствам, используемым в нахско-дагестанских языках для маркирования эвиденциальности, можно отнести:

- временные формы;
- специализированные энклитики и суффиксы;
- специализированные вспомогательные глаголы.

Эвиденциальность в этих языках часто реализуется как одно из значений перфектной серии глагольных форм [Verhees 2020]: развитие инферентивной, а затем и более широкой не прямой эвиденциальности у перфекта является одной из типологически распространенных эвиденциальных стратегий, что связано с его центральной функцией — фокусированием на результате [Aikhenvald 2004: 112–116]. В данном случае речь идет именно об эвиденциальной стратегии, т. к. не прямой доступ к информации не является основным значением этой формы и выводится в качестве импликатуры. Реже встречается ситуация, когда значение не прямой эвиденциальности становится для такой формы основным, что наблюдается, например, в ингушском, чеченском и некоторых даргинских идиомах [Forker 2018: 499–500]. В этих языках существуют две глагольные формы прошедшего времени, одна из которых используется для маркирования не прямого доступа к информации. Разные стратегии используются в группе цезских языков: в восточноцезских противопоставляются аналитический перфект и синтетический претерит, тогда как в западноцезских — две синтетические претеритные формы [Khalilova 2011: 31]. Противопоставление двух форм может иметь разный характер: в одних языках это эквиполентная оппозиция, в которой обе формы являются маркированными; в других не прямой эвиденциальности противопоставлена нейтральная форма (привативная оппозиция) [Forker 2018: 500].

Энклитики и суффиксы обычно используются для маркирования репортатива и/или квотатива и часто являются грамматикализированными глаголами речи [Verhees 2021]. Маркер цитации, или квотатив, указывает на то, что часть текста не принадлежит говорящему, а лишь передается им в качестве чужого высказывания или мысли [Güldemann 2008: 3–15]. Для нахско-дагестанских языков характерно использование прямой цитации, при которой дейктические элементы цитируемого высказывания ориентированы на автора текста, а клаузы финитны [Verhees 2021]. Репортатив же входит в набор базовых эвиденциальных граммем, и его основной функцией является указание на то, что информация получена с чьих-то слов. В нахско-дагестанских языках репортатив может маркироваться так же, как и квотатив, а может выражаться специализированным показателем [Ibid.]. Так, в восточноцезских языках в обоих случаях обычно используется один и тот же маркер, а в западноцезских — два разных, из которых маркер квотатива всегда сопровождает цитату при глаголе речи, а маркер репортатива часто употребляется в нарративных контекстах [Khalilova 2011: 42–44]. Существуют и показатели другого типа: так, в лакском языке клитизованная форма глагола со значением «казаться» используется для выражения инферентивной эвиденциальности [Friedman 2007: 367–368]; в цахурском есть частица *jī*, основное значение которой, согласно [Maisak, Tatevosov 2007: 400–403], сводится к указанию на то, что момент получения информации предшествует моменту речи.

⁵ Подробный обзор эвиденциальности в нахско-дагестанских языках дается в статье [Forker 2018] и диссертации [Ферхеес 2019]; краткий обзор приводится в статьях [Verhees 2020; 2021; 2022] для TALD (Typological Atlas of the Languages of Daghestan). Эвиденциальности в цезских языках посвящена статья [Khalilova 2011]. Кроме того, соответствующий раздел существует в грамматике инхокваринского диалекта хваршинского [Khalilova 2009: 221–241].

В аналитических эвиденциальных конструкциях в качестве вспомогательных используются глаголы со значением «находить» или «становиться». Такие конструкции чаще всего указывают на получение информации с помощью доступных визуальному наблюдению результатов, однако иногда могут маркировать и другие типы непрямой эвиденциальности [Forker 2018].

В хваршинском языке представлены все три перечисленных способа выражения эвиденциальных значений: специальные глагольные формы, клитика *lla*, совмещающая функции квотатива и репортатива (что нетипично для западноцезских языков), и аналитическая конструкция с глаголом *isa* 'находить' (различным употреблением этого глагола посвящена статья [Лютикова 2023]). В настоящей работе мы сосредоточимся только на первом из них, а именно на двух синтетических глагольных формах прошедшего времени.

2. Общая информация о хваршинском языке

Хваршинский язык относится к западноцезским языкам, входящим в цезскую группу аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанской семьи. В нем выделяют два крупных диалекта: инхокваринский и собственно хваршинский, разница между которыми велика в достаточной степени, чтобы считать их разными языками [Тестелец 1998: 82]. Инхокваринскому диалекту посвящена подробная грамматика [Khalilova 2009], а также недавно вышедший словарь [Джидалаев и др. 2022]. Примеры на хваршинском, приводимые в работах, чаще всего принадлежат именно инхокваринскому диалекту. О собственно хваршинском известно гораздо меньше: основной теоретической работой по нему является грамматический очерк [Khalilova, Testelelets (in print)]; кроме того, издано некоторое количество работ, посвященных отдельным явлениям этого диалекта, см. [Тестелец 2019; Лютикова 2020; 2021; 2023] и др.

Носители хваршинского языка, которых в настоящее время насчитывается порядка 2,2 тыс. человек⁶, проживают в Цумадинском, Хасавюртовском и Кизилюртовском районах Дагестана. На собственно хваршинском варианте разговаривают в горных селах Хварши и Хонох, а также в многоязычном селе Муцалаул, куда хваршинцы, живущие летом в горах, спускаются зимой. Язык относится к бесписьменным, однако большинство носителей знают аварский и владеют аварским письмом, которое используют и для записи своего родного языка. Материал для настоящего исследования был собран во время экспедиций в 2023 г. в селах Муцалаул и Хонох.

3. Противопоставление прошедших времен

В хваршинском прошедшее время может маркироваться двумя глагольными формами, ассоциированными с разными источниками информации⁷. В собственно хваршинском диалекте форма, указывающая на получение информации о событии косвенным способом, образуется с помощью суффикса *-na*⁸. Ей противопоставлена форма, образованная с помощью суффикса *-a* и сопровождающаяся морфонологическими изменениями в основе

⁶ Данные переписи населения 2020 г.

⁷ Такое описание приводится в существующих работах как для инхокваринского [Khalilova 2009], так и для собственно хваршинского [Khalilova, Testelelets (in print)] диалектов.

⁸ Аналогичным образом образуется и нарративный конверб, который, однако, выглядит иначе под отрицанием.

(геминацией или инфиксацией <j>); согласно [Khalilova, Testelets (in print)], она «обозначает событие, засвидетельствованное говорящим». Далее мы будем, говоря об этих формах, называть их непрямым и прямым прошедшим соответственно⁹. Аналогичные формы различаются и в инхокваринском диалекте. В грамматике [Khalilova 2009: 221–222] их оппозиция также рассматривается как эквиолентная, т. е. говорится, что форма прямого прошедшего указывает на получение информации в результате непосредственного наблюдения за событием или участия в нем, тогда как форма непрямого прошедшего указывает на получение информации из косвенных источников. В аналитических конструкциях, на сочетание с которыми у них нет ограничений, форму прямого или непрямого прошедшего принимает вспомогательный глагол *eša* ‘быть’. Взаимодействие видо-временной семантики этих конструкций с семантикой форм прошедшего времени композиционно и далее в работе затрагиваться не будет.

Контраст между прямым и непрямым прошедшим в собственно хваршинском осознается носителями: при сопоставлении предложений на хваршинском, включающих эти формы, были получены следующие комментарии относительно того, являлся ли говорящий свидетелем события в каждом из случаев:

- (1) a. *is-i kavat lixe-χ-χa*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.W
‘Он порвал письмо’ («перед твоими глазами порвал»).
- b. *is-i kavat lixe-χ-na*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U
‘Он порвал письмо’ («ты не видишь, что он рвет»; «кто-то тебе об этом рассказал»).

Если контекстом задаются разные источники информации, носители при переводе в качестве первой реакции используют разные глагольные формы:

- (2) Контекст 1: Я видела, как шел дождь.
Контекст 2: Я не видела, но слышала, как капли стучали за окном.

hūlχo qeta liχ-χa
вчера дождь идти_вниз-PST.W
‘Вчера шел дождь’.

- (3) Контекст 1: Кто-то мне рассказал.
Контекст 2: Я проснулся и увидел за окном лужи.

hūlχo qeta liχ-na
вчера дождь идти_вниз-PST.U
‘Вчера шел дождь’.

Употребление первого прошедшего в контексте 2 в (2) показывает, что носители предпочитают использовать эту форму в т. ч. тогда, когда говорящий, не наблюдая за событием своими глазами, является тем не менее его свидетелем, получающим информацию, например, с помощью слуха.

⁹ Нам неизвестны примеры использования этих терминов в русскоязычной литературе (хотя в англоязычной литературе встречаются такие варианты, как (in)direct evidential past, см., например, [Verhees 2020]); тем не менее они кажутся нам достаточно прозрачными и более удобными, чем традиционное «заглазное» прошедшее (у которого нет эквивалента для противопоставленной ему формы) или громоздкое «(не)засвидетельствованное» прошедшее. В то же время при глоссировании мы, вслед за [Khalilova 2009], будем использовать сокращения, соответствующие последнему варианту в английском переводе: PST.W (past witnessed) для прямого и PST.U (past unwitnessed) для непрямого прошедшего.

В вопросительных клаузах наблюдается схожая дистрибуция используемых при переводе форм в зависимости от контекста, которая, однако, сопровождается бóльшей степенью варьирования. Согласно [Forker 2018: 494], в нахско-дагестанских языках (а также, согласно [Khalilova 2009: 240–241], и в инхокваринском диалекте хваршинского) эвиденциальность в вопросах указывает на предполагаемый источник информации слушающего, а не говорящего. Это соответствует данным собственно хваршинского: при описании ситуаций, предполагающих разные источники информации у говорящего, носители используют одни и те же глагольные формы (4). Если слушающий является сознательным участником ситуации, не прямое прошедшее не допускается, что связано, по-видимому, с теми же эффектами «потери контроля» и «апостериорного распознавания», которые происходят в утвердительных контекстах при сочетании непрямого прошедшего с первым лицом (см. раздел 5.2):

- (4) Контекст 1: Я видел, как Шамиль что-то жег, и уточняю у него, что именно.
 Контекст 2: Я захожу во двор и вижу, что на улице летают пепел и обрывки страниц.
 Контекст 3: Мне рассказали, что это он жег книгу, и я хочу уточнить у него.

*m-i hūlχo hibaj-ba-n l-ak'ʷa-χ-χa / *l-ak'ʷa-χ-na*
 2SG-ERG вчера что-PL-ADD NHPL-жечь-CAUS-PST.W NHPL-жечь-CAUS-PST.U
 ‘Что ты вчера жег?’

При описании ситуаций, предполагающих разные источники информации у слушающего, допускается использование обеих форм, однако в случае прямого наблюдения и инферентивного вывода в переводах, данных носителями, встречалось только прямое прошедшее (5a), а в репортативном контексте — обе формы (5b):

- (5) а. Контекст 1: Аминат дома (если Шамиль придет, она его увидит), я звоню ей.
 Контекст 2: Мы с Аминат подходим к дому. У Аминат лучше зрение, поэтому, если на пороге стоит обувь Шамя, она увидит.

Šamil at'iq'q'a / OK at't'a-na idu-kol
 Шамиль приходит-PST.W приходит-PST.U дом-DIR
 [Я спрашиваю у Аминат:] ‘Шамиль пришел домой?’

- б. Контекст: Мы с Аминат подходим к дому Шамя, около него стоит мама Шамя, к которой я посылаю Аминат спросить, пришел ли Шамиль домой. Потом Аминат возвращается, и я спрашиваю у нее, пришел ли Шамиль.

Šamil at't'a-na / at'iq'q'a idu-kol
 Шамиль приходит-PST.U приходит-PST.W дом-DIR
 [Я спрашиваю у Аминат:] ‘Шамиль пришел домой?’

Таким образом, в вопросах также наблюдается корреляция между тем, какая форма используется, и источником информации. Однако распределение этих форм уже не является строгим: обе формы допустимы во всех контекстах, предполагающих различные источники информации у слушающего, при этом, если смотреть только на первую реакцию носителей, прямое прошедшее имеет чуть более широкую дистрибуцию, чем не прямое прошедшее. Также, по всей видимости, противопоставление этих форм в вопросительных контекстах хуже осознается самими носителями, о чем можно судить, например, по отсутствию комментариев, аналогичных приведенным в (1).

Тем не менее и в утвердительных клаузах значение прямого или непрямого доступа не является обязательным: его можно отменить правым контекстом. Так, пример (6a) предполагает, что источником информации являются слова другого человека, при этом возможно употребление формы прямого прошедшего; в примере (6b) допускается использование формы непрямого прошедшего при эксплицитно выраженном наличии

непосредственного наблюдения, см. более подробное обсуждение этого примера в разделе 5.1.3.

- (6) a. *is-i* *kavat* *lixe-x-xa,* *di-qo-l* *žu*
 DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.W 1SG-CONT-LAT DEM.DIST.ABS.SG
il-ža
 сказать-PST.W
 ‘Он порвал бумагу, мне об этом сказали’.
- b. *is-i* *kavat* *lixe-x-na,* *di-l* *žu* *j-ajka*
 DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U 1SG-DAT DEM.DIST.ABS.SG V-видеть-PST.W
 ‘Он порвал бумагу, я это видел’.

Возможность отмены указания на источник информации свидетельствует в пользу того, что такое значение не является для рассматриваемых форм основным, а выводится в качестве контекстной имплицатуры из какого-то другого значения, лежащего в основе их противопоставления.

4. К вопросу о характере рассматриваемой оппозиции

Выше уже говорилось о том, что в грамматике инхокваринского идиома оппозиция двух форм прошедшего времени рассматривается как эквиполентная; так же она описывается и в других цезских языках [Khalilova 2011] (см. также подробнее об оппозиции в цезском [Comrie, Polinsky 2007]). Однако данные собственно хваршинского указывают на то, что в нем эта оппозиция носит скорее привативный характер.

Несмотря на явно существующее в прошедшем времени противопоставление, без эксплицитно заданного источника информации носителями значительно чаще порождается форма прямого прошедшего. Это подтверждается следующими данными: из 68 предложений в прошедшем времени с разными глаголами, полученных в качестве перевода с русского без какого-либо дополнительного контекста, только шесть содержали формы непрямого прошедшего (в качестве материала был взят список из 130 предложений с разными предикатами, собранных в рамках проекта по анализу бивалентных конструкций [Gorbunova, Chernov 2023]¹⁰). Такое распределение говорит о том, что форма прямого прошедшего скорее является нейтральной, т. е. предпочтительной в случаях, когда говорящий ничего не может и не хочет сказать об источнике, стоящем за высказываемой пропозицией.

Вне эвиденциального контекста прямое прошедшее также используется и в случае, если речь идет о состоянии, не поддающемся прямому наблюдению (в т. ч. при описании внутреннего состояния человека или когнитивных процессов). По сравнению с непрямым прошедшим (например, в ответ на просьбу привести для каждого из вариантов пример ситуации, в которой его использование естественно) предложение с формой прямого прошедшего получает интерпретацию, из которой следует, что говорящий догадался о состоянии человека по каким-либо внешним признакам¹¹:

- (7) *žu* *ujl'a*
 DEM.DIST.ABS.SG бояться-PST.W
 [Мы проходили вчера с другом мимо злой собаки] ‘Он боялся’ (это было видно по нему).

¹⁰ Переводы предложений, входящих в этот список, собирались коллегами автора настоящей статьи у тех же носителей, с которым работал автор, что и мотивировало использовать их в нашей аргументации. Автор выражает благодарность И. М. Горбуновой за эту идею.

¹¹ Использование непрямого прошедшего в аналогичных предложениях обсуждается в разделе 5.1.1.

- (8) *Madina ezziġan urvid-da*
 Мадина много думать-PST.W
 ‘Мадина долго думала’ (я видела, что она сидела задумчивая).
- (9) *Rasul Aminat-λ'o buža-ha ejča*
 Расул Аминат-SUP верить-PRS AUX.PST.W
 ‘Расул верил Аминат’ (я поняла это по его поступкам).

Такое использование контрастирует с примерами из цезского, в котором, согласно [Comrie, Polinsky 2007], для описания эмоций или убеждений другого человека используется не прямое прошедшее, тогда как с помощью прямого прошедшего можно описать только собственные эмоции:

- (10) Цезский [Comrie, Polinsky 2007: 338]
- a. *di urɣelyo-λe-r y-egi-s* / **y-egi-n*
 1SG печаль-SUB-LAT II-двигаться-PST.W II-двигаться-PST.U
 ‘Мне стало грустно (букв. «я погрузился в печаль»)’.
- b. *y-egi-n* / *ʔy-egi-s urɣelyo-λe-r c'oɣore-s baru*
 II-двигаться-PST.U II-двигаться-PST.W печаль-SUB-LAT вор-GEN I жена
 ‘Жене вора стало грустно’.

Возможность (и естественность) сочетания прямого прошедшего в собственно хваршинском с предикатами подобного рода говорит о том, что использование этой формы необязательно указывает на наличие прямого доступа к информации, который в примерах (7)–(9) исключен, так как описываемые в них ситуации не поддаются непосредственному наблюдению, а суждение о психоэмоциональном состоянии человека по внешним признакам всегда включает некоторый логический вывод. Это подтверждает ранее сделанное предположение о том, что прямое прошедшее является нейтральной, т. е. немаркированной формой. Интерпретация, которую эта форма часто получает, а именно наличие прямого наблюдения — по всей видимости, контекстная импликатура, возникающая за счет того, что говорящий не употребил форму непрямого прошедшего. Последняя является маркированной и всегда несет дополнительную семантику.

5. Семантика непрямого прошедшего

5.1. Возможные интерпретации

5.1.1. Косвенные источники

Как уже было сказано, не прямое прошедшее обычно используется для указания на тот факт, что говорящий не был свидетелем ситуации. Для того, чтобы говорящий каким-то образом все же получил информацию о событии, необходимо наличие косвенных источников. В качестве такого источника могут выступать другие люди (см. раздел 3, контекст 1 в (3)) или наблюдаемый результат, например, лужи, оставшиеся после дождя (см. раздел 3, контекст 2 в (3)).

В сочетании с предикатами, описывающими внутреннее состояние человека или его когнитивные процессы, форма непрямого прошедшего указывает на то, что об этом состоянии говорящий узнает впоследствии. Обычная интерпретация в таком случае — информация была получена от самого экспериенцера:

- (11) *žu* *uɫ'-na*
DEM.DIST.ABS.SG бояться-PST.U
[Мы проходили вчера с другом мимо злой собаки] 'Он, оказывается, боялся' (никак не проявил, что испугался, но потом об этом рассказал).
- (12) *Madina ezziġan urvida-na*
Мадина много думать-PST.U
'Мадина долго думала' (я об этом не знала, она сама мне рассказала).
- (13) *Rasul Aminat-ġ'o buża-ha eċċa-na*
Расул Аминат-SUP верить-PRS AUX-PST.U
'Расул верил Аминат' (я этого не замечала, но потом кто-то из них об этом мне сказал).

5.1.2. Фольклорный нарратив

Зачастую одна из эвиденциальных форм является маркером фольклорных нарративов — историй, передающихся из поколения в поколение и повествующих о событиях, происходивших (в действительности или нет) давным-давно. Так как свидетелем этих событий говорящий по очевидным причинам быть не мог, для таких контекстов характерно конвенционализованное использование формы, маркирующей один из видов не прямой эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 310–315]. В хваршинском языке не прямое прошедшее используется в разных фольклорных жанрах, таких как сказки, легенды и былины; обычно им маркируются глагольные формы (естественно, за исключением входящих в прямую речь) на протяжении всего повествования [Khalilova, Testeletz (in print)]. Ниже в качестве примера приводится предложение из детской сказки «Мышь и ворона» (сборник «Хваршинский фольклор»):

- (14) *j-as-na* *āq 'w-i* *vade-s* *k'ak'a* *cusa-ħ-na*.
v-брать-CVB мышь-ERG ворона-GEN1 лапа прятаться-CAUS-PST.U
'Мышь взяла воронью лапу и спрятала [ее]'. [Каримова 2014: 488]

5.1.3. Осознание увиденного

В контексте, указывающем на наличие прямого наблюдения, употребление не прямого прошедшего приводит к появлению интерпретаций, как-либо характеризующих ситуацию получения информации. В частности, оно может указывать на то, что в момент, когда событие имело место, говорящий не осознавал, что именно происходит, а понял это только впоследствии. Так, интерпретация, данная в примере (15), подразумевает, что в момент, когда участник описываемой ситуации рвал бумагу, говорящий не понимал, что он делает, несмотря на то что являлся свидетелем события как такового:

- (15) *is-i* *kavat* *liħe-ħ-na*, *di-l* *žu* *j-ajka*
DEM.O.I.SG-ERG бумага рваться-CAUS-PST.U 1SG-DAT DEM.DIST.ABS.SG v-видеть\PST.W
'Он порвал бумагу, я это видел' (не сразу понял, что именно он делал).

Схожие случаи описаны в работах Т. А. Майсак и С. Г. Татевосова как примеры «апостериорного распознавания» — эффекта, возникающего при взаимодействии форм косвенной засвидетельствованности с первым лицом [Майсак, Татевосов 2000: 71–73; Татевосов 2007: 363–366]. Говорящий, принимающий сознательное участие в ситуации, не сразу фиксирует все детали происходящего, информация о которых до него доходит позднее (см. также раздел 5.2). В работе [Aikhenvald 2004: 102, 156–157, 209] этот эффект носит название «отложенной реализации» (deferred realization) и рассматривается как расширение семантики форм, маркирующих не прямую эвиденциальность.

В примере (15) говорящий является не участником, а только свидетелем ситуации, но точно так же с опозданием понимает, что именно он наблюдал. Эффект «позднего осознания» (late realization) вне контекстов первого лица рассматривается в работах [Коев 2011: 125; 2016: 3–7] в качестве контраргумента к традиционному описанию семантики болгарских эвиденциальных глагольных форм (см. введение).

5.1.4. Всплывшее воспоминание

Несколько другая интерпретация представлена в примере (16), когда не прямое прошедшее (при точно так же отменном правым контекстом значений непрямого доступа) указывает на то, что информация о событии является забытым воспоминанием, которое только что всплыло в голове говорящего:

- (16) *hũlχo qeta liχ-χo l-eča-na, di-l*
 вчера дождь идти_вниз-PRS IV-AUX-PST.U 1SG-DAT
žu l-ajka
 DEM.DIST.ABS.SG IV-видеть\PST.W

‘Вчера, оказывается, шел дождь, а я видела’ (сейчас об этом вспомнила).

5.1.5. Получение информации с опозданием

Если информация о событии получена из косвенного источника, из этого обычно естественным образом следует, что говорящий получил эту информацию уже после того, как событие произошло. В некоторых контекстах такое значение десинхронизации между произошедшим в мире изменением и приобретением знания об этом изменении становится основным значением непрямого прошедшего, противопоставляющим его прямому прошедшему. Интерпретацию запоздалого получения информации имеют предикаты, описывающие состояния, которые сложно или невозможно наблюдать со стороны. При сочетании с такими предикатами, как уже было сказано выше (см. раздел 4), вне контекста обычно использование прямого прошедшего. Использование непрямого прошедшего в таких случаях носители интерпретируют как маркер того, что информация была получена после того, как описываемая ситуация имела место в действительности. При такой интерпретации в качестве контекстной имплицатуры часто возникает дополнительное значение «соседствования» момента получения информации и момента речи на временной оси:

- (17) a. *Šamile-l Aminat goqa-ha j-ejča*
 Шамиль-DAT Аминат любить-PRS II-AUX-PST.W

‘Шамиль любил Аминат’ (я знала об этом еще тогда, когда он ее любил).

- b. *Šamile-l Aminat goqa-ha j-eča-na*
 Шамиль-DAT Аминат любить-PRS II-AUX-PST.U

‘Шамиль любил Аминат’ (я услышала от кого-то только сейчас).

5.2. Непрямое прошедшее и первое лицо

В сочетании с первым лицом так же, как и в других случаях без заранее заданного контекста, дефолтно используемой формой является прямое прошедшее, а не прямое прошедшее привносит какое-либо дополнительное значение. Разные типы интерпретаций, возникающих при исполь-

зовании непрямой эвиденциальности в контексте первого лица, подробно обсуждаются в работе [Майсак, Татевосов 2000]. В частности, помимо эффекта бессознательности, о которой обычно говорят при обсуждении подобных контекстов, см., например, [Aikhenvald 2004: 219–231], авторы приводят примеры, в которых наблюдаются эффекты «апостериорного распознавания параметров ситуации» и «апостериорной идентификации ситуации». В первом случае говорящий до конца осознает ситуацию, участником которой он хотя и являлся, однако какие-то ее параметры оставались для него до поры неизвестными; во втором случае говорящий, участвующий в ситуации, не сразу осознает «истинный смысл» происходящего. Все эти эффекты в целом можно описать как проявление принципа потери контроля говорящего над ситуацией (полной или частичной). Аналогичные примеры можно наблюдать и при сочетании формы непрямого прошедшего с первым лицом в хваршинском.

Так, в примерах (18a) и (18b) говорящий, являясь участником ситуации, узнает о том, что именно произошло, только впоследствии:

- (18) a. *de n-iča-na hemu*
 1SG-ERG V-глотать-PST.U косточка
 ‘Оказывается, я проглотила косточку’ (сама об этом не знала).
- b. *m-i di-lo lek'-na*
 2SG-ERG 1SG-GEN2 ударить-PST.U
 ‘Оказывается, ты меня ударила’ (я не знала об этом, а сейчас узнала).

Подобная интерпретация сохраняется и в сочетании непрямого прошедшего с эмотивными предикатами: говорящий не сразу осознает, в каком эмоциональном состоянии он находился в некоторый момент времени, ср. (19).

- (19) a. *da j-uł'-na*
 1SG II-пугаться-PST.U
 ‘Оказывается, я испугалась’ (только сейчас это поняла).
- b. *di-l ma goqa-ha j-eča-na*
 1SG-DAT 2SG любить-PRS II-AUX.PST.U
 ‘Я тебя любил’ (сам не понимал, а оказывается, любил).

В сочетании с предикатами, описывающими мыслительный процесс, такая интерпретация также допустима:

- (20) *da il-i hibana-λ'o ezzišan urvida-na*
 1SG DEM.O.NONL.SG-O вещь-SUP много думать-PST.U
 ‘Я об этом уже, оказывается, задумывалась’ (сама не заметила).

Стоит отметить, что употребление непрямого прошедшего в контексте, включающем участника первого лица, в принципе разрешается не всеми носителями: небольшая их часть допускает в таком случае только использование прямого прошедшего. Допустимость непрямого прошедшего зависит в том числе от того, насколько естественной носителю кажется итоговая интерпретация. Этим, по всей видимости, можно объяснить и появление запретов на использование непрямого прошедшего в контексте второго лица, см. пример (4).

5.3. Десинхронизация

Основным значением, выражаемым оппозицией двух форм прошедшего времени в нахско-дагестанских языках, считается источник информации: получению информации из косвенного источника противопоставлено получение информации с помощью собственных органов чувств. Однако такое значение может быть отменено, что свидетельствует

в пользу его имплицитного характера, ср. (6). Кроме того, не все употребления непрямого прошедшего соответствуют приведенному описанию: человек может быть свидетелем события, но осознать или вспомнить его позднее. Такая интерпретация характерна для сочетаний непрямого прошедшего с первым лицом, см. примеры (18)–(20), однако возможна и в других случаях, ср. (15)–(17). Прямое прошедшее, напротив, необязательно указывает на наличие прямого наблюдения за ситуацией, о чем говорит возможность его сочетания с эмотивными и прочими предикатами, описывающими внутреннее состояние человека, не поддающееся прямому наблюдению, ср. (7)–(9). В таком случае оно говорит о получении информации с помощью логического вывода на основании некоторых косвенных признаков, т. е. о том, что получение информации происходило одновременно с ситуацией. Сочетание того же типа предикатов с непрямым прошедшим свидетельствует о более позднем получении информации (обычно от самого экспериенцера), которому, судя по часто получаемым от носителей комментариям, предшествовал некоторый период неведения о состоянии экспериенцера, см. примеры (11)–(13).

Мы предполагаем, что для описания дистрибуции форм прошедшего времени лучше подходит модель, в которой их противопоставление основано не на источнике информации, а на времени ее получения. Мы уже говорили о том, что использование косвенных источников (в случае, если речь идет о ситуации в прошлом) почти всегда подразумевает, что информация о событии была получена позднее, чем само событие имело место. Соответственно, развести эти два значения довольно сложно. Однако контексты, предполагающие прямое наблюдение, но при этом допускающие употребление непрямого прошедшего, сопровождаемое интерпретацией позднего осознания, см. (15), гораздо больше соответствуют второму. Если же человек вспоминает забытую информацию, можно сказать, что он получает ее заново, при этом доставая не из косвенного источника, а из собственной памяти, см. (16). В случаях, когда прямое наблюдение за ситуацией скорее невозможно, позднее приобретение знания о некотором факте может реализоваться как единственная интерпретация непрямого прошедшего, см. (22). Это значение десинхронизации получения информации о событии и самого события, возможно, и является основным значением этой формы, отличающим его от прямого прошедшего. Такая трактовка, вслед за [Tatevosov 2019; Hirayama, Matthewson 2022; Maisak, Tatevosov 2007; Koev 2011; 2016; Lee 2011; Smirnova 2013; Üzümlü 2023], перемещает акцент при анализе семантики эвиденциальных показателей с источника информации на саму ситуацию получения информации, которая имеет собственное расположение на временной оси. Предлагаемый нами анализ наиболее близок к представленному в работах [Tatevosov 2019] и [Koev 2011], в которых также делается предположение, что основное значение эвиденциальных форм, восходящих к перфекту (в мишарском татарском и болгарском¹² соответственно) — указание на то, что событие приобретения информации об описываемой ситуации происходит позднее самой ситуации. При этом работ, предлагающих аналогичный анализ для эвиденциальных показателей в каких-либо других нахско-дагестанских языках, нам неизвестно.

Реализация противопоставления, основанного на «десинхронизации», также демонстрируется следующими примерами:

- (21) a. *Aminate-l žu lik'e-he I-ejča*
 Аминат-DAT DEM.DIST.ABS.SG знать-PRS IV-AUX.PST.W
 'Аминат знала об этом' (мы узнали об этом вместе).

- b. *Aminate-l žu lik'e-he I-eča-na*
 Аминат-DAT DEM.DIST.ABS.SG знать-PRS IV-AUX-PST.U
 'Оказывается, Аминат знала об этом' (до того, как об этом узнала я).

¹² Как уже говорилось выше, анализ, представленный в последующей работе Т. Коева [Koev 2016], сильно видоизменен по сравнению с версией 2011 г. и уже не ограничивается указанием на «более позднее» получение информации.

В (21) говорящий не может узнать о том, располагает Аминат некоторой информацией или нет, иначе как от нее самой, от кого-то другого или на основе логического вывода. Таким образом, в обоих случаях источник информации является косвенным. Разница между двумя примерами заключается в том, когда именно говорящий ее получает. Судя по комментариям носителей, использование прямого прошедшего более уместно в случае, когда говорящий с самого начала знает о том, что Аминат располагает некоторой информацией, т. к. получил ее вместе с ней в один и тот же момент (21a). С другой стороны, использование непрямого прошедшего уместнее, когда говорящий какое-то время не знает ничего, и только впоследствии узнает то, о чем Аминат знала и раньше (21b). Соответственно, факт наличия этой информации у Аминат также становится известным говорящему позднее.

Еще один пример, показывающий, что на использование непрямого прошедшего влияет не источник, а время получения информации, приводится ниже:

- (22) Контекст: говорящий слушал по радио футбольный матч, узнавая о том, что происходит, от комментатора, сопровождающего пояснениями все происходящее на поле. В тот же момент, когда один из игроков забивал гол, комментатор кричал «гол». На следующий день говорящий рассказывает об этом матче.

a. *hũłχo is-i gol l-ejk'a*
 вчера DEM.O.I.SG-ERG гол IV-ударить\PST.W
 'Вчера он забил гол'.

b. *hũłχo dij-a kamanda b-ik-wa*
 вчера 1SG-GENI команда III-проиграть-PST.W
 'Вчера моя команда проиграла'.

Ни один из носителей не использовал в этом контексте не прямое прошедшее, несмотря на то что в данном случае говорящий не являлся свидетелем ситуации (в том числе нельзя сказать, что говорящий имел к ситуации непосредственный слуховой доступ, так как из звуков самой игры, передаваемых по радио, вряд ли можно извлечь какую-то релевантную информацию о результатах игры). Несмотря на нейтральный характер формы прямого прошедшего, пример (22) является показательным, т. к. при элицитации в контекстах, задающих косвенный источник информации, носители всегда использовали форму непрямого прошедшего, ср. (3). В (22) говорящий узнавал о событии в тот же момент, когда оно происходило, и никакой десинхронизации между реальностью и получением информации о ней, следовательно, не было.

Заключение

Оппозиция двух форм прошедшего времени в хваршинском языке в предшествующих работах [Khalilova 2009; Khalilova, Testeleets (in print)] рассматривается как эвиденциальная: считается, что в ее основе лежит указание на прямой или не прямой доступ к информации. Однако наши данные показывают, что это значение не является обязательным. В частности, сама по себе оппозиция имеет привативный характер: маркированная форма непрямого прошедшего противопоставлена нейтральной форме прямого прошедшего. Использование непрямого прошедшего может, помимо непрямого доступа к информации, указывать на то, что говорящий не сразу осознал или понял все детали увиденного или вообще забыл о произошедшем. В некоторых контекстах (например, с эмотивными глаголами) единственным значением этой формы, отличающим ее от прямого прошедшего, является факт получения информации о событии после его реализации. Таким образом, данная форма указывает на то, что момент приобретения

информации говорящим — тот момент, когда эта информация была получена им и стала частью его актуального знания, т. е. знания о мире в момент речи — наступает позднее, чем ситуация, о которой идет речь.

Интересно было бы проверить предлагаемую нами модель описания, смоделировав в реальном времени условия, при которых косвенному источнику информации соответствует ее «синхронизированное» получение, как это происходит в примере (22). Например, можно попросить одного человека (X) рассказывать другому человеку (Y) о ситуации, которую X в данный момент наблюдает, при том, что Y ни наблюдать, ни как-то иначе воспринимать эту ситуацию напрямую не может. Какие формы прошедшего времени будет использовать Y, рассказывая об этой ситуации кому-то еще? Результаты, полученные при подобном эксперименте, позволили бы более четко развести значения времени получения информации и способа ее получения.

Также встает вопрос о том, насколько широко предлагаемый в настоящей работе анализ применим для эвиденциальных систем хваршинского типа, т. е. бинарных систем, в которых эвиденциальное противопоставление реализуется как часть глагольной парадигмы, а одна из противопоставляемых форм восходит к перфекту (этот же вопрос поднимается С. Г. Татевосовым [2019]). В работах, предлагающих аналогичный анализ, рассматриваются языки с ситемами именно такого типа (мишарский татарский в [Татевосов 2019], болгарский в [Коев 2011]). Можно ли разделить такие системы на «собственно эвиденциальные», в которых противопоставление основано на типе источника информации, и те, в которых это противопоставление основано на «десинхронизации» события и получения информации о нем? Для ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие исследования и, в частности, более пристальное изучение бинарных эвиденциальных систем в различных языках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 — первое лицо
 2 — второе лицо
 I, II, III, IV, V — согласовательные классы
 ABL — аблатив
 ABS — абсолютив
 ACC — аккузатив
 ADD — аддитивная частица
 ANTR — антериорис
 AUX — вспомогательный глагол
 CAUS — каузатив
 COM — комитатив
 CONT — контэссив
 CVB — конверб
 DAT — датив
 DEM — демонстратив
 DIR — директив
 DIST — дистальный дейктик
 ERG — эргатив
 FUT — будущее время
 GEN1 — первый генитив
 GEN2 — второй генитив
 GNT — общее время

HPL — согласовательный класс для множества людей
 IN — инэссив
 INTER — интеррогатив
 LAT — латив
 NARR — нарратив
 NEG — отрицание
 NHPL — согласовательный класс для множества не людей
 NONI — любой согласовательный класс, кроме I
 O — косвенная основа
 PL — множественное число
 PRS — настоящее время
 PST.U — непрямое прошедшее время
 PST.W — прямое прошедшее время
 QT — квотатив
 REP — репортатив
 REPET — репетитив
 SG — единственное число
 SUP — супер (локализация)
 TOP — топик

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Джидалаев и др. 2022 — Джидалаев Н. С., Магомедова З. Д., Халилов М. Ш. *Словарь хваршинского языка*. Махачкала: Алеф, 2022. [Dzhidalaev N. S., Magomedova Z. D., Khalilov M. Sh. *Slovar' khvarshinskogo yazyka* [A dictionary of Khwarshi]. Makhachkala: Alef, 2022.]
- Каримова 2014 — Каримова Р. Ш. *Хваршинский фольклор*. Лейпциг; Махачкала: Алеф, 2014. [Karimova R. Sh. *Khvarshinskii fol'klor* [Khwarshi folklore]. Leipzig; Makhachkala: Alef, 2014.]
- Лютикова 2020 — Лютикова Е. А. Грамматикализация каузативной конструкции в хваршинском языке. *ВАПросы языкознания: мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна*. Кибрик А. А., Семенова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 558–567. [Lyutikova E. A. Grammaticalisation of a causative construction in Khwarshi. *VAProsy jazykoznanija: megasbornik nanostatei. Papers on the occasion of V. A. Plungian's anniversary*. Kibrik A. A., Semenova Ks. P., Sitchinava D. V., Tatevosov S. G., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 558–567.]
- Лютикова 2021 — Лютикова Е. А. Атрибутив как лицензор предикативной структуры в хваршинской именной группе. *Малые языки в большой лингвистике*. Вып. 3. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 92–105. [Lyutikova E. A. Attributivizer as a licensor of predication in Khwarshi noun phrase. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. No. 3. Semenova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 92–105.]
- Лютикова 2023 — Лютикова Е. А. От полипредикации к эвиденциальным и условным конструкциям: хваршинские находки. *Состав науки: Сб. ст. к юбилею Веры Исааковны Подлесской*. М.: Буки Веди, 2023, 108–129. [Lyutikova E. A. From multiple-clause sentences to evidential and conditional constructions: Khwarshi findings. *Sostav nauki: Papers on the occasion of Vera Isaakovna Podlesskaya's anniversary*. Moscow: Buki Vedi, 2023, 108–129.]
- Майсак, Татевосов 1999 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Грамматические категории глагола. Употребление глагольных форм. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Наследие, 1999, 202–292. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Grammatical categories of a verb. Use of verb forms. *Elementy tsakhurskogo v tipologicheskom osveshchenii*. Kibrik A. E., Testeleets Ya. G. (ed.). Moscow: Nasledie, 1999, 202–292.]
- Майсак, Татевосов 2000 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом. *Вопросы языкознания*, 2000, 5: 68–80. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. The “space” of the speaker as expressed in categories of grammar: what is impossible to say of one’s own self. *Voprosy Jazykoznanija*, 2000, 5: 68–80.]
- Татевосов 2007 — Татевосов С. Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 351–397. [Tatevosov S. G. Evidentiality and admirative in Bagvalal. *Evidentsial'nost v yazykakh Evropy i Azii*. Khrakovsky V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 351–397.]
- Татевосов 2019 — Татевосов С. Г. Эвиденциальность и абдукция. *Сб. ст. к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2019, 463–495. [Tatevosov S. G. Evidentiality and abduction. *Papers on the occasion of V. S. Khrakovsky's 85th anniversary*. Moscow: Yazyki slavyanskykh kul'tur, 2019, 463–495.]
- Тестелец 1998 — Тестелец Я. Г. Хваршинский язык. *Языки мира: Кавказские языки*. Алексеев М. Е. (отв. ред.). М.: Academia, 1998, 82–89. [Testeleets Ya. G. The Khwarshi language. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. Alekseev M. E. (ed.). Moscow: Academia, 1998, 82–89.]
- Тестелец 2019 — Тестелец Я. Г. Язык для книги рекордов Гиннеса: пятнадцать (или больше?) рефлексивных местоимений в хваршинском языке. *Rhema. Pema*, 2019, 2: 77–99. [Testeleets Ya. G. A language for Guinness World Records: Fifteen (or more?) reflexive pronouns in Khwarshi. *Rhema. Pema*, 2019, 2: 77–99.]
- Ферхеес 2019 — Ферхеес Я. Х. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Verhees J. H. *Evidentsial'nost' kak chast' vido-vremennoi sistemy glagola v nakhsko-dagestanskikh yazykakh* [Evidentiality as part of tense-aspect in East Caucasian languages]. Candidate diss. Moscow: HSE Univ., 2019.]
- Храковский 2007 — Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 604–632. [Khrakovsky V. S. Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii*. Khrakovsky V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 604–632.]

- Храковский (ред.) 2007 — Храковский В. С. (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007. [Khrakovsky V. S. (ed.). *Evidential 'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe]. *Coll. of papers in memoriam of Natalia Andreevna Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 604–632.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald (ed.) 2018 — Aikhenvald A. Y. (ed.). *The Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2003 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2014 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *The grammar of knowledge: A cross-linguistic typology, explorations in linguistic typology*. Vol. 7. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 — Chafe W. L., Nichols J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Vol. 20. Norwood (NJ): Ablex Publ. Corporation, 1986.
- Comrie, Polinsky 2007 — Comrie B., Polinsky M. Evidentials in Tsez. *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 335–350.
- Forker 2018 — Forker D. Evidentiality in Nakh-Daghestanian Languages. *The Oxford handbook of evidentiality*. Aikhenvald A. Y. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 490–509.
- Friedman 2007 — Friedman V. A. The expression of speaker subjectivity in Lak (Daghestan). *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 351–376.
- Gorbunova, Chernov 2023 — Gorbunova I. M., Chernov Y. A. Bivalent patterns in Khwarshi. *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. Say S. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2023. <https://www.bivaltyp.info>.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2008.
- Hirayama, Matthewson 2022 — Hirayama Y., Matthewson L. Evidential-temporal interactions do not (always) come for free. *Journal of Pragmatics*, 2022, 193: 173–188.
- Izvorski R. — Izvorski R. The present perfect as an epistemic modal. *Proceedings of SALT 7*, 1997: 222–239.
- Johanson 2003 — Johanson L. Evidentiality in Turkic. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003, 273–290.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. M. *A grammar of Khwarshi*. Ph.D. diss. Leiden Univ. Utrecht: LOT, 2009.
- Khalilova 2011 — Khalilova Z. M. Evidentiality in Tsezic languages. *Linguistic Discovery*, 2011, 9(2): 30–48.
- Khalilova, Testelefs (in print) — Khalilova Z. M., Testelefs Y. G. *Khwarshi. The Caucasian languages. An international handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. In print.
- Koev 2011 — Koev T. Evidentiality and temporal distance learning. *Proceedings of SALT 21*, 2011: 115–134.
- Koev 2016 — Koev T. Evidentiality, learning events and spatiotemporal distance: The view from Bulgarian. *Journal of semantics*, 2017, 34(1): 1–41.
- Lazard 1999 — Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology*, 1999, 3(1): 91–110.
- Lee 2011 — Lee J. The Korean evidential *-te*: A modal analysis. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*, 2011, 8: 287–311.
- Maisak, Tatevosov 2007 — Maisak T., Tatevosov S. Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur. *L'énonciation médiatisée II : Le traitement épistémologique de l'information : illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.). Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2007, 377–406.
- Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: An overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 15–58.
- Sauerland, Schenner 2007 — Sauerland U., Schenner M. Embedded evidentials in Bulgarian. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 2007, 11: 525–539.
- Smirnova 2013 — Smirnova A. Evidentiality in Bulgarian: Temporality, epistemic modality, and information source. *Journal of Semantics*, 2013, 30(4): 479–532.
- Üzüm 2023 — Üzüm M. The distinction between synchronous and retrospective inferences in Uzbek. *Archiv orientální*, 2023, 91(1): 89–111.

- Verhees 2020 — Verhees S. Evidentiality as part of the tense system. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2020. <http://lingconlab.ru/dagatlas/>.
- Verhees 2021 — Verhees S. Particles of reported speech and inference. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2021.
- Verhees 2022 — Verhees S. Evidentiality. *Typological atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. Moscow: HSE Univ., 2022.

Получено / received 02.10.2023

Принято / accepted 30.01.2024

Варьирование лабиовелярного аппроксиманта и лабиализованного звонкого велярного фрикатива в науканском языке

© 2024

Елена Михайловна Будянская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; budyanskaya.lena@gmail.com

Дарья Олеговна Жорник

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; daria.zhornik@yandex.ru

Тимофей Валерьевич Корнев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

t.kornev@iling-ran.ru

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению акустических свойств и вариативности сегментов [w] и [ɰ^w] в науканском языке, которые являются аллофонами одной фонемы. Помимо анализа существующей научной литературы о науканском и других родственных ему языках, исследование основывается на анализе современных науканских аудиоматериалов, записанных в ходе экспедиций по документации науканского языка в 2022–2023 гг. Выполнен первичный анализ формантной картины и характеристик шума рассматриваемых сегментов, а также звонких велярных фрикативов [ɰ] и [v] в науканском. На основе анализа продемонстрированы различия между [w] и [ɰ^w], подтверждающие перцептивно наблюдаемую вариативность, а также отличия этих сегментов от близких по акустическим характеристикам [ɰ] и [v]. Анализ акустических характеристик реализаций исследуемой единицы показывает, что основным вариантом рассматриваемой фонемы следует считать [w].

Ключевые слова: акустическая фонетика, аллофония, консонантизм, науканский язык, фонетика, фонетическая типология, фонология, эксперимент, эскимосско-алеутские языки

Благодарности: Авторы выражают глубокую благодарность анонимным рецензентам за многочисленные, детальные и крайне ценные замечания и комментарии, а также Марку Михайловичу Зимину за консультации и помощь в анализе данных. Исследование поддержано грантом РНФ № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка».

Для цитирования: Будянская Е. М., Жорник Д. О., Корнев Т. В. Варьирование лабиовелярного аппроксиманта и лабиализованного звонкого велярного фрикатива в науканском языке. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 96–120.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.96-120

Variation of the labiovelar approximant and the voiced labialized velar fricative in Naukan Yupik

Elena M. Budyanskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

budyanskaya.lena@gmail.com

Daria O. Zhornik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
daria.zhornik@yandex.ru

Timofey V. Kornev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; t.kornev@iling-ran.ru

Abstract: This study reports an analysis of [w] and [ɣ^w] segments in Naukan Yupik that are variants of a single phoneme. The article presents a review of the existing literature on Naukan Yupik and other related languages as well as a primary analysis of modern audio data recorded during field trips on Naukan Yupik documentation in 2022–2023. This analysis deals with such acoustic characteristics as formant structure and frication of the segments [w] and [ɣ^w] as well as voiced velar fricatives [ɣ] and [v]. The results of the analysis confirm differences between [w] and [ɣ^w] that are observed perceptually and distinguish them from [ɣ] and [v]. Our data additionally show that [w] should be considered the main variant of the phoneme in question.

Keywords: acoustic phonetics, allophony, consonants, Eskimo, experiment, Naukan, phonetic typology, phonetics, phonology

Acknowledgements: The authors are deeply grateful to the anonymous reviewers for their numerous and detailed comments and suggestions and also to Mark Zimin for his consultations and help in the analysis of data. This research was supported by the RSF grant No. 23-18-00204 “Dynamics of the linguistic situation in the Far North: diachronic documentation of Naukan Yupik”.

For citation: Budyanskaya E. M., Zhornik D. O., Kornev T. V. Variation of the labiovelar approximant and the voiced labialized velar fricative in Naukan Yupik. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 96–120.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.96-120

Введение

В настоящей работе мы ставим задачу исследовать акустические свойства различных реализаций фонемы науканского языка (< юпикские < эскимосско-алеутские), которая в литературе по науканскому языку описывается либо как лабиовелярный аппроксимант /w/, либо как лабиализованный фрикатив /ɣ^w/¹. Поскольку в литературе по науканскому, как и по другим юпикским языкам, не приводится акустического анализа данной единицы или других лабиализованных фонем, выделяемых исследователями, нашу работу можно считать первой попыткой более детального рассмотрения ее свойств на основе современных аудиоматериалов. В статье проанализированы следующие характеристики реализаций фонемы: формантная картина предыдущего и последующего гласных, указывающая на велярные и лабиальные черты исследуемого согласного; наличие и свойства фрикативного шума. Приводятся предварительные выводы по позиционной аллофонии и межидиолектному варьированию.

Данная единица является одной из наиболее проблематичных при разработке системы транскрипции для науканского языка, и в существующей литературе, написанной на науканском языке или посвященной его изучению, она записывается крайне разнообразно. Анализ, представленный в статье, позволяет определить, что характер данной фонемы наиболее близко отражает символ Международного фонетического алфавита /w/, который мы и будем использовать ниже для обозначения данной фонемы.

Материалы для исследования были собраны авторами в ходе экспедиций 2022–2023 гг. в населенные пункты Чукотского автономного округа, где проживают последние носители

¹ В тексте статьи в косых скобках обозначаются фонемы, в квадратных — звуки, курсивом дается написание в графике источника, а в двойных косых скобках приводится морфонологическое представление.

науканского языка: г. Анадырь, с. Лаврентия, с. Лорино, с. Уэлен. В данной статье представлен анализ небольшого объема данных по фонетике науканского языка, однако с учетом числа и возраста носителей языка, а также их географической разрозненности, это количество материалов представляется достаточно репрезентативным для сегодняшнего состояния науканского языка. Для общего контекста в статье приводится краткий обзор имеющихся данных о лабиализованных велярных и увулярных согласных в юпикских языках.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 приводится базовая информация о науканском языке. В разделе 2 даны сведения из имеющейся литературы о лабиализованных согласных юпикских языков. В разделе 3 представлены общие наблюдения об исследуемой единице в науканском языке, сделанные на основе литературы и письменных источников. В разделе 4 описываются звуковые данные, использующиеся в данном исследовании. В разделе 5 проводится акустический анализ сегментов [w] и [ɥ^w] в современной речи носителей науканского языка. В разделе 6 очерчиваются возможные направления для дальнейших исследований.

1. Вводные сведения о науканском языке

Науканский язык² — язык эскимосов села Наукан, существовавшего до 1958 г. на восточном берегу Берингова пролива, и их потомков. Поселок был закрыт в рамках советской политики укрупнения поселков, и его жители сначала централизованно были перевезены в село Нунамо, а затем, в связи закрытием и этого села, разъехались по другим поселкам. В настоящий момент остается по разным оценкам от 15 до 20 носителей языка в возрасте от 62 до 88 лет³. Они проживают в г. Анадырь, столице Чукотского автономного округа, а также в нескольких селах Чукотского района ЧАО: с. Лаврентия, с. Уэлен и с. Лорино (см. рис. 1, с. 99); один носитель проживает в Амурской области. Некоторые из потомков переселенцев из Наукана, которые уже не владеют активно науканским языком, живут в других регионах России. Несмотря на их разрозненное проживание в настоящее время, подавляющее большинство ныне живущих носителей науканского языка родились и провели по крайней мере часть детства в п. Наукан, поэтому с лингвистической точки зрения это сообщество можно считать достаточно однородным. Контактными языками в разные периоды времени являлись инуитский (< инуитские < эскимосско-алеутские), чукотский (< чукотско-камчатские), чаплинский (< юпикские < эскимосско-алеутские), английский и русский, что в том числе отразилось в заимствованиях, особенно из чукотского [Menovshchikov 1990].

Наиболее ранние описания фонетики эскимосских языков Чукотки, в том числе науканского языка, содержатся в работах [Миллер 1897; Bogoraz 1901; Богораз 1909; 1949]. Более подробное обсуждение науканских данных приведено в грамматике [Меновщиков 1975], где науканская фонетика сравнивается с чаплинской, по которой Г. А. Меновщиков проводил экспериментальные фонетические исследования, и его данные являются наиболее полными из имеющихся по языкам, близкородственным науканскому [Меновщиков 1962]. При этом не существует работ, посвященных подробному описанию акустических характеристик реализаций отдельных фонем науканского языка.

Ниже приведена таблица, отображающая предполагаемый состав согласных фонем в науканском языке. Данная таблица является результатом сопоставительного анализа существующих источников, описывающих фонематический состав науканского языка [Богораз 1909; Меновщиков 1975; Головкин и др. 2004]. Неоднозначные случаи были дополнительно уточнены в ходе полевой работы авторов с носителями науканского языка.

² Другие названия языка в англоязычной литературе: Naukan Yupik, East Cape Siberian Yupik.

³ Данные на ноябрь 2023 г.

Рис. 1. Основные пункты проживания носителей науканского языка
(автор: Ю. Б. Коряков)

В круглых скобках указаны сегменты, фонематический статус которых не до конца определен. Для экономии места мы не выделяем отдельного столбца для лабиовелярного аппроксиманта /w/ и условно помещаем его к фонемам лабиального ряда.

Отдельно отметим, что в [Меновщиков 1975] фонема /y/ относится к разряду «щелевых сонантов», т. е. аппроксимантов, однако акустический анализ на основе современных полевых данных науканского языка показывает более фрикативный характер данной единицы, вследствие чего мы относим ее к разряду велярных фрикативных согласных.

Таблица 1

Предполагаемый состав согласных фонем в науканском языке

	Лабиальные	Дентальные / альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные
Смычные	p	t		k	q
Фрикативные	v			ɣ	ʁ
	(f)	s (ʃ)	(j)	x	χ
Аппроксиманты	w		j		
Сонорные	m	n r l		ŋ	
	(m̥)	(n̥) (l̥)		(ŋ̥)	

В то же время в грамматике чаплинского языка [Меновщиков 1962], написанной на основе варианта, распространенного на Чукотке, отсутствует какое-либо обсуждение лабиализации, и в перечне фонем отсутствуют лабиализованные велярные или увулярные согласные. Однако выделяется фонема /w/, которая встречается в начале и середине слов и описывается как «губной, срединный, круглощелевой сонант» [Там же: 34], что соответствует лабиовелярному аппроксиманту в используемой в данной статье терминологии. Таким образом, лабиализованные фонемы, выделяемые в вышеупомянутых работах, представляются как сочетание велярного или увулярного согласного и аппроксиманта /w/. Кроме того, Г. А. Меновщиков приводит следующие аргументы в пользу выделения /w/ как отдельной фонемы, а не аллофона фонемы /v/: минимальная пара *qavaq* ‘сон’ vs. *qawaq* ‘птица’; разное поведение суффиксов в сочетании с основной на глухой согласный -*vak* ‘большой’ (оглушение первого согласного суффикса) vs. -*waq* ‘подобный’ (озвончение последнего согласного основы); отсутствие чередования /v/ и /w/. Фонему /ʍ/ Г. А. Меновщиков относит к сонантам и отмечает, что /ʍ/ «в интервокальном положении в значительной мере вокализуется и становится губно-губным сонантом [w] или даже гласным заднего ряда [u], как в примере: [jʉʍɪt] / [jʉwɪt] / [jʉɪt] ‘люди’» [Там же: 37]. В [Ladefoged, Maddieson 1996] указывается, что звонкий велярный фрикатив [ɣ] часто в языках больше похож на аппроксимант, чем на фрикатив. Учитывая это, можно ожидать, что кластер [ʍw] по крайней мере в некоторых контекстах может звучать как [w].

Таким образом, наборы фонем двух вариантов чаплинского (материкового и островного) в имеющихся описаниях кардинально отличаются, хотя отмечается, что эти варианты не имеют существенных различий [Krauss 1975: 42–43; Jakobson 1979: 1]. В то же время описания фонологических систем, предлагаемые Ст. Джейкобсоном и М. Крауссом для чаплинского, ближе к системе центрально-алаянского юпикского.

Так, в грамматике центрально-алаянского юпикского [Miyaoka 2012], в которой достаточно подробно обсуждается вопрос выделения отдельных фонем и описывается дистрибуция каждой фонемы, указывается фонема /w/, статус же четырех лабиализованных велярных и увулярных фрикативов /ɣ^w/, /x^w/, /χ^w/, /ʁ^w/ остается неоднозначным (в приведенном инвентаре согласных фонем они даются в скобках). Отмечается, что /χ^w/ и /ʁ^w/ обнаруживаются не во всех диалектах, а в [Reed et al. 1977] говорится, что такие варианты возникают в ограниченном числе морфонологических контекстов. Из этих работ можно сделать вывод, что под обозначениями *y^w* и *w* подразумеваются разные единицы, присутствующие по крайней мере в некоторых диалектах одновременно. Во введении к словарю центрально-алаянского юпикского [Jakobson 2012] приводится инвентарь фонем, в котором отсутствует /w/, а фонемы /ɣ^w/ и /x^w/ описываются как лабиализованные фрикативы. Однако при этом автор сравнивает выражение «звонкого лабиовелярного фрикатива» в начальной позиции с английским [w] и приводит в качестве примера пару слов, которые звучат одинаково: *wii* ‘я’ и *ui* ‘муж’. Описываются и некоторые диалектные различия в выражении исследуемой в статье единицы в центрально-алаяском юпикском, что говорит о вариативности. Так, в разных диалектах в одной позиции /ɣ^w/ может реализовываться как [ɣ^w], [x^w] или [k^w]. В [Jakobson 2012; Miyaoka 2012] также говорится, что [w] может быть вариантом не только /ɣ^w/, но и /v/, реализация которой в некоторых диалектах ослабляется в интервокальной позиции, например: *cali* ‘работа’ + -*vik* ‘место’ = *caliwik* ‘место работы’. При этом в [Reed et al. 1977] указывается, что [w] является только реализацией фонемы /v/ в интервокальной позиции в некоторых диалектах. Во всех описаниях отмечается маргинальность фонемы /ɣ^w/, которая встречается только в основе указательных местоимений, пусть и очень продуктивной.

⁷ Приведем формулировку описания фонемы /ɣ^w/ из [Jakobson 2012: 48]: «Это звонкий фрикатив, который произносится с языком в позиции для [g], но с огубленностью» [в оригинале: «This is a voiced fricative made with the tongue in the position for [g] but with the lips rounded»].

В алютикском языке отмечается диалектная вариативность в отношении исследуемых сегментов. В чугачском варианте в [Leer 1994] выделяются фонемы /ɣ/, /ɣʷ/, /x/ и /xʷ/, фонемы /w/ в инвентаре нет. Однако, кроме характеристики /ɣʷ/ как лабиализованного звонкого велярного фрикativa, об этой фонеме больше ничего не сообщается. В то же время в кониagsком варианте из этого ряда в фонемном инвентаре указаны только /x/ и /w/ [Leer 1990; Counceller, Leer 2012]. При этом отмечается, что краткий /u/ в дифтонгах скорее выражается в лабиализованности предшествующего согласного, которым может быть только /k/ или /x/, таким образом возможное сочетание [xʷ] рассматривается как результат фонетических процессов.

О подобной реализации /u/ говорится и относительно центрально-аляскинского юпикского в [Jacobson 2012: 40]: в одном из диалектов сочетание V + [u] + [ɣ] дает лабиализацию [ɣ]: V + [ɣʷ]. В [Miyaoka 2012] также сообщается о дополнительной лабиализации, которая в таких же контекстах может встречаться и у не велярных согласных, например у глухого апикодентального фрикativa [t]. В [Jacobson 1979: 17–18] аналогичный процесс описывается для чаплинского острова Св. Лаврентия. В [Krauss 1975] высказывается предположение, что изначально лабиовелярные сегменты в юпикских возникают в сочетании ‘велярный сегмент + [u] + другой гласный’. Очевидно, возможны и ситуации, когда дифтонг стоит в позиции перед согласным. Интересно, что для основ указательных местоимений [ɣʷa] / [wa] / [xʷa] и личного местоимения первого лица [ɣʷi] / [wi] / [xʷi] в [Fortescue et al. 1994: 383] восстанавливается протоэскимосская форма *uv-, хотя в [Мудрак 2011: 824] предлагается реконструировать ее как *vi-, *va-.

Таким образом, можно сделать вывод, что в юпикских языках в целом на синхронном уровне присутствуют как вариативность, так и сближение между звуками [w], [ɣʷ] и в ряде контекстов [ɣ], что может быть связано как с синхронными, так и с диахронными фонетическими процессами. Перцептивная близость лабиальных и велярных сегментов отмечается, например, в работе [Mazzaro 2011], где указывается, что фрикативы [f] и [x] ближе друг к другу, чем любые другие фрикативы, в связи с низкой интенсивностью шума у них обоих. В данной работе также приводятся формантные картины аппроксимантных реализаций [β] и [ɣ], которые оказываются крайне близки. Так, в аргентинском испанском, см. [Mazzaro 2008], имел место переход [β] → [ɣ].

Ниже представлена таблица, обобщающая данные о лабиализованных согласных фонемах в юпикских языках.

Таблица 2

Лабиализованные согласные фонемы в юпикских языках по различным описаниям

Науканский [Меновщиков 1975]	w
Чаплинский [Меновщиков 1962]	w
Чаплинский [Krauss 1975; de Reusse 1994; Jacobson 2001; Nagai 2004]	ɣʷ xʷ ɸʷ χʷ kʷ qʷ ŋʷ ɲʷ
ЦАЮ (юконско-кусоквимский юпикский <i>General Central Yup'ik</i>) [Miyaoka 2012]	w ɣʷ xʷ ɸʷ χʷ
ЦАЮ (уналикско-пастуликский юпикский <i>Norton Sound</i>) [Miyaoka 2012]	w ɣʷ xʷ ɸʷ χʷ
ЦАЮ (чевакско-чупикский <i>Hooper Bay-Chevak Cup'ik</i>) [Miyaoka 2012]	w ɣʷ xʷ
ЦАЮ (нунивакско-чупикский <i>Nunivak Cup'ig</i>) [Miyaoka 2012]	w ɣʷ xʷ ɸʷ χʷ
Алютикский (чугачский) [Leer 1994]	ɣʷ xʷ
Алютикский (кониagsкий) [Leer 1990; Counceller, Leer 2012]	w

Кратко отметим, что в языках мира, по данным [Ladefoged, Maddieson 1996], фонемы /ɣ/, /w/, /ɣʷ/ распространены неравномерно: /w/ встречается в 76 % языков, но /ɣ/ и /ɣʷ/ не так частотны. Более актуальные данные ресурса PHOIBLE⁸, приведенные в таблице 3, в целом отражают те же закономерности.

Таблица 3

Количественные данные распределения фонем /w/, /ɣ/, /ɣʷ/ в языках мира по данным ресурса PHOIBLE

Фонемы			Количество языков
/w/	/ɣ/	/ɣʷ/	
+			1406
+	+		209
	+		30
	+	+	7
+	+	+	13
1628	266	20	

Только в 13 языках постулируется наличие пары фонем /w/ и /ɣʷ/, в остальных языках присутствует одна из них, и в подавляющем большинстве это /w/. При этом лабиализованный /ɣʷ/ выделяется только в тех языках, где есть нелабиализованный /ɣ/. Некоторые языки, для которых указывают наличие /w/ без фрикативной пары, имеют звонкие фрикативные реализации этой фонемы. Контраст между этими реализациями, а также контраст между /w/ и /ɣʷ/ в тех языках, где они выделяются, не описан детально.

3. Лабиовелярный аппроксимант и лабиализованный велярный фрикатив в науканском языке

В грамматике науканского языка [Меновщиков 1975] указывается наличие в науканском языке щелевых сонантов /w/ и /ɣ/, что соответствует системе чаплинского языка, описанной в грамматике [Меновщиков 1962]. Среди примеров слов с /w/ (в графике источника) встречаются *wi* ‘я’, *tawani* ‘здесь’, *wanukuta* ‘мы’. В обеих грамматиках единица [ɣʷ] не упоминается ни как отдельная фонема, ни как вариант /w/. Возможность лабиализации велярных согласных в науканском языке также не обсуждается. При этом в примерах, приведенных в [Меновщиков 1975], встречаются и кластеры согласных /w/ и /ɣ/, которые соответствуют исследуемому сегменту в других источниках. Можно отметить вариативность при записи этих кластеров, в том числе в однокоренных словах встречается как *wɔ*, так и *ɔw*. Так, в словаре, данном в конце грамматики, приведены слова в записи *awɔgutaqā* ‘разлучает, отстраняет, освобождает кого-либо от чего-либо’ и *awɔwilt̪ɛɣut̪āq̪a* ‘освобождает место для кого-либо’. Для сравнения, в [Головкин и др. 2004] начальные формы этих слов даны как *aɣity-* и *aɣilt̪ɛɣuty-*.

⁸ Ресурс доступен по ссылке <https://phoible.org>. Поиск данных осуществлялся с помощью инструмента, доступного по ссылке <https://defseg.io/psmith>. Результаты запроса представляют собой список инвентарей, представленных на ресурсе, причем для одного языка может быть представлено несколько инвентарей из разных источников. На основе этих результатов мы подсчитали количество языков по колонке Language. Наши подсчеты не претендуют на точность, но отражают общую картину.

В работе [Вахтин 1988] отмечается наличие фонетического варьирования [w]/[y^w] и используется смешанная система записи, например: в одном фонетическом контексте в одних случаях используется символ *ŷ* (*taŷa* ‘вот’), а в других — *zŷ* (*cazŷa* ‘что?’). При этом в [Головки и др. 2004] эти слова записаны как *taŷa* и *caŷa*.

В наиболее ранних записях науканского языка в работе [Богораз 1909] используется символ *w*⁹, например, в словах *wi* ‘я’, *ſawat* ‘что они’. В словаре [Головки и др. 2004] используются две системы записи: одна является адаптацией орфографии чаплинского языка острова Св. Лаврентия на основе латиницы, другая — модифицированным вариантом кириллической орфографии, которую использовал Г. А. Меновщиков в своих работах. В словаре отмечается наличие звука [y^w], который передается символами *w* в записи латиницей и *ŷ* в кириллической системе. Отмечается, что *ŷ* передает не только [y^w] (см. [Головки и др. 2004: xvi]), но и наличие лабиализованности у других велярных и увулярных согласных. Примеры записи слов в обеих системах орфографии: *ŷŷ* / *wii* ‘я’, *taŷani* / *tawani* ‘здесь’, *ŷaŷkuta* / *wangkuta* ‘мы’, *taŷŷkyn* / *tawhken* ‘тогда’.

Обобщая данные существующих научных источников о науканском, можно сказать, что ни один из исследователей не постулирует наличие в языке двух фонем /y^w/ и /w/ одновременно, однако все авторы отмечают наличие вариативности: между [y] и [w]/[u] [Меновщиков 1975] или между [y^w] и [w] [Вахтин 1988], а в словаре [Головки и др. 2004] упоминается только [y^w] без подробностей о реализациях. Вариативность записи исследуемого сегмента в грамматике [Меновщиков 1975] (*w*, *zw* или *wz*) также говорит в пользу того, что варьирование было замечено автором, пусть и не обсуждено в фонетическом описании.

В письменных практиках носителей науканского языка (и в опубликованной литературе, и в повседневности) также наблюдается вариативность в выборе символов для записи /w/: используются как уже упомянутые в научных описаниях средства (*w*, *ŷ*, *zŷ*), так и некоторые другие варианты.

Так, в книге «Наукан и науканцы» [Леорова 2014] символ *u*, помимо обозначения /u/, используется и для записи /w/, например, в словах *tauni* ‘здесь’, *uaukuta* ‘мы’. В опубликованных сборниках стихов З. Н. Ненлюмкиной [1979; 1985] наблюдается вариативность: в начале слов или после согласного используется сочетание *zu*, а в интервокальной позиции *uz*. К примеру, в *зуи* ‘я’, *к’айзуа* ‘разве’, *тауга* ‘вот’, *таугенак* ‘только’. Похожую систему использовал для записи рукописного тезауруса носитель науканского языка Б. Альпыргин¹⁰, ср. *гуани* ‘сейчас, здесь’. В сборнике стихов [Ненлюмкина 1990] представлена другая система записи, в которой во всех случаях используется символ *ŷ*¹¹. Находясь, например, слова *taŷa* ‘вот’, *taŷenaŷ* ‘только’, *kaiŷa* ‘разве’, *ŷи* ‘я’. В книге [Энмынкау 2016] исследуемая единица отображается как *ŷ*, *ŷg* или *zŷ* без четко прослеживаемой закономерности¹². В статье [Теиын 1981] в большинстве случаев используется буква *w*, ср. *wii* ‘я’, *tawani* ‘здесь’, *wan* ‘кута’ ‘мы’.

4. Материалы исследования

Для целей данного исследования был отобран материал, записанный с шестью носителями науканского языка, что составляет около трети всех носителей науканского языка.

⁹ Звук, который обозначается данным символом, кратко характеризуется как «полугласный» [Богораз 1909: 9].

¹⁰ Мы благодарим автора за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью тезауруса.

¹¹ Есть единичные случаи отклонения, которые требуют дополнительного анализа.

¹² На данном этапе можно отметить, что в начале слова используется сочетание *zŷ*. Хотя примечательна вариативность написания местоимения ‘я’: *zŷи* / *ŷи*.

Выборка не сбалансирована по параметру пола, поскольку подавляющее большинство науканского языкового сообщества составляют женщины. Ниже приведены основные сведения об этих носителях.

Таблица 4

**Общая информация о дикторах, участвовавших в записи материалов,
которые используются в исследовании**

Код	Пол	Год рождения	Место рождения	Место проживания
Д1	мужской	1943	п. Наукан	с. Лаврентия
Д2	женский	1942	п. Наукан	с. Лаврентия
Д3	женский	1949	п. Наукан	с. Лаврентия
Д4	женский	1948	п. Наукан	с. Уэлен
Д5	женский	1949	п. Наукан	с. Лорино
Д6	женский	1952	п. Наукан	г. Анадырь

Материал, используемый для анализа в данной работе, был отобран из записей тезауруса, основанного на списке базовой лексики по данным словаря [Головки и др. 2004], записанного в рамках проекта по документации науканского языка, с троекратным произнесением слов, из которых были выбраны слова с интересующими нас сегментами. Кроме того, на основе отобранных слов, а также лексики из описаний и записанных нами текстов, были составлены отдельные анкеты со словами, содержащими /w/, а также фрикативы /ɣ/ и /v/, для работы с теми дикторами, которые не участвовали в записи тезауруса. Записи анкет также представляют собой троекратное произнесение изолированных слов науканского языка. Всего в рамках исследования проанализировано 120 лексем (из них 14 чукотских заимствований, 4 — английских, 1 — русское и 1 — чаплинское) и 729 произнесений¹³.

В Таблице 5 приведено распределение записанного материала по разным носителям. Неравномерность количества произнесений связана с разным количеством и продолжительностью сессий записи с носителями и отличием источников для анализа (материалы тезауруса, анкеты с целевой фонемой, отдельные списки слов).

Таблица 5

Общие количественные данные о материале

Код	Лексемы / произнесения с /w/	Лексемы / произнесения с другими лабиализованными ([xʷ], [kʷ], [ŋʷ], [qʷ])	Лексемы / произнесения с /ɣ/	Лексемы / произнесения с /v/	Всего лексем / произнесений
Д1	8 / 33	0 / 0	3 / 7	6 / 18	17 / 58
Д2	32 / 118	4 / 15	29 / 90	43 / 156	108 / 379
Д3	14 / 30	6 / 8	2 / 6	8 / 14	30 / 58
Д4	1 / 2	1 / 3	4 / 10	2 / 7	8 / 22
Д5	3 / 9	1 / 3	14 / 50	11 / 38	29 / 100
Д6	17 / 62	2 / 8	4 / 12	10 / 30	33 / 112
Всего	37 / 254	7 / 37	32 / 175	49 / 263	120 / 729

¹³ В число проанализированных произнесений входят все качественные произнесения из троекратных повторений, поскольку иногда в них присутствует вариативность. Кроме того, произнесения одной лексемы включают и разные словоформы ее парадигмы.

Запись аудиоматериалов велась в формате моно с настройками 48000 Гц и 24 бит на рекордеры модели Tascam DR-100 MKIII с микрофонами AKG C1000S. Спектральный анализ акустических характеристик интересующих нас сегментов проводился в программе Praat [Boersma, Weenink 2023].

5. Описание акустических характеристик реализаций фонемы /w/ в науканском языке

Для описания акустических свойств реализаций фонемы /w/ (в том числе в сравнении с характеристиками близких звуков науканского языка для проявления контрастов) представляется релевантным следующий набор характеристик, который будет рассмотрен ниже:

1. Формантная структура сегментов;
2. Формантная картина краевых участков соседних гласных;
3. Наличие и распределение фрикативного шума по спектру;
4. Интенсивность фрикативного шума.

Исследуемая единица может встречаться в начальной позиции перед гласным (/wi/ ‘я’) и в срединной интервокальной позиции (/tawani/ ‘здесь’). В некоторых заимствованиях из чукотского (информация о заимствованиях приведена в [Головкин и др. 2004]) /w/ может оказаться в контексте, нетипичном для остальных слов науканского языка, например, в конечной позиции (/attaw/ ‘давай’ < чук. /a’taw/ ‘напрасно, зря, на всякий случай, ну’) или в сочетании с согласными (/qinwat/ ‘наконец’ < чук. /qənwer/ ‘наконец, когда-нибудь, постепенно’; /je:jwe:li/ ‘сирота’ < чук. /jejwe/ ‘сирота’¹⁴). Нетипичным для науканского является сочетание /w/ с /u/, что может объясняться упоминавшейся в разделе 2 предполагаемой диахронической связью между ними. Такое сочетание встречается, например, в чукотских заимствованиях /e:wun/ ‘тогда’ (< чук. /ewən/ ‘но, уже, всегда, тогда’), /juwa:ju/ ‘тагара’ (< чук. /jokwaʝo/ ‘тагара’), однако есть, например, частица ‘ведь’, которую относят к исконно науканским и которая вариативно записывается как /isuʝa/ или /isuwa/ [Меновщиков 1975]. Отметим, что некоторые чукотские слова с /w/ могут также заимствоваться в науканский с /ʝ/: /iʝurʝiq/ ‘баклан’ (< чук. /iurwin/ ‘баклан’), /aʝunʝala/ ‘хозяин’ (< чук. /awənraʝəp/ ‘хозяин’). В наших материалах есть также два заимствования из английского языка, в которых /w/ находится в интервокальной позиции между гласными /a/ (/tawɑ:qi/ ‘табак’, /ipʝɑ:waq/ ‘мука’).

Реализации исследуемой фонемы могут носить более аппроксимантный характер, что мы обозначаем как [w], или более фрикативный, что мы обозначаем, соответственно, как [ʝ^w]. Данная вариативность отражена в литературе по науканскому и другим юпикским языкам, а также отмечается перцептивно на нашем материале. На графиках ниже (рис. 3 и 4) конкретные реализации указаны по итогам независимого прослушивания тремя экспертами (авторами статьи) на основе перцепции, при этом процент согласия между тремя экспертами составил 80 % (202 случая из 251). В двух случаях наблюдалось несогласие между всеми тремя экспертами, когда реализация одному из экспертов казалась ближе к [β]. Эти произнесения были исключены из анализа. Графики показывают количественное распределение произнесений с [w] и [ʝ^w] (реализаций /w/) по различным контекстам и у разных дикторов в нашем материале. Мы указали фонемные контексты произнесения, однако стоит отметить, что в некоторых сочетаниях в науканском языке кластеры согласных разбиваются эпентетическим гласным, например, в контексте “n_a”. Отметим, что самым частым в выборке является контекст перед [a] или между двумя гласными [a]. При этом среди 251 произнесения 37 лексем мы отметили [w] 211 раз, [ʝ^w] — 38 раз в различных

¹⁴ Контекст после /j/ встречается только в одной науканской основе: /qa:ʝwa/ ‘разве, неужели’.

контекстах. Неравномерное распределение произнесений по дикторам и контекстам, к сожалению, не позволяет говорить о наличии или отсутствии каких-либо закономерностей на данном этапе.

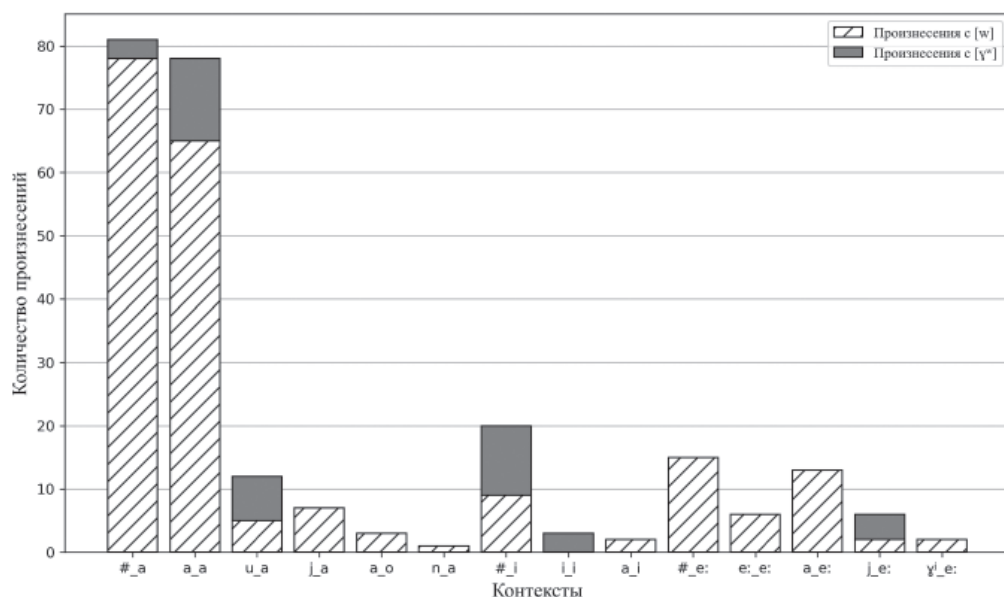

Рис. 3. Контексты, в которых встречается фонема /w/, и ее реализации в исследуемом материале

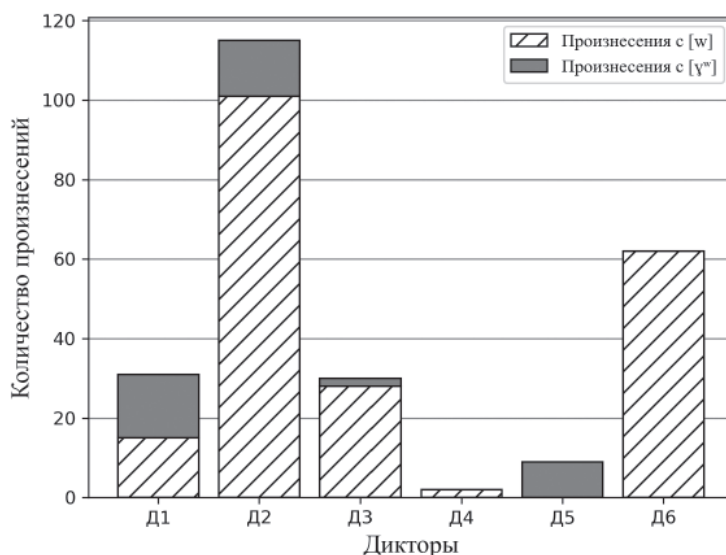

Рис. 4. Распределение реализаций фонемы /w/ по дикторам

Перейдем к рассмотрению формантных картин [w] и [y^w], а также сравним их с близкими по природе звонкими фрикативами [ɣ] и [v]: у всех реализаций этих единиц в той или иной степени выражены форманты. В качестве иллюстрации приведем спектрограммы произнесений с сегментами /w/ (см. рис. 5–7) и /y/ (см. рис. 8) в близких контекстах.

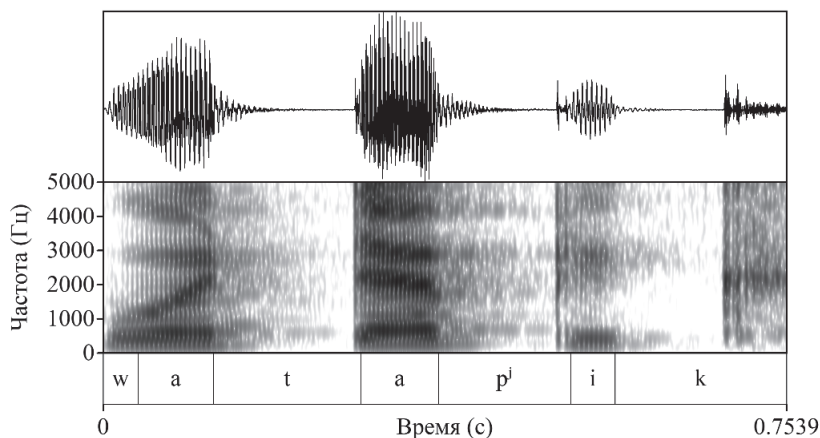

Рис. 5. Спектрограмма и осциллограмма слова /watarik/ ‘обязательно’ (Д3)¹⁵

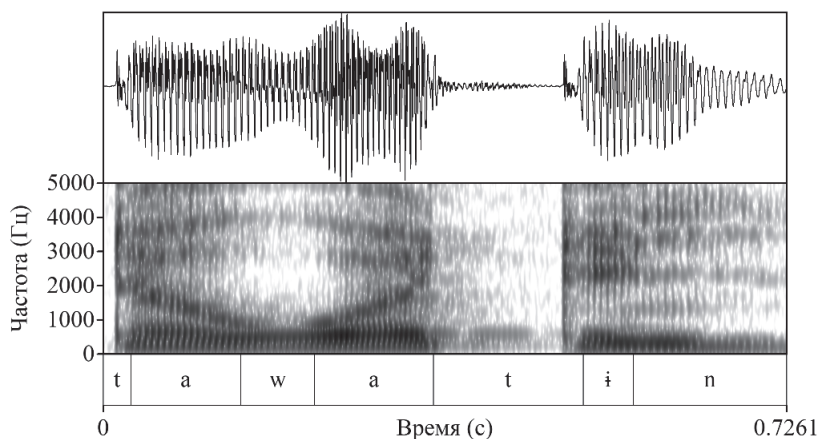

Рис. 6. Спектрограмма и осциллограмма слова /tawatin/ ‘так’ (Д2)

¹⁵ В названии рисунков мы приводим слова в фонематической записи, в разметке указываем звуки. В скобках указан диктор.

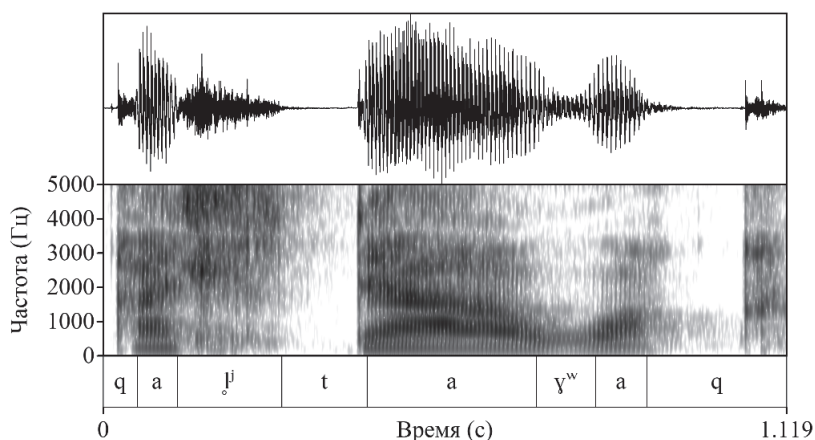

Рис. 7. Спектрограмма и осциллограмма слова /qaɭtawaq/ 'ведро для воды' (Д2)

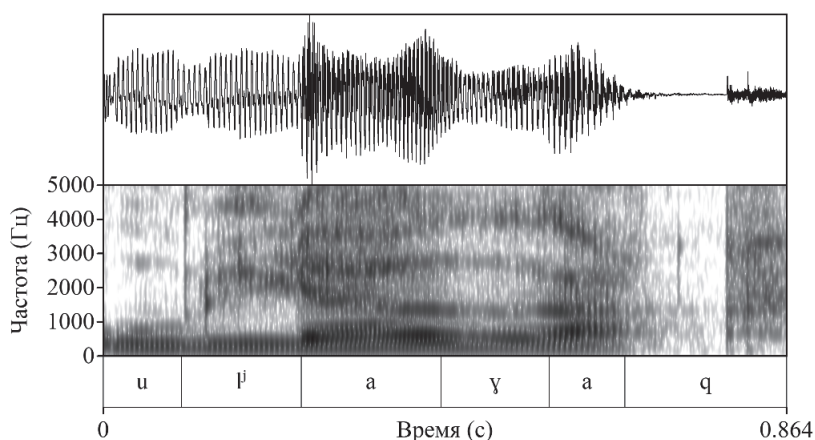

Рис. 8. Спектрограмма и осциллограмма слова /ulaɣaq/ 'песец' (Д2)

Наиболее яркие различия в значении формант наблюдаются для F2 между [ɣ] и [w]/[ɣʷ]: для последних характерна более низкая F2 (см. табл. 6). Стоит отметить, что понижение F2 самого сегмента связывают с лабиализованностью, см., например, [Vaissière 2009]. Можно заметить, что по сравнению с реализациями [ɣʷ] частоты F2 науканского сегмента [ɣ] действительно несколько ниже.

В некоторых диалектах юпикских языков отмечается алломорфическое варьирование, при котором реализации /w/ и другого звонкого фрикатива, /v/, акустически сближаются. Однако, как кажется, в науканском этого не происходит. Дистрибутивно в науканском эти единицы значительно различаются — /v/ никогда не встречается в начальной позиции, при этом может употребляться в окружении некоторых согласных. Что касается формантных характеристик [v], он обладает более высокой F2, чем [w], см. таблицу 6, где приведены медианные значения формант и диапазоны колебаний значений формант большинства произнесений исследуемых сегментов, последние для наглядности представлены в виде графика на рисунке 9.

Таблица 6

Медианные значения и частотные диапазоны формант¹⁶

	F1 (Гц)	Частотный диапазон F1 (Гц)	F2 (Гц)	Частотный диапазон F2 (Гц)	F3 (Гц)	Частотный диапазон F3 (Гц)
[w]	363	220–540	1000	565–1500	2819	2200–3590
[y ^w]	346	210–534	981	730–1360	2582	2136–2900
[y]	354	190–700	1446	770–2500	2766	2300–3570
[v]	309	160–450	1367	690–2060	2719	2300–3200

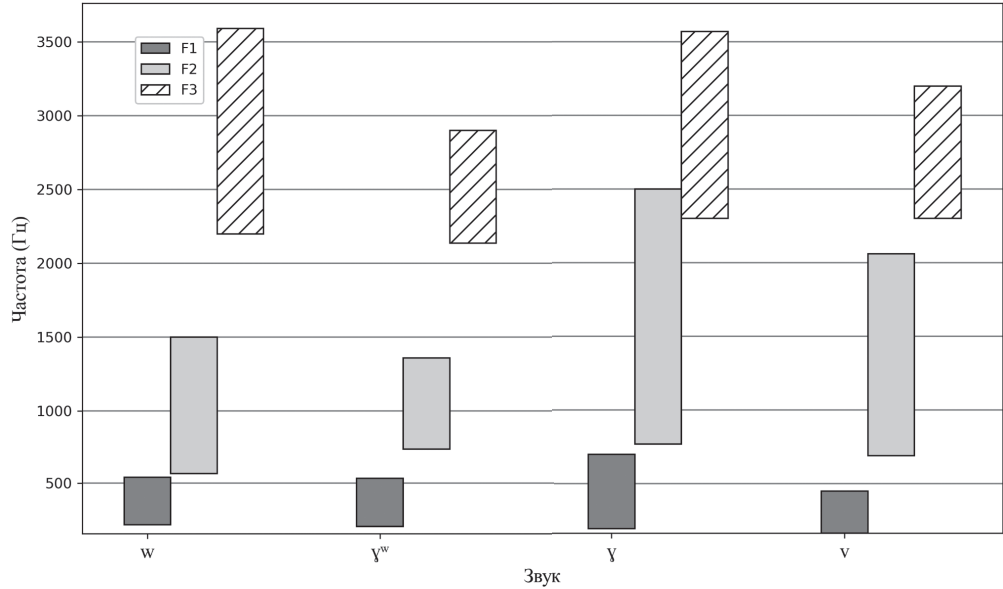

Рис. 9. Частотные диапазоны формант

Для проверки статистической значимости различий в формантной картине между сегментами был проведен статистический анализ с применением теста ANOVA и были получены р-значения для каждой форманты в каждой паре сегментов (см. табл. 7).

¹⁶ Для сравнения приведем частотные диапазоны формант большинства произнесений [w] в английском языке: F1 250–450 Гц, F2 600–850 Гц и F3 2000–2400 Гц. Первая форманта науканских [w] укладывается в указанные интервалы, интервалы второй форманты совпадают лишь в нижней части, а третья — в среднем обладает более высоким значением. Информацию об английском лабиовелярном аппроксиманте можно найти по ссылке https://corpus.eduhk.hk/english_pronunciation/index.php/3-2-acoustic-aspects-of-consonants/.

Таблица 7

Р-значения для каждой форманты в каждой паре сегментов¹⁷

Сегмент 1	Сегмент 2	F1	F2	F3
[w]	[y ^w]	> 0,05	> 0,05	< 0,01
[w]	[y]	> 0,05	< 0,01	> 0,05
[y ^w]	[y]	> 0,05	< 0,01	< 0,01 *
[w]	[v]	< 0,01	< 0,01	< 0,01
[y ^w]	[v]	> 0,05	< 0,01	0,01 *

Данный анализ показал, что пониженное значение F2 у всех реализаций /w/ по сравнению с [v] и [y] статистически значимо. При этом реализации /w/ имеют статистически значимые отличия друг от друга только по F3, хотя разница между медианными значениями F3 у них невелика. Кроме того, пониженные значения F3 у [y^w] по сравнению с [y] оказываются статистически значимыми, хотя [w] по данному параметру не отличается от [y]. А [w] в свою очередь отличается более низкими значениями F1 от [v], в то время как различия в значениях F1 между [y] и [v] не являются статистически значимыми.

Рассмотрим, как ведут себя форманты на краевых участках соседних с /w/ гласных в указанных контекстах. Для примера приведем данные из [Ladefoged, Johnson 2011], где выделяются следующие черты английского аппроксиманта [w] в начальной позиции: в начале сегмента значения всех трех формант понижены, F2 демонстрирует наиболее резкий подъем. Такое изменение значения F2 связывают как с лабиализованностью, так и с велярностью этого звука. Понижение F2 краевых фрагментов соседних сегментов, если у них есть формантная картина, характеризует лабиализованные велярные фрикативы атабаскского языка Аляски дег-хитан [Hargus 2012]. Похожую картину мы наблюдаем и в большинстве реализаций /w/ в науканском языке. На спектрограммах (рис. 5 и 6) видно изменение второй форманты соседних гласных, примеры приведены для двух самых частотных контекстов.

Подчеркнем отдельно, что эффект лабиализованности [w] распространяется и на предшествующий гласный, если он есть, как видно на рисунке 6. Таким образом, можно говорить об одновременной лабиовелярной артикуляции. Хотя в идиолекте Д1 встречаются реализации, в которых эффект лабиализованности отражается только на сегменте в правом контексте, и в ряде случаев они близки к кластеру [y^w]. В некоторых случаях в науканском языке лабиализация встречается как позиционная дополнительная артикуляция велярных [x^w], [k^w], [ŋ^w] и увулярного [q^w] и отражается в понижении F2 только последующего гласного, при этом в целом формантная картина звука не меняется (см. рис. 10 и 11, где приведены примеры, близкие по контексту). Кроме ряда лексических примеров такая дополнительная лабиализация происходит регулярно в морфонологическом контексте: сочетание показателей прошедшего времени //ma// и изъявительного наклонения //u// с показателями субъекта единственного числа 3 лица //q// или 1 лица //ŋa// приводит к лабиализации согласных личных показателей: //ma-u-q// > [ma:q^w], //ma-u-ŋa// > [maŋ^wa].

¹⁷ Здесь и далее в таблице 9 значения, отмеченные звездочкой (*), выше порога статистической значимости с учетом поправки Бонферрони.

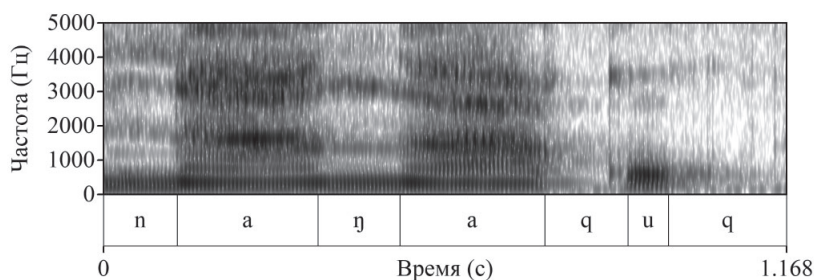

Рис. 10. Спектрограмма слова /paɣaɣiq/ 'он обходит' (D2)

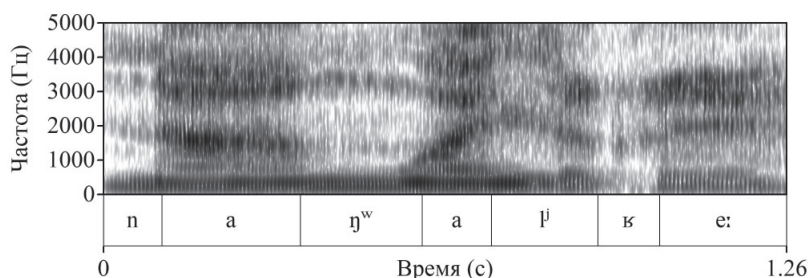

Рис. 11. Спектрограмма слова /paɣʷalke:/ 'растение' (D2)

В данной работе мы ограничились первичными наблюдениями относительно эффекта лабиализации на краевых участках соседних гласных, при этом форманты соседних гласных и изменения формант на краевых участках не измерялись, что является задачей для будущих исследований.

Если по формантной картине $[w]$ и $[\gamma^w]$ достаточно близки, то при сравнении этих сегментов по наличию и характеру фрикативного шума отличия становятся более явными. Отличительной чертой $[\gamma^w]$ является низкая интенсивность шума при наличии увеличения амплитуды в районе 8000 Гц. Для $[w]$ характерно практически полное отсутствие шума, при этом основная энергия периодических колебаний сосредоточена на частотах до 2000 Гц (см. табл. 8 ниже). Приведем в качестве иллюстрации спектральные срезы трех сегментов из примеров выше (рис. 12–14).

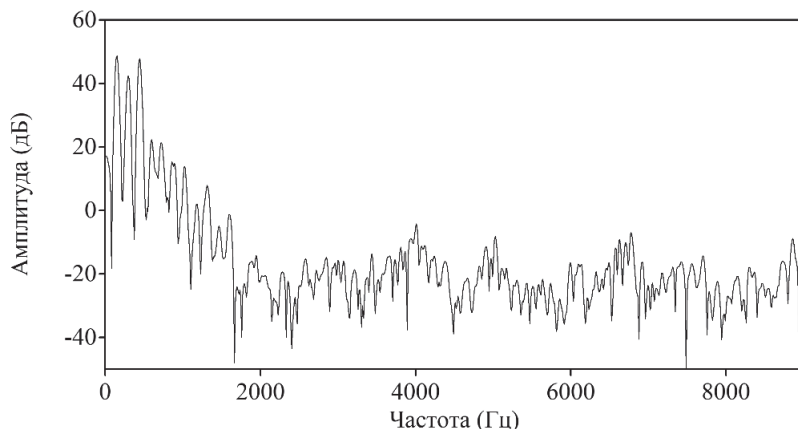

Рис. 12. Спектральный срез $[w]$ из слова /tawatiŋ/ 'так', приведенного на рис. 6 (D2)

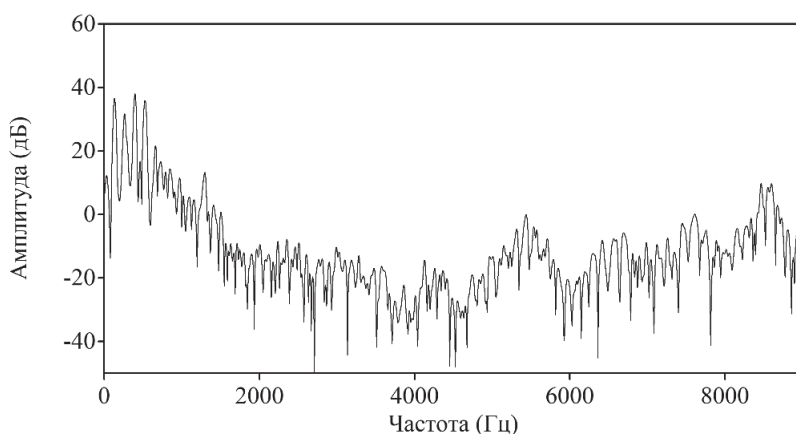

Рис. 13. Спектральный срез [ʏʷ] из слова /qaɭtawaq/ ‘ведро для воды’, приведенного на рис. 7 (Д2)

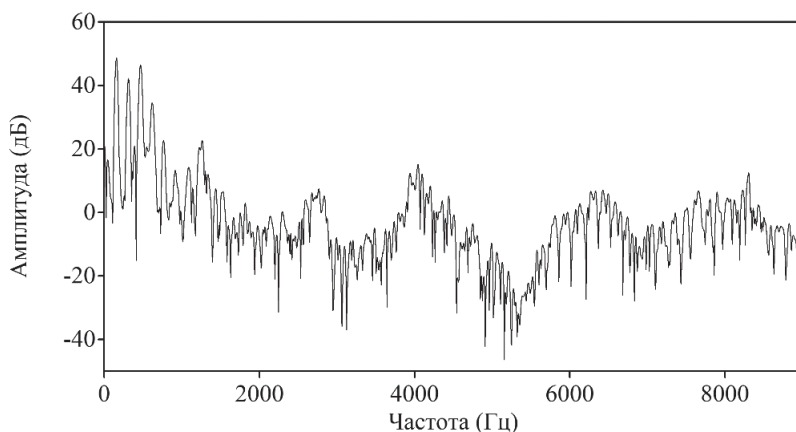

Рис. 14. Спектральный срез [ʏ] из слова /ulaʏaq/ ‘песец’, приведенного на рис. 8 (Д2)

Однако эти отличия могут сглаживаться в контекстах с [u]. Приведем несколько иллюстративных примеров (рис. 15 и 16) с [ʏ] в начальной позиции перед [u] и в интервокальной позиции между двумя [u].

Сравнить [ʏ] перед или между [u] с [w] в том же контексте не представляется возможным, поскольку, как мы указывали выше, такие контексты в науканском маргинальны. Тем не менее, мы решили провести эксперимент и записать дополнительно к основным данным произнесения науканских звуков в формате произнесений IPA, то есть, в случае согласных, сочетаний со структурой CV—VCV. На рисунке 17 ниже представлена спектрограмма и осциллограмма произнесений сочетаний [wu] и [uwu], которые диктор признала неестественными для науканского языка. При этом произнесение [wu], по ее словам, не вызвало особых затруднений (вероятно, поскольку это сочетание присутствует в науканском языке в нескольких чукотских заимствованиях), а сочетание [uwu] было крайне затруднительно произнести, поскольку такой контекст в науканском языке не представлен.

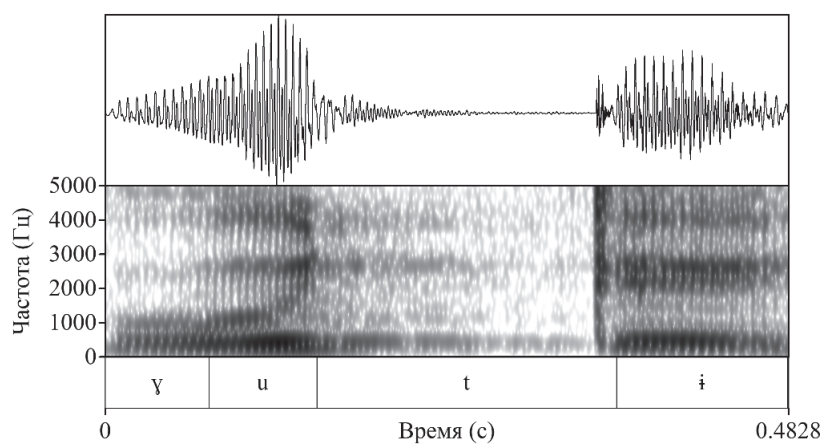

Рис. 15. Спектрограмма и осциллограмма слова /yuti/ 'зуб' (Д5)

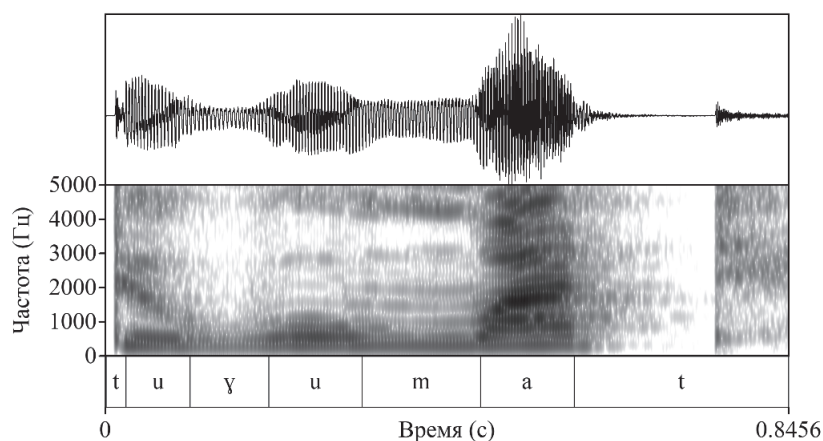

Рис. 16. Спектрограмма и осциллограмма слова /tuymat/ 'они взяли это' (Д3)

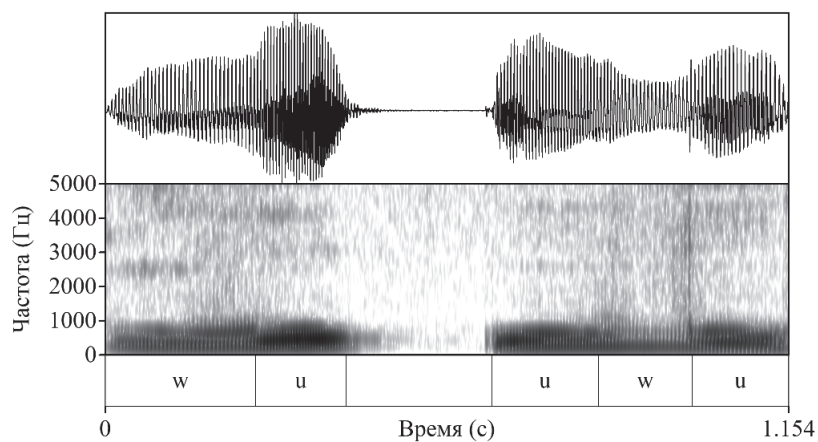

Рис. 17. Спектрограмма и осциллограмма произнесений сочетаний [wu] и [uwu] (Д2)

В таких контекстах помимо формантной картины [ʏ] сближает с науканским лабиовелярным аппроксимантом и низкий уровень фрикативного шума, что соответствует описанию данной фонемы в [Меновщиков 1975], о чем упоминалось выше и видно на рисунке 17.

Для оценки наличия и характера фрикативного шума исследуемых сегментов мы применили две метрики: centre of gravity (CoG, центр тяжести) и zero crossing rate (ZCR, частота переходов через ноль). Первая из них показывает высоту основных частот спектра, вторая — уровень фрикативного шума. Медианные значения этих двух метрик для произнесений каждого сегмента отражены в таблице 8, а результаты теста ANOVA приведены в таблице 9.

Таблица 8

Медианные значения центра тяжести исследуемых сегментов

Сегмент	Медианные значения CoG (Гц)	ZCR
[w]	237,683794	0,018677
[ʏ ^w]	223,654851	0,022257
[ʏ]	244,595914	0,020904
[ʏ] в контекстах, не содержащих [u]	266,922441	0,024845
[ʏ] в контекстах, содержащих [u]	218,874074	0,01604
[v]	184,92745	0,013509

Таблица 9

Р-значения для каждого параметра в каждой паре сегментов

Сегмент 1	Сегмент 2	CoG	ZCR
[w]	[ʏ ^w]	> 0,05	0,05 *
[w]	[ʏ]	0,04 *	< 0,01
[w]	[v]	< 0,01	< 0,01
[ʏ ^w]	[ʏ]	> 0,05	> 0,05
[ʏ ^w]	[v]	< 0,01	< 0,01 *
[w]	[ʏ] в контекстах с [u]	0,03 *	0,04 *
[w]	[ʏ] в контекстах без [u]	< 0,01 *	< 0,01
[ʏ ^w]	[ʏ] в контекстах с [u]	0,03 *	< 0,01
[ʏ ^w]	[ʏ] в контекстах без [u]	> 0,05	> 0,05

Рассмотрим статистическую значимость различий между реализациями /w/: по параметру CoG [w] и [ʏ^w] не имеют значимых различий, однако значения метрики ZCR значительно различаются: более высокое значение ZCR у [ʏ^w] показывает наличие более интенсивного фрикативного шума, чем у [w], что подкрепляет перцептивное разграничение этих реализаций. Реализации [w] демонстрируют статистически значимые различия значений обоих параметров относительно фрикативных [ʏ] и [v]. Так, центр тяжести [w] находится ниже, чем у [ʏ], хотя по медианным значениям отличие небольшое. При этом ZCR [w] меньше данного параметра для [ʏ], что может говорить о меньшем уровне шума. В то же время [ʏ^w] статистически значимо отличается по обоим параметрам только от [v], но не от [ʏ], что ожидаемо ввиду предполагаемой артикуляционной близости [ʏ^w] и [ʏ]. Отдельно отметим, что [ʏ] в контекстах, содержащих [u], сближается по параметру ZCR

с реализациями [w]. Сегмент [v] значительно отличается от других рассматриваемых сегментов по обоим параметрам.

С учетом количества проведенных тестов важно отметить отличия результатов с поправкой на множественную проверку гипотез методом Бонферрони. Статистическая значимость с поправкой на 33 проведенных теста составила $p = 0,0015$, что позволяет подтвердить сделанные выводы о статистической значимости различий рассматриваемых сегментов по формантам и только частично — по различиям в центре тяжести и ZCR. В частности, выходят за этот предел отличия в значении ZCR между [w] и [ɣ^w], [ɣ^w] и [v], [w] и [ɣ] (в контекстах с [u]). Отличия в центре тяжести между [w] и [ɣ] (во всех контекстах), [ɣ^w] и [ɣ] (в контекстах без [u]) также выходят за предел статистической значимости с учетом поправки. Это может свидетельствовать о том, что эти статистические тесты следует повторить на расширенном массиве данных.

Итак, проведенный анализ позволил описать акустические свойства реализаций фонемы /w/: формантную картину сегментов и наличие и характеристики фрикативного шума. Это позволило противопоставить реализации /w/ звонким фрикативам [ɣ] и [v] в науканском, а также подкрепить наблюдения о перцептивной вариативности [w] и [ɣ^w], показав, что эти сегменты различаются значениями F3 и наличием и свойствами шума, хотя в определенных контекстах различия между обсуждаемыми звуками могут сглаживаться.

Кроме того, наблюдаемая на нашем материале свободная вариативность [w] и [ɣ^w] говорит в пользу более минималистичного описания системы фонем, которого придерживается, например, Г. А. Меновщиков. Хотя в науканском наблюдается контекстная лабиализация, лабиализованные велярные, в том числе /ɣ^w/, и увулярные не имеют фонемного статуса, в отличие от соответствующих сегментов в других юпикских (см. табл. 2). Если говорить о более широком типологическом контексте, то науканский таким образом относится к более распространенным случаям систем, содержащих /w/ и /ɣ/ (209 языков по табл. 3), а не к более редким с фонемами /w/, /ɣ/ и /ɣ^w/ (13 языков).

6. Возможные дальнейшие шаги

Одним из необходимых дальнейших шагов является расширение рассматриваемого науканского материала как с точки зрения лексического разнообразия, так и с точки зрения количества анализируемых произнесений. Интересно проанализировать также материал устных текстов, а не только изолированные произнесения. Кроме того, важно провести последовательное сопоставление данных разных юпикских языков и их диалектов, а также привлечь материал инуитского имакликского языка, представляющий интерес в связи с наличием тесных контактов между его носителями и жителями Наукана в прошлом. Дополнительного изучения требует и вопрос о том, отличается ли реализация /w/ в заимствованиях от реализаций в исконных юпикских словах.

В статье остались незатронутыми и некоторые явления науканского языка, связанные с рассматриваемыми сегментами. Например, возможное в науканском сочетание согласного с дифтонгом с кратким [ū], в котором при этом гласный [ū], как кажется, сохраняется, а не переходит в лабиализацию предыдущего согласного (см. рис. 18, с 117).

Кроме того, более детально необходимо изучить лабиализованные варианты велярных и увулярных согласных: каковы их акустические свойства и источники лабиализованности. В наших материалах есть отдельные произнесения, в которых лабиализация затронула два соседних согласных и отразилась, например, в понижении F2 окружающих гласных. Ниже представлена спектрограмма произнесения лексемы //taw-kin//¹⁸ 'потом',

¹⁸ Мы приводим предполагаемое морфонологическое представление, поскольку переход к фонематической реализации в данном случае требует дополнительного изучения.

исторически образованной от указательного местоимения /tawə/ ‘этот’ с помощью адвербиального суффикса /-kin/, при этом мы наблюдаем лабиализацию не только [x], но и последующего согласного [k].

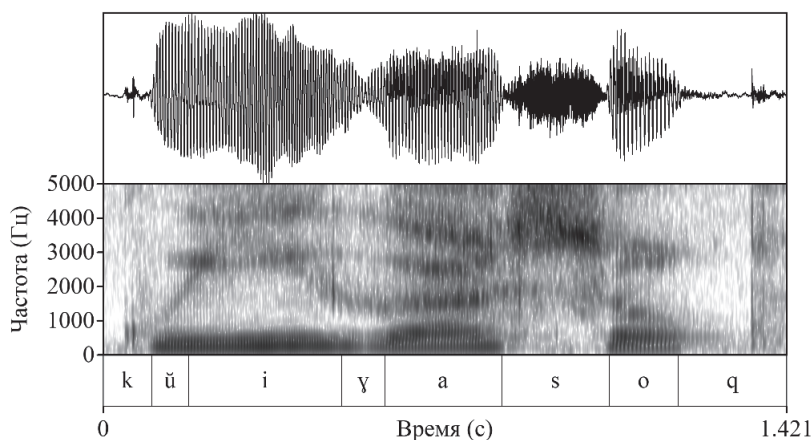

Рис. 18. Спектрограмма слова /kʲiʲaʲsoq/ ‘ручей’ (Д2)

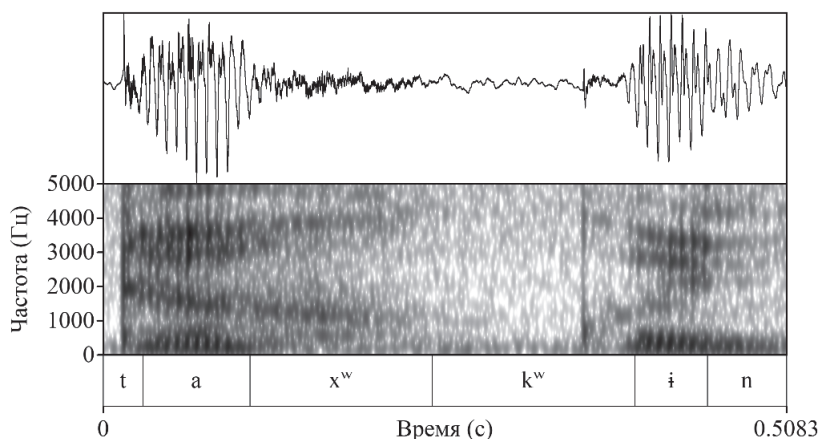

Рис. 19. Спектрограмма слова //taw-kin// ‘потом’ с лабиализованными сегментами [xʷ] и [kʷ] (Д2)

Возможная природа вариативности [w] / [ɣʷ] в современном науканском языке также является интересным направлением для дальнейших исследований. Такая вариативность на синхронном уровне может быть отражением различных диахронических процессов. Как упоминалось выше, в литературе отмечается, что диахронически единица [ɣʷ] могла возникнуть из сочетаний [ɣ] + [u] + V или V + [u] + [ɣ]. Затем данная единица могла начать терять характер веларизованного фрикатива и начала развитие в [w]. С другой стороны, в [Fortescue et al. 1994; Мудрак 2011] для основ, в которых в современном науканском выделяется фонема /w/, приводятся и протоформы других типов на разных

уровнях, например, РЕ¹⁹ *uvva → РY *ʏwa, РЕ *ava [Fortescue et al. 1994], РЕ *aru [Мудрак 2011]. Представляется важным определить, есть ли корреляция между реализациями /w/ в современном науканском языке и соответствующими сегментами в предполагаемых формах.

Заключение

На основе первичного анализа акустических характеристик реализаций исследуемой единицы в современном науканском языке было принято решение в дальнейшем определять ее как фонему /w/ с основным вариантом [w] (211 случаев из 251 произнесения) и существенно более редким аллофоном [ʏw]. На основании рассмотренного материала можно сделать вывод о свободной вариативности аллофонов исследуемой фонемы, хотя можно предположить, что анализ большего объема материалов выявит определенные закономерности. Для записи данной фонемы в науканской транскрипции предлагается использовать графическое обозначение w. В кириллической записи наиболее подходящим вариантом ее отражения нам представляется символ ѡ, который уже используется в существенной части материалов на науканском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Леонова 2014 — Леонова В. Г. (сост.). *Наукан и науканцы: Рассказы науканских эскимосов*. Владивосток: Дальпресс, 2014.
- Ненлюмкина 1979 — Ненлюмкина З. Н. *Птицы Наукана: Первая книга стихов*. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1979.
- Ненлюмкина 1985 — Ненлюмкина З. Н. *Ангилгутыклякын, масарагак!* [Погуляй со мною, солнышко!]. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1985.
- Ненлюмкина 1990 — Ненлюмкина З. Н. *Упынгам буюнатуна* [Весна счастья]. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1990.
- Теиын 1981 — Теиын Т. К'уйн'ит утак'амат ыльн'а [Олени ждали его]. *На севере дальнем*, 1981, 2: 91–93.
- Энмынкау 2016 — Энмынкау Н. *Старики всегда учили нас добру*. Ижевск: Принт-2, 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богораз 1909 — Богораз В. Г. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. *Живая старина*, 1909, 70–71: 1–13. [Bororaz V. G. Materials for the study of the language of the Asian Eskimo. *Zhivaya starina*, 1909, 70–71: 1–13.]
- Богораз 1949 — Богораз В. Г. *Материалы по языку азиатских эскимосов*. Вдовин И. С. (ред.). Л.: Учпедгиз, 1949. [Bororaz V. G. *Materialy po yazyku aziatskikh eskimosev* [Materials on the language of the Asian Eskimo]. Vdovin I. S. (ed.). Leningrad: Uchpedgiz, 1949.]
- Вахтин 1988 — Вахтин Н. Б. Материалы по эскимосской диалектологии. *Лингвистические исследования. Проблематика взаимодействия языковых уровней*. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988, 60–67. [Vakhtin N. B. Materials on Eskimo dialectology. *Lingvisticheskie issledovaniya. Problematika vzaimodeistviya yazykovykh urovnei*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1988, 60–67.]
- Головко и др. 2004 — Головко Е. В., Добриева Е. А., Джейкобсон С., Краусс М. *Словарь языка науканских эскимосов*. Джейкобсон С. (ред.). Фэрбенкс: Центр изучения коренных языков Аляски, 2004. [Golovko E. V., Dobrieva E. A., Jacobson S., Krauss M. *Slovar' yazyka naukanskikh eskimosev*

¹⁹ Обозначение РЕ соответствует протоэскимосскому уровню, РY — протоюпикскому.

- [Dictionary of the language of the Naukan Eskimo]. Jacobson S. (ed.). Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2004.]
- Меновщиков 1962 — Меновщиков Г. А. *Грамматика языка азиатских эскимосов: Фонетика, морфология именных частей речи*. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. [Menovshchikov G. A. *Grammatika yazyka aziatskikh eskimosov: Fonetika, morfologiya imennykh chastei rechi* [Grammar of the language of the Asian Eskimo: Phonetics, morphology of nominal categories]. Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1962.]
- Меновщиков 1975 — Меновщиков Г. А. *Язык науканских эскимосов*. Л.: Наука, 1975. [Menovshchikov G. A. *Yazyk naukanskikh eskimosov* [The language of the Naukan Eskimo]. Leningrad: Nauka, 1975.]
- Миллер 1897 — Миллер В. О. Об эскимосских нарѣчіяхъ Анадырскаго округа (на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). *Живая старина*, 1897, 2: 133–159. [Miller V. O. On the Eskimo varieties of the Anadyrsky District (based on materials collected by N. L. Gondatti). *Zhivaya starina*, 1897, 2: 133–159.]
- Мудрак 2011 — Мудрак О. А. *Эскимосский этимологикон*. М.: МГПУ, 2011. [Mudrak O. A. *Eskimoskii etimologikon* [Eskimo etymologicon]. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2011.]
- Boersma, Weenink 2023 — Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer*. 2023. <http://www.praat.org/>.
- Bogoraz 1901 — Bogoraz V. G. Linguistic materials of the Ai'wan dialect of the Eskimos of Asia. *BAE #1764 of the National Anthropological Archives, Smithsonian Institution, Washington, DC*. Ms., 1901.
- Counciller, Leer 2012 — Counciller A., Leer J. *The Alutiiq orthography: Kodiak dialect*. Kodiak: Alutiiq Heritage Foundation, 2012.
- Fortescue et al. 1994 — Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. *Comparative Eskimo dictionary with Aleut cognates*. Fairbanks: Alaska Native Language Center; Univ. of Alaska Fairbanks, 1994.
- Hargus 2012 — Hargus Sh. Deg Xinag rounding assimilation: A case study in phonologization. *Laboratory Phonology*, 2012, 3(1): 163–193.
- Jacobson 1979 — Jacobson S. *A grammatical sketch of Siberian Yupik Eskimo as spoken on St. Lawrence Island, Alaska*. Fairbanks: Alaska Native Language Center; Univ. of Alaska Fairbanks, 1979.
- Jacobson 2001 — Jacobson S. *Practical grammar of the St. Lawrence Island. Siberian Yupik Eskimo Language*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2001.
- Jacobson 2012 — Jacobson S. *Yup'ik Eskimo dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 2012.
- Krauss 1975 — Krauss M. St. Lawrence Island Eskimo phonology and orthography. *Linguistics*, 1975, 13(152): 39–72.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — Ladefoged P., Maddieson I. *The sounds of the world's languages*. Cambridge (MA): Blackwell, 1996.
- Ladefoged, Johnson 2011 — Ladefoged P., Johnson K. *A course in phonetics*. Boston: Cengage Learning, 2011.
- Leer 1990 — Leer J. *Classroom grammar of Koniag Alutiiq, Kodiak Island Dialect*. Vol. 1. Fairbanks: Alaska Native Language Center; Univ. of Alaska Fairbanks, 1990.
- Leer 1994 — Leer J. The phonology of the Kenai Peninsula dialect of Chugach Alutiiq. *Languages of the North Pacific Rim*, 1994, 7: 45–148.
- Mazzaro 2008 — Mazzaro N. Operation-approximant and how they change identities: The acoustic and perceptual analysis of Spanish labial and velar approximants. *Talk at Laboratory Approaches to Spanish Phonology, Univ. of Texas at Austin*, 2008.
- Mazzaro 2011 — Mazzaro N. *Experimental approaches to sound variation: A sociophonetic study of labial and velar fricatives and approximants in Argentine Spanish*. Doctoral thesis. Toronto: Univ. of Toronto, 2011.
- Menovshchikov 1990 — Menovshchikov G. Contemporary studies of the Eskimo-Aleut languages and dialects: A progress report. *Arctic languages: An awakening*. Collis D. (ed.). Paris: Imprimerie des Presses Universitaires de France, Vendome, 1990, 69–76.
- Miyaoka 2012 — Miyaoka O. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin: Mouton De Gruyter, 2012.
- Nagai 2004 — Nagai K. *A morphological study of St. Lawrence Island Yupik: Three topics on referentiality*. Doctoral diss. Kyoto: Kyoto Univ., 2004.

- Reed et al. 1977 — Reed I., Miyaoka O., Jacobson S., African P., Krauss M. *Yup'ik Eskimo Grammar*. Fairbanks: Alaska Native Language Center; Univ. of Alaska, 1977.
- de Reusse 1994 — de Reuse, W. J. *Siberian Yupik Eskimo: The language and its contacts with Chukchi*. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1994.
- Vaissière 2009 — Vaissière J. Articulatory modeling and the definition of acoustic-perceptual targets for reference vowels. *The Chinese Phonetics Journal*, 2009, 2: 22–33.

Получено / received 19.11.2023

Принято / accepted 21.05.2024

Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin II. Formes du duel, formes du prétérit, formes nominales choisies

© 2024

Илья В. Иткин

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Abstract: The article continues the work of cataloging earlier unknown Tocharian B forms found in unpublished text fragments from the Berlin collection (“THT-fragments”), which was started in [Itkin 2022]. It includes the analysis of several dual forms (of different reliability), preterit forms, and some nominal forms that are of special interest as regards inflectional and word-formation morphology, correspondences with Tocharian A forms, and other linguistic features.

Keywords: dual, nominal inflection, preterit, textology, Tocharian, Tocharian B, verbal inflection

Acknowledgements: Je remercie vivement Sébastien Gréal pour la correction soigneuse de mon français et un rapporteur anonyme pour ses commentaires très utiles. Je discute les plus importants de ces commentaires dans le texte.

For citation: Itkin I. B. Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin II. Formes du duel, formes du prétérit, formes nominales choisies. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 121–134.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.121-134

Новые тохарские В формы из Берлинских фрагментов II. Формы двойственного числа, формы претерита, некоторые именные формы

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья служит продолжением работы по каталогизации ранее неизвестных тохарских В форм, выявляемых в неопубликованных текстовых фрагментах из собрания Берлинской библиотеки (“ТНТ-фрагментах”), которая была начата в [Itkin 2022]. Она включает в себя анализ нескольких форм двойственного числа (разной степени надежности), форм претерита и некоторых именных форм, представляющих специальный интерес с точки зрения словоизменительной и словообразовательной морфологии, соотношения с тохарскими А формами и других лингвистических особенностей.

Ключевые слова: двойственное число, претерит, словоизменение глагола, словоизменение имени, текстология, тохарские языки, тохарский В

Благодарности: Я искренне благодарю Себастьяна Греля за скрупулезное исправление моих ошибок в языке и анонимного рецензента за чрезвычайно полезные комментарии. Наиболее важные из этих комментариев обсуждаются в тексте работы.

Для цитирования: Itkin I. B. Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin II. Formes du duel, formes du prétérit, formes nominales choisies. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 121–134.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.121-134

Introduction

Le présent article continue notre recherche sur des formes nouvelles qu'on peut trouver dans les fragments tokhariens B de Berlin (pour la plupart inédits) commencée dans [Itkin 2022]. Les conventions que nous suivons sont les mêmes : des mots tokhariens sont cités en translittération simplifiée standard ; si le contexte est insignifiant pour l'interprétation de telle ou telle forme, il peut être omis partiellement ou totalement. Si le contraire n'est pas indiqué, nos traductions des lemmes correspondent plus ou moins à [Van Windekens 1976]. Des signes <?> et (?) marquent « un peu douteux » et « assez douteux » respectivement.

1. Formes du duel

Les formes verbales du duel les plus certaines (très peu nombreuses) sont énumérées dans [Malzahn 2010: 48], les formes nominales dans [Kim 2018] et [Itkin 2021]. Comme nos connaissances sur le duel tocharien sont très incomplètes pour le moment, chaque forme nouvelle, même si elle est douteuse, mérite la mention et la discussion.

1.1. Formes verbales

(?) *[p]luṣteṃ* 3 DU PR A de *plu-* ‘planer, flotter’

Cf. *//// [p]luṣteṃ lare yok karuntsa* (B 72, 2) ‘... with lovelike pity’ [Adams 2013: 595].

Selon [Sieg, Siegling 1953: 12, n. 3], *[p]luṣteṃ* est «[v]ermutlich für *pluṣt teṃ*», i.e. *pluṣt* 2 SG PR A de *plu-* + *teṃ* pronom démonstratif ‘≈ cela’. Du point de vue formel c'est possible, mais, comme M. Malzahn le remarque, «this analysis is far from certain» [2010: 745]. En effet, la position du pronom est étrange, et il est difficile de comprendre quel sens il pourrait apporter dans la phrase. Cependant *[p]luṣteṃ* peut être un mot entier écrit de façon absolument correcte, notamment 3 DU PR A de *plu-*. La désinence du 3 DU A au présent est *-teṃ*, cf. *nesteṃ* 3 DU PR A de *nes-/ṣai-/tāk-* ‘être’.

Quel pourrait être le sujet de cette phrase ? Le verbe *plu-* renvoie souvent aux divinités qui marchent dans l'air. Le folio B 72 appartient à *Araṇemi-jātaka*. Ce *Jātaka* commence par la conversation entre deux dieux bienveillants qui s'appellent Jñānaprabhe et Karuṇaprabhe en tokh. A, mais Jñānasthite et Guṇasampade en tokh. B. Outre cela, la ligne 1 du petit fragment THT 1684 (qui semble provenir du même manuscrit) indique : *//// n̄ wī ṇa ////*, et la restitution *wī ṇa(ktene)* ‘deux dieux’ est bien plausible. Mais comme nous n'avons aucune justification indépendante que le fragment THT 1684 appartient à la feuille B 72, l'interprétation de *[p]luṣteṃ* proposée ici reste purement hypothétique.

(?) *pālṣte=ñ* 3 DU PR A avec PE du 1 SG de *pāl-* ‘dresser (l'oreille)’ ([Van Windekens 1976: 375] inexactement *pilts-* ‘tendre’)

Cf. *(////) (klau)ts pālṣte=ñ ci pālskā ////* (THT 1178 b3) <pour l'interprétation v. plus bas>.

La conjecture est certaine : une locution *klauts pāl-* ‘dresser l'oreille’ est attestée en tokharien B plusieurs fois ; dans [Itkin 2021: 127] nous avons présenté des arguments en faveur du traitement de *klauts pāl-* comme une sorte de verbe composé (angl. «phrasal verb»).

Des formes du PR de *pāl-* sont inconnues, mais le nomen agentis *klautsa-pālṣi** ‘celui qui dresse l'oreille’ (cf. *(klaut)s(a)-pālṣi* (B 16 b2), *klautsa-pilṣi* (IOL Toch 246 a4)) indique que

ce verbe appartient à la cl. VIII [Malzahn 2010: 712–713]. Cela signifie qu’une forme attendue de 3 DU PR A est en effet *pālstem** ; l’omission de *m* devant *=ñ* enclitique est régulière, cf., par exemple, *yeye=ñ* (IOL Toch 119 b3) 3 PL IPF A avec PE 1 SG de *y-* ‘aller’ à côté de *yeyem* (B 430 a2, etc.), même forme sans pronom¹.

Mais le texte laisse beaucoup de questions. La fonction du pronom *=ñ* n’est pas claire² : ‘(vous) <deux> dressez mon oreille’ (ce qui sonne de façon bizarre) ou ‘(vous) <deux> dressez l’oreille à moi’ ? Le rapport syntaxique entre le pronom *ci* ‘tu (ACC)’ et *pālskā* //// une forme quelconque du verbe *pālsk-* ‘penser’ est aussi incompréhensible.

La ligne b5 se lit (////) (*a*)*niru(dddh)[e śl]e yārke mātārś we[ššā](m)* //// ‘Aniruddha dit à sa mère avec vénération’. L’épisode « Aniruddha (ou Anuruddha) demande à sa mère la permission de devenir moine » est bien connu, mais cela ne suffit pas immédiatement pour clarifier la ligne b3.

šaitem 3 DU IPF A de *nes-/šai-/tāk-* ‘être’

Cf. ♦ *tay no wi [p]i[kw]ā[n]m[i] šaitem* ♦ *še ñormem l[y]āmisā wāte lyokai paiyye* (THT 1313+1314 b7) ‘ces deux grains de beauté (?) étaient donc : l’un — dessous sur la lèvre, l’autre — ... pied’ [Itkin 2021: 135].

Le compte-rendu [Itkin 2021] est consacré aux formes nominales, c’est pourquoi la structure morphologique de la forme *šaitem* y est laissée sans analyse. Cette structure est parfaitement transparente : *šai-* est le thème d’imparfait du verbe *nes-/šai-/tāk-* ‘être’, et *-tem* est la désinence du 3 DU A au présent (donc à l’imparfait, au subjonctif et à l’optatif aussi) mentionnée déjà ci-dessus. On peut composer une proportion

nest ‘tu es’ : *nestem* ‘vous deux êtes’ = *šait* ‘tu étais’ : ? ‘vous deux étiez’,
d’où « ? » est *šaitem*.

<?> [*pā*]/[*k*]*ais* 3 DU PT A de *pālk-* ‘briller’

Cf. [*pā*]/[*k*]*ais (m)e(ñ)[e mā]kte ram[t r]ohiṇiṣa* [*š*]*es[a ke]kmū* (THT 1321+1312 a2) ‘...<ces deux> brillèrent comme la lune s’étant réunie (litt. ‘étant venue ensemble’) avec la constellation du Taureau’.

Le texte appartient au stade archaïque de la langue. Un ou deux *aḥsara* qui précèdent la forme en question sont illisibles. La continuation de la phrase est moins claire ; elle contient une comparaison avec *trai ešaim* ‘trois yeux’ (sic!). Malgré cela, la lecture et l’interprétation semblent plus ou moins certaines. La feuille THT 1321+1312 suit immédiatement la feuille THT 1313+1314, c’est pourquoi il est possible que [*pā*]/[*k*]*ais* renvoie aux mêmes deux *pikw*’s décrits à la ligne THT 1313+1314 b7.

La désinence du 3 DU PT A *-ais* est connue par des formes *ltais* de *lā-n-t-* ‘sortir’ et *stāmais* de *kāly-/stām-* ‘être debout’ [Malzahn 2010: 48]. Puisque le verbe *pālk-* ‘briller’ est beaucoup moins fréquent, on peut penser que non seulement la morphologie nominale, mais aussi la morphologie verbale du duel n’avait pas encore commencé de se délabrer en tokharien B archaïque.

¹ Selon le rapporteur anonyme, “the rule remains that *m-ñ* is written”. Mais, à notre connaissance, les exemples comme *aīm=ñ* (B 275 b4) 3 PL CONJ A avec PE 1 SG de *ai-* ‘donner’ sont rares, tandis que les exemples comme *yeye=ñ* sont nombreux.

² Le rapporteur anonyme admet que *pālšteñ ci* provient de *pālstem ci* par assimilation *m* → *ñ* devant *c*. Mais cette assimilation est régulière pour des formes avec PE du 2 SG = *c* : cf., e.g., *tākaṃ* 3 SG CONJ A de *nes-/šai-/tāk-* ‘être’ ~ *tākañ=c* même forme avec PE. Nous ne disposons pas d’exemples pareils avec le pronom accentué *ci* ACC de *tuwe* ‘tu’.

³ Pour [*r*]*ohiṇiṃ<p>a* (<*rohiṇimmpa**) COMIT SG de *rohiṇi* ‘constellation du Taureau’, cf. //// [*ro*]*hi[n]impa meñ-ñ[ā]k[t]e* (B 389 a8) ‘...le dieu de la Lune avec la constellation du Taureau’.

1.2. Formes nominales

p[ai]nai[sä](ñ) G Du de *paiyye* ‘pied’

Cf. *p[ai]nai[sä](ñ) ///* (THT 1204.a b3 (= b2 dans [Tamai 2007])).

Forme attendue, mais pas encore enregistrée suivant le même modèle que des formes déjà connues *eśnaisāñ*, *klautsnaisāñ* et (peut-être, artificielle) *ñāktenaisā(ñ)* G Du de *ek* ‘œil’, *klautso* ‘oreille’ et *ñakte* ‘dieu’.

*cmeli** N-ACC Du de *camel* ‘(forme de) naissance’

Cf. *wi cmeline* (THT 1347 b3) ‘en deux naissances’.

Cet exemple doit être ajouté à quatre autres exemples de *cmeli** ‘<deux> naissances’ énumérés dans [Itkin 2021: 135]. Il est vraiment étonnant que toutes ces attestations se manifestent dans des fragments inédits.

<?> *skrenane* N-ACC Du de *skrem** ‘un oiseau quelconque’

Cf. *skrenane* (THT 1600 b3).

L’acception du mot *skrem** est controversée : ‘pigeon’ (traduction habituelle) ou ‘corneille’ [Adams 2013: 774–775] ? Cette dernière interprétation repose sur une comparaison avec tokh. *A sukrām**. Mais la correspondance entre *skrem** et *sukrām** n’est pas régulière⁴, et le sens de *sukrām** est litigieux à son tour : ‘corneille’ (= skt. *kāka-* ; cf., par exemple, [Carling, Pinault 2023: 525]) ou ‘milan’ (= skt. *gydhra-* ; cf., par exemple, [Itkin 2023: 237]) ? En tout cas, pour nos fins une traduction vague est suffisante.

La forme *skrenane* est sans contexte, c’est pourquoi son interprétation n’est pas certaine, mais une interprétation alternative comme LOC SG semble peu probable du point de vue sémantique comme du point de vue accentologique (on attendrait *skrenne**). Si *skrenane* est vraiment la forme du duel, elle peut signifier un couple d’oiseaux, mâle et femelle.

2. Formes du prétérit

śayāre 3 PL PT A de *śau-* ‘vivre’ ;

peḷykar 3 PL PT A K de *pālk-* ‘brûler’

Cf. */// (e)tri rśāki lāñc wroci airpätte [ś](au)l śayāre peḷykar śaiṣṣe [♦] (THT 1331.c+j a1)* ‘Des héros, des ermites et des grands rois vivaient une vie negligente (?) et tourmentaient le monde’.

La conjecture *(e)tri* semble certaine grâce à un parallèle proche : *mā lāñc wrocci mā etri* (B 46 b4) ‘no great kings, no heroes’ (traduction selon [CETOM]).

Le verbe ‘vivre’ a deux formes de 3 SG PT A : *śāya* (PT I) et *śawiya* (PT VII) [Malzahn 2010: 916]. La première est attestée deux fois : B 45 a5, THT 1131.b b1 (même manuscrit où on trouve *śayāre*), la dernière est un *ᾗπαξ λεγόμενον* (B 576 a4). Puisque la forme *śayāre* appartient aussi au PT I, cela appuie une supposition que *śawiya* soit une déviation quelconque, peut-être, une licence morphologique *metri causa*.

Quant à *peḷykar*, on peut comparer cette forme avec 1 SG PT A K *peḷykwa* et 3 SG PT A K *peḷyksa*. Ce dernier est attesté en plein à la ligne suivante, THT 1331.c+j a2.

⁴ Les formes *s_hkrām* et *s_hkrāne* données par [Adams 2013: l. c.] sont incorrectes les deux : le N-ACC SG n’est pas du tout attesté, et G SG (glose dans SHT 1033) est *sukrāne* trisyllabique.

sāmpāmai 1 SG PT M de *sāmp-* ‘prendre, enlever’

Cf. *sāmpāmai* (THT 1170.g+e b5).

Cette forme provient d’un manuscrit archaïque ; une orthographe “ classique ” serait *sampā-mai**, cf. 3 SG PT M *sampāte* et 3 PL PT M avec PE du 1 SG [*sa*]*m[p]ānte=ñ*.

<?> *raita* 3 SG PT A K de *ritt-* ‘se joindre’

Cf. *ce_u yärke raita ylai – ////* (THT 1174ext [= THT 1174+1205.c+1394.p] a7) <pour l’interprétation v. plus bas>.

En tokharien A on trouve une expression figée (non notée dans [Carling, Pinault 2023]) qui se compose du nom *yärk* ‘hommage’ (= B *yärke*) au singulier ou au pluriel et le causatif du verbe *ritw-* ‘se joindre’ (= B *ritt-*) : cf., par exemple, *yärk ritwässi* (YQ-19[III.11] b1), *yärkant ritwšäl* (A 17 b4). Cette expression, appartenant peut-être à la langue poétique, semble plus ou moins synonymique à une expression bien connue *yärk y-/* ‘rendre (litt. ‘faire’) hommage’.

Si cette expression est commune à deux langues tokhariennes, nous pouvons interpréter le passage en question de façon suivante:

ce_u yärke raita ylai[ñ](äktešc) //// ‘il a rendu (litt. ‘a joint’) cet hommage à Indra’.

Une forme attendue du 3 SG PT A K de *ritt-* est *raitta**, cf. 3 SG PT M K *raittrate*, mais l’omission d’une des consonnes géminées est un procédé assez fréquent, cf. surtout *kālo_i* (THT 1181 a6) au lieu de *källo_i*, 3 SG OPT A de *kālp-* ‘obtenir’ : les fragments THT 1181 et THT 1174ext se rattachent au même manuscrit [Malzahn 2007: 265].

pk[ā]mai 1 SG PT M de *pāk-* ‘avoir l’intention de’

Cf. *pk[ā]mai* (THT 1267 b1).

Cette forme est absente dans des indicateurs, mais l’interprétation correcte en a été déjà proposée par M. Peyrot [CEToM].

āñmāñña 3 SG PT A de *āñm-āññ-* ‘souhaiter, désirer’

Cf. *//// k[au]tsy āñmāñña ♦* (THT 1273.a+1438.b a1) ‘(il) a souhaité de tuer...’.

Le verbe *āñm-āññ-* forme le PR moyen de la cl. XII ; cette classe correspond bien à *-ññ-*prétérit (PT V, selon [Malzahn 2010: 221]). Mais, de façon intrigante, notre forme est active, et c’est la première forme active attestée dans ce type du PT en générale [Ibid.]. L’accent initial est à noter.

[t]sakāmai 1 SG PT M de *tsāk-* ‘percer, piquer’

Cf. *//// mäkcyā eśn(e) [t]sakāmai krent šīlaššem ♦* (THT 1304 b3) ‘...je me suis crevée moi-même mes yeux de bonne conduite’.

Première attestation de la forme moyenne du prétérit, sans aucun doute avec le sens réfléchi.

Le syntagme *eśn(e) ... krent šīlaššem* montre l’accord de l’adjectif au pluriel avec la forme du duel. Cet exemple manque dans [Kim 2018: 24] et [Itkin 2021: 131].

m[yā]rsate=ñ 3 SG PT M K avec PE du 1 SG, *myarsate=c* 3 SG PT M K avec PE du 2 SG de *mārs-* ‘oublier’

Cf. *m[yā]rsate=ñ* (THT 1313+1314 a1), *myarsate=c* (THT 1449.e b2).

La lecture *myarsate=c* est certaine. Le texte THT 1449 n’est pas classifié dans [Peyrot 2008], mais il montre des traits archaïques, cf. surtout *akša* (THT 1449.e a3) 3 SG PT A de *āks-* ‘annoncer, enseigner’ à côté de *ākša* classique.

La situation avec d’autres formes du PT K du verbe *mārs-* n’est pas claire. Nous n’avons pas réussi à trouver la source de la forme *myārsatai=me* soi-disant 2 SG PT M K avec PE du PL citée dans des indicateurs. D’autre part, il n’est pas évident que la forme lue traditionnellement comme *myārsā=ne* (Or 8212.163 b3 ; texte archaïque) 3 SG PT A K avec PE du 3 SG ne soit pas en réalité *myārsāte* 3 SG PT M K.

lamāre 3 PL PT A de *šām-/lām-* ‘être assis’

Cf. *lamāre* (THT 1346.c a2).

Une forme déjà connue de 3 PL PT A du verbe *šām-/lām-* est *lymāre* (PK AS 18B b4, B 107 b2), mais la variation *lamāre* ~ *lymāre* est strictement parallèle à la variation *stamāre* (PK AS 15F b4⁵) ~ *šmāre* (PK NS 78.1 b4 ; manque dans [Malzahn 2010: 959] où une forme encore plus innovante *šimāre* est donnée) qu’on voit en 3 PL PT A de *kāly-/stām-* ‘être debout’.

Le rapporteur anonyme suivant [Peyrot 2013a: 253] doute que l’analyse de *stamāre* soit correcte. Mais quelle interprétation alternative en serait possible ? Cette forme correspond à tokharien A *štamar*, et les formes *stamāre* et *lamāre* se soutiennent mutuellement.

M. Malzahn traite à bon droit la forme *stamāre* comme «showing archaic ablaut» [2010: 959]. Compte tenu de cela, il serait logique de supposer que la forme *lamāre* soit antérieure à *lymāre*. Et en effet, le texte PK AS 18B est classique, le texte B 107 est tardif ; les fragments THT 1346 ne sont pas énumérés dans [Peyrot 2008], mais l’orthographe *e_urtse* (THT 1346.a a3) pour *aurtse* ‘large’ témoigne en faveur du stade archaïque.

[*m*]yāñka, <?> *my[ā]ñka* 3 SG PT A K de *māñk-* ‘être privé de’

Cf. *//// lam snai ramt [m]yāñka wate no ////* (THT 1403.j b5) ‘(il) a surmonté ... sans parallèle (?) ; et le deuxième...’.

Cf. <?> *//// –my[ā]ñka* (THT 1299 a2) <pour le contexte et l’interprétation v. plus bas>.

Le causatif de *māñk-* semble avoir l’acception ‘≈ surmonter, surpasser’ (‘overcome’ [Malzahn 2010: 752-753] ; cf. plus loin [Van Windekens 1976: 289] : ‘(faire) perdre, vaincre, subjuguier, battre’). Des formes du PT K manquent, mais *myāñka** est une forme attendue selon un schéma commun aux verbes en *mā-*, cf. *myāska* 3 SG PT A K de *māsk-* ‘échanger’ (causativum tantum) ; v. aussi là-dessus *myārsate** 3 SG PT M K de *mārs-* ‘oublier’.

Pour la ligne THT 1403.j b5 la lecture *snai ramt* est proposée par [Tamai 2007]. Nous suivons cette lecture bien que pour le moment ce soit l’unique exemple où la conjonction comparative *ramt* ‘comme’ est employée en fonction nominale.

Pour la ligne THT 1299 a2 M. Malzahn propose la division des mots *//// m y[ā]ñka wrotsai wertsai* avec *y[ā]ñka* 3 SG PT A de *yāñk-* ‘être trompé’ et la traduction ‘... was deluded; the great gathering ...’ [Malzahn 2010: 784]. Mais en totalité la partie subsistante de cette ligne est celle-ci : *//// –my[ā]ñka wro tsai we rtsai ne kā –////*. Sans aucun doute, on y trouve non pas l’ACC *wertsai* mais le LOC *wertsaine*⁶ ; pour un mot suivant la conjecture *kā[r](pa) ////* ‘est descendu’ semble probable (quoique non la seule possible). À notre avis, la forme *my[ā]ñka* mieux correspond au contexte que *y[ā]ñka* : *//// –my[ā]ñka wrotsai werts<y>aine kā –////* ‘(il) a surmonté ... et il est descendu (?) à la grande assemblée’.

lyimāsta 2 SG PT A de *šām-/lām-* ‘être assis’

Cf. *lyimāsta* (THT 1468, 3).

Dans [Malzahn 2010: 843] la forme du 2 SG PT A du verbe *šām-/lām-* est reproduite comme *lyamāstā* (sic!) avec une référence au fragment B 344.6. Mais cette forme n’existe pas : dans [Sieg, Siegling 1953: 225] on trouve *lyāmāstā*, et la photographie confirme que la lecture des éditeurs est correcte. B 344 est un texte archaïque, l’orthographe *lyāmāstā* correspond à /l’āmāstā/ — une forme qui doit être 2 SG PT A K de *šām-/lām-* (non pas 2 SG PT A du *Grundverb* !).

⁵ À la ligne suivante, PK AS 15F b5, on trouve une forme remarquable *lahyāre* (laissée sans interprétation par les éditeurs de ce texte dans [CETOM], G.-J. Pinault et M. Malzahn). Cet exemple, 3 PL PT A de *lāl-* ‘se fatiguer, s’efforcer’, appartient à la classe VII et prouve que l’absence totale des formes du pluriel dans cette classe de prétérit [Malzahn 2010: 228] n’est pas une contrainte morphologique, mais une anomalie statistique.

⁶ *Lapsus calami* au lieu de *werts<y>aine*.

Une forme “classique” attendue du 2 SG PT A est *lymāsta**, cf. 3 PL PT A *lymāre* (v. plus haut). La forme *lyimāsta* montre l’insertion de *i* après une consonne palatale : trait caractéristique de la langue “tardive” [Peyrot 2008: 57–58], cf. aussi [Itkin 2022: 103].

Une correction est peut-être encore nécessaire pour la liste des formes du PT du verbe *ṣām-/lām-*. Depuis [Pinault 1984: 26, 31] à la ligne PK DA M 507.32, 4 (= PK Cp 32, 4) on lit *saṅkrām wtetse lmāte* ‘le monastère s’est assis de nouveau’ ou ‘le monastère ... s’est de nouveau installé’ avec *lmāte* 3 SG PT M de *ṣām-/lām-*. Mais le verbe est activum tantum (cf. des explications différentes de cette contradiction proposées dans [Malzahn 2010: 843–844] et [Peyrot 2013a: 252]), c’est pourquoi il est possible que la lecture correcte soit *saṅkrām wtetse lmā-ne* ‘son monastère s’est assis (= s’est installé) de nouveau’ avec une forme active régulière suivie du PE.

<?> **paikawa** 1 SG PT A de *pik-* ‘peindre, écrire’

Cf. *paikawa*, extrait probablement de THT 1497 b2.1 — b3.1 où on trouve

♦ *tā rya pai ka* |

♦ *ka wi trau nta wa* |

i.e. *tāryaka wi traunta* ... *paikawa* ‘32 *traus* (mesure de capacité) ... j’ai écrit <cela>’ [Itkin 2021: 130].

Si correctement identifiée, la forme est régulière, cf. 3 SG PT A *paiyka*, etc.

rāmamai 1 SG PT M de *rām-* ‘comparer’.

Cf. *//// (śā)r[s]āwa rāmamai* (THT 1536.c+e b6) ‘j’ai appris et j’ai comparé’.

Le *Grundverb* de ce verbe très rare est connu par la seule forme, 3 SG PT M *rāmāte*, qui est aussi employée avec le verbe *kārs-* ‘savoir’ : *palska toyna ṣotrūna śāstārmpa ṣe rāmāte istak śarsa* (B 107 a2) ‘Il réfléchit à ces signes et les compara avec le Śāstra ; aussitôt, il comprit...’ (traduction selon [Pinault 2008: 156]).

(?) **pekuwa=ne** 1 SG PT A avec PE du 3 SG de *pāk-* ‘faire mûrir, (faire) cuire’ ;

klyautk(a)wa=ne 1 SG PT A K avec PE du 3 SG de *klutk-* ‘se (re)tourner’

Cf. *//// ♦ pekuwa=ne was[e] [-] me[m] klyautk(a)wa=ne maimañce ♦ 1 ////* (THT 1575. a+b “b”57) ‘j’ai cuit (?) son venin et ... je l’ai fait devenir sage (?)’.

Des fragments THT 1575.a et THT 1575.b appartiennent à la même feuille ; aux lignes 3–6, grâce à l’espace blanc autour du *Schnürloch*, le texte est continu.

Le bas du premier *aṣsara* est endommagé, et la lecture *p[r]ekuwa=ne* ‘je l’ai demandé’ n’est pas absolument exclue (une forme *prekuwa* 1 SG PT A de *pār-k-* ‘demander’ est attestée à la ligne THT 1115 a5), mais la lecture *pekuwa=ne* qui suit [Tamai 2007] semble plus probable. Le PT de *pāk-* ‘faire mûrir, (faire) cuire’ est connu seulement par le PP *pepeku** qui doit indiquer PT III et par cela même est complètement compatible avec *pekuwa=ne*. Pour des formes en *-uwa* au lieu de *-wa* v. [Malzahn 2010: 193] (mais la nature de cette variation n’est pas évidente).

Le PT K de *klutk-* est très bien attesté, cf. 2 SG A *klyautkasta*, etc.

L’interprétation du *pāda* entier est difficile⁸. La lecture *was[e]* est certaine parce qu’à la ligne précédente on trouve un syntagme *cwi nagen[t]se w[s]e[s] [s]ai m[ai]yy(a)* ‘la force du venin de ce dragon’. Pour le mot suivant il y a deux possibilités : *[ce]me[m]* ‘par cela’ et *[tre]me[m]* ‘colère’. Ni l’une ni l’autre ne rendent pas le sens et la syntaxe complètement clairs. La forme *maimañce* est l’Acc SG m de *maimantse* ‘≈ sage, prudent’. Cette forme est absente dans [Adams 2013: 508] bien qu’on la trouve dans [Sieg, Siegling 1953: 51] sous la cote B 116.7.

lāñ[k]ā[r]e 3 PL PT A de *lāñk-* ‘pendre’

Cf. *//// katsāñ lāñ[k]ā[r]e ////* (THT 2359 b4) ‘les ventres pendaient’.

⁷ La face “a” est en réalité verso car on y trouve la pagination (/159/, selon [Tamai 2007]).

⁸ Je remercie sincèrement Anna Kuritsyna et Sergey Malyshev pour une discussion fructueuse de ce passage.

Le prétérit du verbe *lānk-* n'était pas attesté jusqu'ici car une forme ***lānkār=ne* (B 593 a3 reclassifié comme THT 1428 a3) [Malzahn 2010: 839] est fantôme (des doutes sur ce point dans [Itkin, Malyshev 2021: 64] sont injustifiés) : comme l'a indiqué M. Peyrot [2013b: 808, n. 745], la restitution correcte déjà proposée dans [Sieg, Siegling 1953: 378, n. 10] est (*raha*)*syālānkārne* 'en *Rahasyālānkāra*'.

Au contraire, l'attestation à la ligne THT 2359 b4 semble certaine ; la mention des ventres pendants renvoie peut-être à des *preta*, démons toujours affamés. Comme ventre est une partie du corps, on attendrait plutôt *katsāñ lānkāre=me* 'nos / vos / leurs ventres pendaient', mais un *akšara* à droite de *re* est totalement illisible.

tālpā[r]e 3 PL PT A de *tālp-* 'se purger (?)'

Cf. *tālpā[r]e* (THT 2360 a2).

Le *Grundverb* du verbe rare *tālp-* a été connu seulement par la forme *tālpālle** qu'on traite maintenant comme AV I du PR V (non pas comme AV II) [Malzahn 2010: 660]⁹. La forme du PT I *tālpā[r]e* correspond très bien au PR V.

Après *tālpā[r]e* on trouve *wcū[k]·////*, quelque forme de *wcuko* 'mâchoire', mais la structure syntaxique de la phrase n'est pas du tout claire.

kessate 3 SG PT M de *kās-* 's'éteindre'

Cf. *kessate* (THT 2376.1 a2).

Une forme tout à fait attendue, cf., par exemple, 3 SG PT A *kessa* et 3 PL PT M *kessante*.

karātai 2 SG PT M de *kār-* 'rassembler'.

Cf. *karātai* (THT 2648, 3).

Forme régulière, cf., par exemple, 3 PL PT M *karānte*.

(?) **kyauwa<s>** 2 PL PT A K de *ku-* 'verser'

Cf. *////·k(·)·kyau wa sa ÷* (THT 2839, 4 ; texte tardif de comptabilité).

Le causatif du verbe *ku-* est connu par la forme *kyauw[a]r[e]=n[e]* (THT 1575.g a5) 3 PL PT A K avec PE du 3 SG. Selon M. Malzahn, "the exact meaning remains uncertain; maybe the form rather belongs with the root *kau-* 'destroy, kill'" [Malzahn 2010: 597]. Mais, comme l'a montré M. Peyrot, le contexte est sans ambiguïté : *//// w[r]anta šār kyauw[a]r[e]=n[e] ////* 'ils ont fait verser des eaux sur ...' [Peyrot 2013a: 242]. Vraiment, on trouve une expression très semblable à la ligne B 121 a6 : (*////*) *nne wār šār pārśnān* 'ils répandent de l'eau au-dessus de...'. Si nous admettons qu'à la ligne THT 2839, 4 *sa* est écrit pour *s* final, on peut voir ici une forme *kyauwa<s>* 2 PL PT A K de *ku-* correspondant parfaitement à *kyauware**. Mais comme le contexte est presque perdu et notre interprétation suppose une orthographe erronée, elle reste absolument douteuse.

aiksamte 1 PL PT M de *aik-* 'savoir, reconnaître'.

Cf. *aiksamte* (THT 3153 b1, sans contexte).

Ce nouvel exemple rend encore plus douteuse l'interprétation traditionnelle de la forme *ekasta* (B 204 b3) comme 2 SG PT A de *aik-* : toutes autres formes connues de ce verbe sont moyennes.

pa[ššā]mai=ne 1 SG PT M avec PE du 3 SG de *pāsk-* 'garder, préserver'.

Cf. *pa[ššā]mai=ne anaišai ♦* (THT 4031 b5) 'je l'ai observé soigneusement'.

⁹ Une forme *tālpem* (PK AS 19.21 a3) en tout cas n'appartient pas au PR V. Qui plus est, cette forme semble être transitive; A. Huard, qui postule 'passer, traverser' comme sens de base de *tālp-*, propose pour la phrase entière la traduction 'Il traverse la terre du cercle d'or' [Huard 2022: 290]. Peut-être, cette forme constitue 3 SG CONJ A K? Le causatif («Antigrundverb») de *tālp-* est connu par l'INF *talptsi* [Malzahn 2010: 660–661], ce qui est compatible avec cette interprétation.

Une forme *paṣṣāmai* citée dans [Malzahn 2010: 698–699] n’est qu’une conjecture, c’est pourquoi le fragment THT 4031 nous en fournit la première attestation certaine. Le verbe *pāsk-* se combine fréquemment avec *anaīśai*, cf., par exemple, *anaīśai po paṣṣitrā* ♦ (B 135 b8) ‘qu’il observe tout soigneusement’.

3. Formes nominales choisies

Des formes nominales non enregistrées par des indicateurs sont nombreuses dans des textes inédits, mais la plupart de ces formes sont assez banales et ne nécessitent pas un examen détaillé. Peut-être ne serait-il tout de même pas inutile de présenter une courte liste des formes de ce type :

- *pkaintsa* (THT 1172 b2) PERL PL de *pako** ‘queue (de cheval, etc.) ; balayette (angl. chowrie)’;
- *tāñwāntse* (THT 1263 b4 [Tamai 2007]) G SG de *tañkw* ‘amour’;
- *kaumaiṃ* (THT 1311 a4 [Tamai 2007]), *k[au]mmaiṃ* (THT 1311 b2) ACC PL de *kaumiye* ‘étang’;
- *ṣecke* (THT 1335.c a8) ‘lion’;
- *rmāmoṃ* (THT 1346.a b3) ACC SG/PL M de *rmamo** ‘≈ s’inclinant, ayant une tendance’. D. Q. Adams indique justement que l’existence de l’adjectif *rmamo** est attendue en vertu d’un abstractum *rmamñe* ‘tendency; bow, reverence’ [Adams 2013: 588]; désormais, cet adjectif est attesté tel quel;
- *pailaikneṣu* (THT 1347 a3 ; pour *p<e>laikneṣu*) VOC SG M de *pelaikneṣṣe* ‘dévot, vertueux’;
- *kāśyapa* (THT 1575.a+b “a”5 [Tamai 2007]) VOC SG de *kāśyape* ‘Kāśyapa’;
- *mewyaṃ* (THT 1659.h a2) ACC PL de *mewiyo* ‘tigre’;
- *pyo[rīm]p(a)* (THT 1193+2247 b5) COMIT SG de *pyorye* ‘joug’ (non pas ***pyoriṣṣe*, *pace* [Adams 2013: 441]);
- *(po)ṣiyañ* (THT 2283 a3) N PL de *poṣiya** ‘côté, mur’. On peut reconstituer la forme *poṣiyañ** grâce à deux attestations endommagées : ce *//// (po)ṣiyañ* et *po[s]ī(yañ) ////* (B 299 b3);
- *cokāntse* (THT 2658 b2) G SG de *cok* ‘lampe’.

Des formes discutées ci-dessous portent plus d’information grammaticale ou lexicale nouvelle, c’est pourquoi elles sont commentées d’une façon un peu plus approfondie.

kerti N PL de *kertte* ~ *kerte* ‘épée’.

Cf. ♦ *kerti śaktinta triśulānta* (THT 1192 a2) ‘des épées, des lances, des tridents’.

Dans les indicateurs jusqu’à [Adams 2013: 211] une forme *kercci* est donné comme N PL de *kertte*. Il s’agit de l’exemple suivant : *sū(rya)kāmtṣi kercci ramt lāktseci* (B 73 b4 ; texte parallèle dans B 75 (= IOL Toch 89) b1) ‘brillants comme des *kercci* de cristal solaire’.

Mais un rapport entre *kertte* et *kercci* serait sans analogue : il n’y a pas d’alternance *t ~ c* devant le *-i* du N PL, cf. *yente* ‘vent’ — N PL *yenti*. Le sens aussi est étrange. Cependant le tokharien B dispose d’un mot *kercci* ‘palais’ (plurale tantum), cf., par exemple, *ñākte(m)ts lānte sāsweṃtse kercci* (PK AS 17f a5) ‘The palace of the lord, the king of gods...’ (traduction selon [CEToM]). Tout cela parle en faveur de la traduction ‘brillants comme un palais de cristal solaire’. On trouve déjà une traduction correcte dans [CEToM] avec un commentaire d’Adrian Mušitz : “*kercci* cannot be the plural of *kertte* “sword”. Sūryakānta-crystals were not used to make swords, but are used to decorate houses...”. La même idée (“these *kercci*-forms may actually belong to the paradigm of ‘palace’ rather than to that of ‘sword’”) est avancée sans argumentation concrète dans [Del Tomba 2023: 319].

L’attestation de la forme attendue *kerti* prouve définitivement que ***kercci* en tant que le N PL de *kerte* n’existe pas du tout.

kreske ‘tir à l’arc, lancement (?)’

Cf. **////** · **kälym**[i]šš[e] **kreske** ♦ **////** (THT 1205.k a1) ‘lancement dans la direction de ... (?)’.

Selon toute probabilité, le fragment THT 1205.k provient de même manuscrit que des folios THT 1192 et THT 1193+2247. Un des thèmes principaux de ce manuscrit est une condamnation de la chasse et des chasseurs. Il est possible donc que **kreske** soit un abstractum du verbe **kärsk-** ‘lancer’. Pour une “métathèse” de cette sorte cf., par exemple, **käln-** ‘sonner, résonner’ — **klene*** ‘≈ sonnerie, tintement’.

En tokharien A, où il y a le verbe **kärs-** ‘lancer’ qui correspond à tokharien B **kärsk-**, on trouve **krase*** dans un composé **pär-ra-krase** ‘coup de flèche’.

Il semble qu’un adjectif **kälymišše** (ou **X-kälymišše**) dérivé de **kälymiye** ‘point cardinal, direction’ ne soit attesté nulle part ailleurs.

naušwenta, <?> **no[s]uwenta** N-ACC PL F de **naušu** ‘antérieur, précédent’

Cf. ♦ **tarya naušwenta šno[n](a) ////** (THT 1290 b4) ‘trois épouses précédentes’.

Cf. **////** [–] **ntā rā** (–) **no[s]uwenta nraintane läklenta tu (////)** (THT 1363.d+b a3¹⁰) ‘...dans les enfers antérieurs les souffrances...’.

Des formes du PL de **naušu** n’étaient pas connues jusqu’ici. Pour la ligne THT 1290 b4 la lecture est sûre. Pour la ligne THT 1363.d+b a3 A. Huard donne **////** · **ñ** · **ntā rā** – **no puwenta nraintane läklenta tu (////)** ‘... les rayons [de la roue] ... les souffrances dans les enfers’ [Huard 2022: 490]. Bien que des chars (**kokalem**) figurent à la ligne a2, notre lecture semble préférable du point de vue paléographique (l’**akšara** après **no** est **šu** plutôt que **pu**) autant que du point de vue syntaxique (l’énumération commune des rayons de la roue et des enfers paraît un peu étrange). Quant à une contraction **au** → **o**, on en trouve un exemple sur un autre folio appartenant au même manuscrit : **alyoce** (THT 1363.c+a a1) au lieu de **alyauce** ‘mutuellement’.

wäsaryantsa ~ **wsaryantsa** PERL PL de <?> **wsaryo*** ‘≈ pré, endroit herbeux’

Cf. ♦ **samtentasa stānasa wäsaryantsa** (THT 1311 a5) ‘d’herbes, d’arbres, de prés’.

Cf. **////** [p]y · **wsaryantsa ciñcre** – **////** (THT 1402.c b2) ‘...de ... et de prés, tendre...’.

Sans aucun doute, on a affaire à un correspondant de tokharien A **wäsri*** ‘id.’. La variation **wäsaryantsa** ~ **wsaryantsa** n’est absolument pas claire (faut-il postuler le thème /wässäräy-/?); la même chose est juste pour la forme du N SG.

Dans THT 1311 a5 le mot **samtike** attesté plusieurs fois au sens de ‘remède’ a son acception originelle : ‘herbe, herbe médicinale’.

Pour THT 1402.c b2 on peut (non sans quelques difficultés paléographiques) proposer une restitution **////** (pya)[p]y[ai](m) **wsaryantsa** ‘...de fleurs et de prés’.

En tokharien A, des contextes sont très similaires : **wāwlunt ciñcraṃ wsäryäsyō** ♦ (A 70 a5) ‘sont couverts de tendres prés’ ; **ts[ā]las wsäryās [p]yāppyäsyō šul[i]ñi t[s]āñkru[nt wā](wluš)** (A 318ext [= A 318 + A 319 + THT 1418.d] b3–4) ‘les sommets des montagnes sont couverts de tsāl’s, de fleurs et de prés’.

āñmālāšmñai ACC SG F de **āñmālāšmo*** ‘≈ compatissant, miséricordieux’

Cf. **āñmālāšmñai** (THT 1536.a b2 [Tamai 2007]).

Comme l’a montré déjà A. J. Van Windekens, l’adjectif **āñmālāške** ‘compatissant’ « se compose de B **āñme** « le soi, le moi » et de B **al-āsk-** « être malade » » ([Van Windekens 1976: 146]; de façon surprenante, non mentionné par [Adams 2013: 8]). Peut-être, avons-nous ici quelque métaphore reliée à l’idée du sacrifice de soi.

Pourtant, le mécanisme exact ayant donné la forme **āñmālāške** est obscur ; une explication proposée dans [Hilmarsson 1996: 30] et admise par [Huard 2020: 15] — **āñmālāššālñie** + **-ške** → ***āñmālāššālñäške** → **āñmālāške** par haplogogie — est improbable (tout d’abord, un suffixe

¹⁰ Des jonctions THT 1363.c+a et THT 1363.d+b sont établies par A. Huard [2022: 488, 490].

adjectival *-ške* n'existe pas tel quel). Plutôt *añmālaške* provient de *añmālaše* 'id.' sous l'influence de *lalaṃške* 'tendre'.

Un composé *añmalāšmo** appartient à la même famille : il est dérivé de *añme* et *alāšmo* 'malade'.

keyyentse G SG de *kaiyye*^(*) 'chance, possibilité (?)'

Cf. *añmālāšmñai keyyentse pelaikne* (THT 1536.a b2) 'la Loi de la possibilité miséricordieuse (?)'.

Dans [Adams 1999: 200] et puis dans [Carling 2009: 158] tocharien B *kaiyye* est comparé à tokharien A *ke* 'chance, occasion'. Dans le nouveau dictionnaire du tokharien A cette comparaison est omise [Carling, Pinault 2023: 148], peut-être, parce que D. Q. Adams lui-même traite maintenant B *kaiyye* (suivant [Schmidt 1999: 14–15]) comme un adjectif signifiant 'bovine' [Adams 2013: 214].

Ce *kaiyye* est un *δῖς λεγόμενον*:

//// [-] [-] *k-ītār kaiyye wek šāp tārkanoy* ♦ (B 129 b6) '... et il lamentait à pleine voix';

//// [*mā*]nta tār koy nta kai[yy]e //// (THT 1184 b3 ; traduction cohérente impossible).

Le dernier fragment ne prête aucune information ; le premier n'en donne pas beaucoup plus, mais il est évidemment possible que *kaiyye* soit non pas un adjectif épithète de *wek* 'voix' mais un substantif subordonné à un verbe qui précède. À notre avis, la conjecture *(pre)k(s)ītār* 'il demandait' proposée dans [Sieg, Siegling 1953: 63, n. 4] contredit totalement la paléographie ; cela fait soupçonner que la forme *prekšītār* qu'on trouve dans [Malzahn 2010: 707] et qui en plus serait une seule forme moyenne dans le sous-paradigme du PR-IPF est fantôme. Au lieu de *(pre)k(s)ītār* on peut tenter de lire [*tā*]k[s]ītār (alors de *tāks*- 'détruire' ?!), mais cela reste très incertain¹¹.

Il faut ajouter que le sens 'de vache, bovin' est exprimé en tokharien B par l'adjectif *kewiye* et que, malgré une mention du lait (*mālkwer*) à la ligne a2, le folio B 129 n'ait pas l'air d'être consacré à une thématique agricole.

Pour la forme *keyyentse* une interprétation adjectivale est exclue, et l'acception 'chance, possibilité', loin d'être sûre, est toutefois admissible.

Tout cela veut dire que, *pace* [Schmidt 1999: l. c.], le traitement de *kaiyye* proposé dans [Adams 1999: 200] n'est pas forcément "abwegig". Si même *kaiyye* attesté dans B 129 et THT 1184 et *kaiyye** connu par le G *keyyentse* sont homonymes, ce deuxième *kaiyye** peut tout à fait être un correspondant du tokharien A *ke*.

amanīke 'orgueilleux'

Cf. //// nta mantālaṭse aknātsa ysalytse amanīke en(•)e //// (THT 1686+3280 a5) '...haineux, ignorant, hostile, orgueilleux, ...'

La conjecture *en[t](s)e(sse)* 'égoïste' est plausible, mais pas absolument certaine.

D. Q. Adams, semble-t-il, traite *ysalytse* non pas comme adjectif, mais comme une forme "syncopee" de *ysalyāntse*, G de *ysalye* 'discorde, envie' [Adams 2013: 567] ; cependant, c'est impossible.

La forme *amanīke* qui diffère par sa dérivation des formes voisines, est remarquable. Comme le suffixe *-ikV* est propre à plusieurs langues indiennes et iraniennes, il n'est pas toujours facile d'établir si tel ou tel mot en *-ik* (A) ~ *-ike* (B) est un dérivé proprement tokharien ou un emprunt. Si on se limite aux formes à côté desquelles il y a des formes sans *-ik* ~ *-ike* en tokharien-même, cela nous donne la liste suivante:

B *abhidhārm* 'Abhidharma' — *abhidharmike*

A *aṣāṃ* 'respectable, vénérable' — *aṣānik*, B *aṣāṃ* — *aṣānīke*

¹¹ On pourrait même confronter une "expression figée" *kaiyye tāks*- à une locution tokharienne A *mñe kāršt*- 'to cut off, destroy a hope' [Carling, Pinault 2023: 356] qui est bien attestée, mais il va de soi qu'il s'agit d'une construction absolument spéculative.

(?) B *brāhmaṇe* ‘brahmane’ — *brāhmaṇike* ‘?’ (IOL Toch 449 a2, sans contexte)
 A *kākmärt* ‘majesté, domination’ — *kākmärtik*, B **kamārt* — *kamartike*¹²
 A *kāruṃ* ‘compassion’ — *kāruṇik*, B *kāruṃ* — *kāruṇike**
 A *kritām* ‘gratitude’ — *kritānik*, aussi *akritānik** ‘ingrat (?)’, B *kritām** — *kṛtanīke*
 A *pintwāt* ‘aumône’ — *pintwātik**, (B *pintwāt* — ?¹³)
 A *spaktām* ‘service’ — *spaktānik*, B *spaktām* — *spaktanīke*

cf. aussi A *sne-pältik* ‘?’ : G. Carling et G.-J. Pinault en se basant sur l’acception ‘without justice, depraved’ dérivent ce mot de *sne-pal* ‘unrighteousness, injustice’ [Carling, Pinault 2023: 538]. Cela est peut-être plausible du point de vue sémantique mais semble absolument impossible du point de vue morphologique et morphonologique. S’agirait-il de quelque métaphore qui lie *sne-pältik* avec A *pält* ‘feuille’ (cf. [Poucha 1955: 383])?

Sauf *abhidharmike*, dont l’aspect graphique trahit l’emprunt non assimilé, tous les dérivés énumérés là-haut contiennent devant le suffixe *-ik* ~ *-ike* /n/ ou /t/. Comme on voit, la paire *amām* ‘orgueil’ — *amanīke* correspond très bien à cette régularité.

<?> *ko[lmy](e)* ‘bassin’

Cf. //// (ke)rcyenne *ko[lmy](e)* //// (THT 2272 a2) <pour la traduction v. plus bas>.

Comme montré dans [Huard 2022: 410–414], tokh. A *kolām** et son correspondant tokh. B signifient non pas ‘bateau’, mais ‘bassin’. Ce correspondant est connu par des formes obliques : Loc SG *kolmaine*, etc. A. Huard [Ibid.] restitue la forme du N SG comme *kolmo/a**, mais ces deux variantes n’épuisent toutes les options : *kolmiye** est admissible aussi.

La lecture *ko[lmy]*• //// est certaine, et il est difficile d’interpréter cette séquence autrement. Le sens général, ‘un bassin dans le palais’, est assez naturel.

À en juger par l’écriture, le fragment THT 2272 appartient à un manuscrit archaïque. Cela contredit la conception de M. Peyrot qui traite le modèle en *-iye* comme entièrement secondaire [Peyrot 2008: 106] (à notre avis, ce serait improbable). Mais la forme *ko[lmy](e)* n’est point isolée. M. Peyrot lui-même note que la forme *ymiye* ‘chemin’ se manifeste entre autres dans un texte archaïque (B 251 b4). À la ligne THT 2371.g a1 on trouve une forme *proskye* ‘peur’. M. Peyrot laisse le fragment THT 2371.g sans classification, mais, malgré ses dimensions minuscules, ce fragment doit être caractérisé comme indubitablement archaïque par l’écriture comme par ses traits linguistiques : cf. *kreñcān pāke(nta)* //// (a2) ‘bonnes parts’, //// (·)orsā (b1) quelque forme du PERL SG — les deux fois nous avons ā non accentué. Il se peut que le rapport entre les formes en *-iye* et en *-o* soit beaucoup plus compliqué que ne le suppose l’analyse de M. Peyrot.

Le N SG du mot fréquent ‘fleur’ est toujours *pyāpyo*. M. Peyrot avoue : “I have no solution for the lack of a nom.sg. ***pyapyiye*” [Ibid.]. Mais l’absence de ***pyapyiye* s’explique naturellement par dissimilation : en tokharien B, il n’y a pas de *-yiy-* sauf *-lyiy-* qui du point de vue phonétique est, bien sûr, /l’iy/ ; *lyeksiye* (PK DA M 507.39+43 a1) n’est qu’une orthographe erronée au lieu de *lyeksiye* ‘millet (?)’ attesté maintes fois.

añuṣṣai ACC SG F de *añuṣṣe** ‘paisible (?)’

Cf. //// *tsi* [k](·)e *ñaskemar kem añuṣṣai* — //// (THT 2377.h a3) <pour la traduction possible v. plus bas>.

L’adjectif *añuṣṣe** est dérivé de *ānu* ‘pause, repos; paix’ ([Van Windekens 1976: 165] : ‘cession, arrêt, repos’). À la ligne THT 2377.h a3, le verbe *ñaskemar* peut terminer une phrase

¹² À la ligne THT 1310 b4 (texte tardif) on trouve une forme bizarre *kamarttanike*. On pourrait la traiter comme une simple faute, mais pareil //// (ka)[m](a)rttanike doit probablement être restitué à la ligne THT 1602.d b1 (sans doute, texte tardif aussi). Cette forme remaniée attend encore son explication.

¹³ En tokharien B, la situation n’est pas claire. On y trouve *piṃwatikne* (PD Bois B114, 1) Loc SG (?) sans *-e* attendu et *piṇḍapātikem*[t](s) (THT 1424.e+1415.j a2) G PL de *piṇḍapātike** emprunté directement au sanskrit.

précédente ; mais si *keṃ añuṣṣai* porte sur ce verbe, cela donne un très bon sens : ‘...je cherche une terre paisible’.

<?> [yo]tkolanti G SG de *yotkolau* ‘≈ directeur’

Cf. [yo]tkolanti (THT 2930, 1).

Notre lecture coïncide avec celle d’Adrian Musitz [CEToM] qui se pose une question : “Is yotkolanti the plural of yotkolau?” Mais le pluriel de *yotkolau* doit être *yotkolañc** ou (car il s’agit d’un texte économique tardif) plutôt même *yotkolaṃs** (cf. *saṃtkīnau* ‘médecin’ — N PL *saṃtkinaṃs*).

Cependant, une autre solution s’impose. La forme archaïque et classique du G SG de tokharien B *walo* ‘roi’ est *lānte* tandis que la forme tardive en est *lānti*. À ce propos M. Peyrot note : “One would expect that the other nouns of the same class as *walo* (class 7), like *kāryorttau* ‘merchant’ [Krause, Thomas 1960: 137], display the same development, but I have not found attestations of the type **kāryorttanti* for *kāryorttante*” [Peyrot 2008: 97]. Si notre interprétation est correcte (la forme en question est presque sans contexte), cela signifie que l’hypothèse de M. Peyrot s’est bien confirmée.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — persona prima, secunda, tertia	M — medium
A — activum	N — nominativus
ACC — accusativus	N-ACC — nominativus-accusativus
AV — adiectivum verbale	OPT — optativus
COMIT — comitativus	PE — pronomen encliticum
CONJ — coniunctivus (= subjonctif)	PERL — perlativus
DU — dualis	PL — pluralis
F — femininum	PP — participium praeteriti
G — genetivus	PR — praesens
IPF — imperfectum	PT — praeteritum
K — Kausativum	SG — singularis
LOC — locativus	VOC — vocativus
M — masculinum	

BIBLIOGRAPHIE

- Adams 1999 — Adams D. Q. *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1999.
- Adams 2013 — Adams D. Q. *A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Vol. I–II. Amsterdam; New York: Rodopi, 2013.
- Carling 2009 — Carling G., Pinault G.-J., Winter W. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Vol. 1: A–J. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.
- Carling, Pinault 2023 — Carling G., Pinault G.-J. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2023.
- CEToM — *A comprehensive edition of Tocharian manuscripts*. Electronic resource. <http://www.univie.ac.at/tocharian/>.
- Del Tomba 2023 — Del Tomba A. *The Tocharian gender system: A diachronic study in nominal morphology*. Leiden; Boston: Brill, 2023.
- Hilmarsson 1996 — Hilmarsson J. *Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary*. Reykjavík: Málvisin-dastofnun Háskóla Íslands, 1996.
- Huard 2020 — Huard A. The development of the TB adjectives suffixed in *-ške/-śke*. *Tocharian in Progress*. Universität Leiden, 8–10.12.2020. Handout.
- Huard 2022 — Huard A. *Recherches sur les textes de méditation en tokharien*. Doctoral thesis. Paris: Université Paris sciences et lettres, 2022. <https://theses.hal.science/tel-03768156v1/document>.

- Itkin 2021 — Itkin I. Review of Kim, Ronald I. *The Dual in Tocharian: From Typology to Auslautgesetz*. (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft 26.) Verlag J.H. Röll GmbH, Dettelbach, 2018. *Kratylos*, 2021, 66: 124–148.
- Itkin 2022 — Itkin I. Formes nouvelles tokhariennes B extraites des fragments de Berlin I. Quelques formes nominales nouvelles ou “oubliées”. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2022, 21: 97–105.
- Itkin 2023 — Itkin I. B. Neopublikovannye tokharskie teksty iz sobraniya Berlinskoi biblioteki: nekotorye novye nablyudeniya [Unpublished texts from the collection of the Berlin library: Some new observations]. *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki. Issledovaniya yazykov Azii i Afriki: traditsii i perspektivy*. Zverev A. S., Malysheva S. D. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies, 2023, 229–250.
- Itkin, Malyshev 2021 — Itkin I. B., Malyshev S. V. Notae Tocharicae: *apālkāts, pārsā(n)ts, letse* et autres addenda et corrigenda-4. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 47–75.
- Kim 2018 — Kim R. I. *The dual in Tocharian: From typology to Auslautgesetz*. Dettelbach: J. H. Röll, 2018.
- Malzahn 2007 — Malzahn M. The most archaic manuscripts of Tocharian B and the varieties of the Tocharian B language. *Instrumenta Tocharica*. Malzahn M. (ed.). Heidelberg: Winter, 2007, 255–297.
- Malzahn 2010 — Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden: Brill, 2010.
- Peyrot 2008 — Peyrot M. *Variation and change in Tocharian B*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2008.
- Peyrot 2013a — Peyrot M. Review of Melanie Malzahn (2010) *The Tocharian Verbal System*. (Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics 3) Leiden / Boston: Brill. *Tocharian and Indo-European studies*, 2013, 14: 213–259.
- Peyrot 2013b — Peyrot M. *The Tocharian subjunctive: A study in syntax and verbal stem formation*. Leiden: Brill, 2013.
- Pinault 1984 — Pinault G.-J. Une lettre de monastère du fonds Pelliot Koutchéen. *Revue de la Bibliothèque Nationale*, 1984, 11: 21–33.
- Pinault 2008 — Pinault G.-J. *Chrestomathie tokharienne. Textes et grammaire*. Leuven: Peeters, 2008.
- Poucha 1955 — Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha: Státní Pedagogické Nakladatelství, 1955.
- Schmidt 1999 — Schmidt K. T. Beobachtungen zur tocharischen Landwirtschaftsterminologie. *Die Sprache*, 1999, 41(1): 1–23.
- Sieg, Siegling 1953 — Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B, Heft 2. Fragmente Nr. 71–633*. Thomas W. (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1953.
- Tamai 2007 — Tamai T. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection*. 2007. <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>.
- Van Windekens 1976 — Van Windekens A. J. *Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes*. Vol. 1: *La phonétique et le vocabulaire*. Louvain: Centre International de Dialectologie Générale, 1976.

Звуковые изменения: вариативность и регулярность

© 2024

Светлана Анатольевна Бурлак

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

svetlana.burlak@bk.ru

Аннотация: В работе предпринимается попытка совместить сведения о степени регулярности фонетических изменений, анализируемые в работах компаративистов и социолингвистов, с данными, касающимися, во-первых, усвоения языка, а во-вторых, лежащих в его основе мозговых механизмов; делается вывод о том, что при всей имеющейся в языке в каждый момент времени вариативности устройство человеческого мозга и механизмы языкового наследования определяют тот факт, что языковые изменения в долгосрочной временной перспективе оказываются в основном регулярными.

Ключевые слова: вариативность, звуковые соответствия, нейролингвистика, социолингвистика, сравнительно-историческое языкознание, усвоение языка, языковые изменения

Для цитирования: Бурлак С. А. Звуковые изменения: вариативность и регулярность. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 135–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.135-156

Sound change: Variation and regularity

Svetlana A. Burlak

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; svetlana.burlak@bk.ru

Abstract: In this paper I attempt to match the data on the degree of regularity of phonetic changes adduced by sociolinguists and specialists in historical and comparative linguistics with the data on language acquisition and brain mechanisms on which it is based. I conclude that despite the variation existing in any language at any moment of time human brain architecture and language acquisition mechanisms determine that, in a long-term perspective, phonetic changes are mostly regular.

Keywords: comparative linguistics, language acquisition, language change, neurolinguistics, sociolinguistics, sound correspondences, variation

For citation: Burlak S. A. Sound change: Variation and regularity. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 135–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.135-156

Введение

В настоящее время вопросам фонетических изменений и их регулярности уделяется значительное внимание. С одной стороны, в сравнительно-историческом языкознании принимается принцип регулярности фонетических соответствий, утвердившийся еще со времен младограмматиков, ср.: «Всякое фонетическое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление

фонетического изменения у всех членов языкового коллектива всегда одинаково, если не считать случая диалектного разделения, и все слова, заключающие подверженный изменению звук в одинаковых условиях, подчиняются ему безо всякого исключения» [Osthoff, Brugmann 1878: xiii] (цит. по [Мейе 1907/1938: 460]).

С другой стороны, исследования социолингвистов показывают, что среди носителей одного и того же языка в один и тот же момент времени можно наблюдать достаточно сильные расхождения в реализации одних и тех же фонем. Это может зависеть не только от места проживания (что объяснимо как деление языка на диалекты, а диалекта — на говоры), но и от пола, возраста, уровня образования, положения в социальной иерархии, профессиональной принадлежности, ситуации, в которой произносится высказывание, и т. д.

Так, например, в британском английском «при движении вверх по социальной лестнице вероятность опущения *h* в начале слова (...) монотонно убывает» [Даниэль 2019: 366] (со ссылкой на [J. Milroy 1983]), в хинди в селении Кхалапур высшие касты различают в произношении гласные *ə* и *u*, а представители низших каст во всех соответствующих словах произносят *ə* [Campbell 2004: 196].

В чукотском языке в XX в. на месте мужских *p*, *ч* и *pк*, *pг* женщины произносили *ц* и *цц* соответственно, например слово ‘морж’ в мужской речи выглядело как *рыркы*, а в женской — как *цыцыцы* [Скорик 1961: 33] (возможно, изначально это было связано с практикой экзогамии, при которой жены брались из групп, говорящих на каком-то из соседних диалектов [Dunn 1999]; современные представительницы чукотского этноса используют «мужское» произношение). Судя по описаниям языка наутатль классического периода, в одних и тех же словах мужчины произносили *w*, а женщины *v* [Campbell 2004: 196].

В новозеландском английском языке согласный *t* в середине слова может озвончаться, и это зависит как от частотности соответствующего слова, так и от того, употребляют ли его в большей степени молодые или пожилые [Hay, Foulkes 2016].

В валлийском языке именная группа, выступающая в наречной роли в начале предложения, может произноситься либо с мутацией начального согласного (*ddydd Llun* ‘в понедельник’), либо без (*dydd Llun*), первый вариант обычен для менее формальных контекстов, второй — для более консервативных [Thomas 1996: 431–432].

1. Пределы вариативности

Вообще, для любой фонемы в любом языке существует некоторый разброс возможных реализаций. Например, в английском языке Ньюкасла *t* в 12,5 % случаев реализуется так же, как *r*, а в других случаях — как *t̥*, *t̥*, *tʔ* или *ʔ* [Buchstaller et al. 2013: 91]; при этом имеются различия между старшими и младшими возрастами, между гендерами и между социальными стратами [Ibid.: 92].

Таким образом, для различных произнесений, репрезентирующих одну фонему, можно очертить некоторое «облако возможностей», расположенное в некотором диапазоне значений (например, при анализе по формантам или по главным компонентам; «облако возможностей» может быть многомерным). Так, например, И. И. Исаевым [2015: 229] были получены следующие данные для гласных одного из русских говоров Ярославской области (см. рис. 1, с. 137).

В некоторых случаях возможны зоны перекрытия. Например, в американском английском языке *t* в интервокальной постударной позиции произносится в виде аппроксиманта *r* (в отличие от *r*, которое в такой позиции реализуется в виде *ɹ*, с более низкой, чем у *r*, третьей формантой), при этом имеются такие частоты третьей форманты, которые могут, хотя и с невысокой вероятностью, соответствовать и *t*, и *r*; при этом у женщин и у мужчин зоны перекрытия (и вероятности попадания в эти зоны) различаются [Pierrehumbert 2016: 34–35].

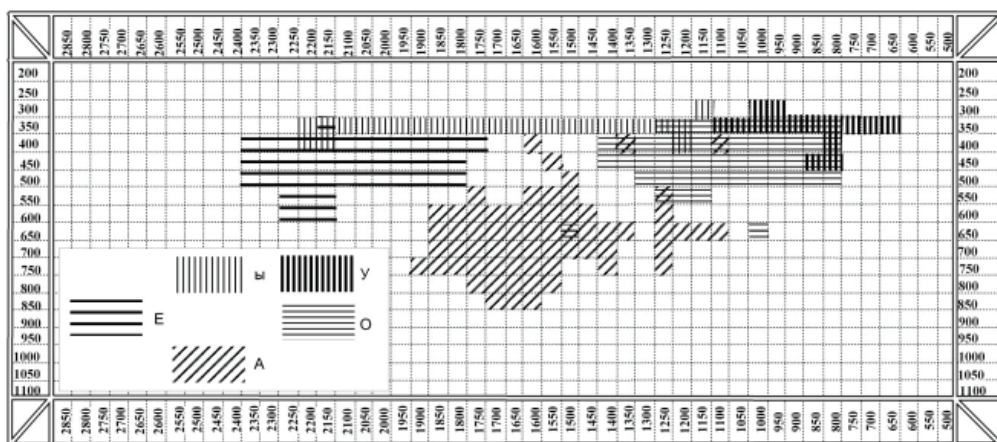

Рис. 1. Ударные гласные после твердых согласных (идиолект Т. В. Чашинной)

Варианты произношения возможны как у разных говорящих, так и у одного и того же говорящего — особенно хорошо это видно на материале корпусов, набранных для автоматического распознавания звучащей речи [Ohalo 2012: 24]. Для одного говорящего возможны также зоны перекрытия между реализациями разных фонем, например: У. Лабов зафиксировал такие варианты реализации гласного в английских словах *fool* ‘глупый’ и *full* ‘полный’ для одного из исследованных носителей английского языка [Labov et al. 1991: 39] (по оси ординат и оси абсцисс указаны частоты в мелах первой и второй формант соответственно):

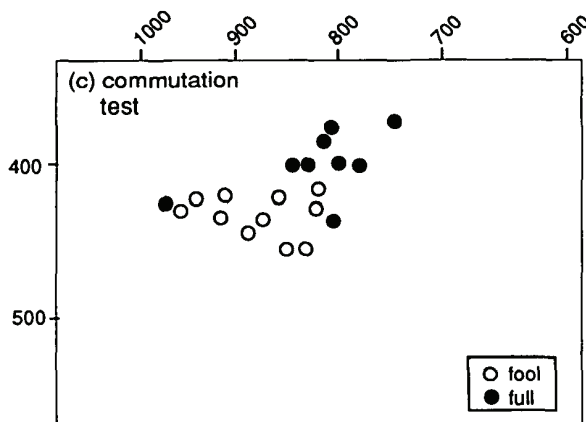

Рис. 2. Варианты реализации гласного в словах *fool* и *full*

Сам информант полагал, что оба слова звучат одинаково, тем не менее, при прослушивании записи собственной речи угадывал, какое слово было произнесено, с вероятностью выше случайной.

Любая языковая инновация — это распространение варианта, возникшего у кого-то из говорящих в какой-то момент времени, на других говорящих — представителей других социальных групп или других регионов, а также на другие стили [Ringe, Eska 2013: 48]. При этом следует понимать, что лингвистические «границы» между социальными группами носят не категорический, а статистический характер [Даниэль 2019: 366].

Кроме того, в выборе того или иного варианта произношения возможны колебания во времени. Так, например, в английском языке Филадельфии гласные перед носовыми согласными назализуются, при этом у людей, родившихся между 1950 и 1965 г., а также после 1980 г., назализация выражена в большей степени, а у людей, родившихся между 1965 и 1980 г., — в меньшей [Zellou, Tamminga 2014]. И дело не в возрасте — учитывались только говорящие, проходившие соответствующий опрос в возрасте до 25 лет.

2. Вариативность и частотность

В условиях имеющейся в любом языке в любой момент вариативности большую роль в языковых изменениях играет частотность.

Многие исследователи отмечают, что звуковые изменения начинаются с наиболее частотных слов. Например, *r*-образная реализация /t/ (известная как «правило *t-to-r*») в североанглийских диалектах представлена в слове *not* ‘не’, но не в слове *knot* ‘узел’, имеющем в точности тот же фонемный состав [Buchstaller et al. 2013: 91]. Лидируют по степени приемлемости *r*-образной реализации слова *not*, *what*, *but*, *let*, *got*, *at* — все они входят в первую полусотню наиболее частотных слов английского языка. В русском языке опущение *д'* между гласными встречается в таком частотном слове, как *будет*, но не встречается в редких словах, как, например, *остудит*.

В современном испанском языке (см. [Bybee 1994: 296–297] с лит.) звонкие согласные в позиции между гласными спирализуются — вместо *b*, *d* и *g* произносятся *β*, *δ* и *γ*, при этом *d* произносится наиболее ослабленно и чаще, чем *b* и *g*, выпадает совсем. Вероятно, это связано с тем, что в тексте именно *d* встречается чаще всего: из 20 000 подряд идущих фонем на долю *b* приходится 2,54 %, *g* — 1,04 %, а *d* — 5 % (т. е. вдвое больше, чем *b* и в пять раз — чем *g*). Такого рода процессы могут порождать нерегулярности фонетического развития: в норме латинскому *t* между гласными в испанском соответствует *d* (ср., например, *miedo* < *metus* ‘страх’, *hado* < *fatum* ‘рок, судьба’), но в глагольном окончании 2PPrs латинскому *-t-* в испанском соответствует нуль: лат. *-atis* > староисп. *-ades* > совр. кастильск. *-ais*.

Если в одних исследованиях наиболее инновативным оказывается произношение наиболее частотных слов и фонем, в других, напротив, отмечаются более быстрые изменения в низкочастотных словах [Phillips 2015]. Возможно, это связано с тем, что частотные слова распознаются даже при не очень четком произнесении — в силу того, что, согласно правилу Хебба, «чем чаще какие-то связанные друг с другом нейроны активируются совместно, тем более усиливаются между ними связи и, соответственно, тем меньшего стимула достаточно, чтобы активировать весь этот ансамбль нейронов целиком» ([Hebb 1949], цит. по [Бурлак 2016], см. тж. [Pulvermüller, Fadiga 2016]). Редкие же слова в такой ситуации распознаются хуже, и поэтому говорящие стремятся в произношении максимально отдалить их звуки от тех, что можно с ними перепутать. В результате эти звуки сдвигаются в область, характерную для некоторой другой фонемы, — остальные фонемы этого слова, а также его общий ритмический и просодический контур в сочетании с тем, что некоторый спорный звук точно не относится к такой-то фонеме, обычно дают возможность идентифицировать его однозначно. Но в этом случае реализация фонемы в четко произносимых словах (а редкие слова произносятся четче, поскольку при аллегривном произнесении их было бы трудно распознать) оказывается сдвинута — и это, в свою очередь, вызывает сдвиг следующей фонемы.

Если в редких словах в случае перекрытия «облаков возможностей» разных фонем выбирается вариант, максимально далекий от зоны перекрытия, то в частотных словах стремления максимально удалиться от этой зоны нет ([Pierrehumbert 2016: 45] с лит.), и в результате в них может сохраняться старое, несдвинутое произношение: говорящие — за счет

привычки — распознают их, не обращая внимания на то, что теперь та область пространства возможностей, где произносятся их гласные или согласные, принадлежит уже другой фонеме.

Возможно, подобное рассуждение применимо не только к словам в целом, но и к отдельным морфемам. Например, в истории тюркских языков начальное **n* переходило в **j* [Starostin S. et al. 2003: 24], но в вопросительном местоимении *ne* ‘что?’ оно сохранилось без изменения.

В результате подобных частотно-зависимых тенденций получается нечто вроде дополнительного распределения — но в зависимости не от фонетической позиции (как у младограмматиков) и не от места проживания говорящих («случай диалектного разделения»), а от частотности морфемы. Возможны также наложения одного распределения на другое. Так, в хрестоматийном примере сокращения долгого *ī* в английском языке (см., например, [Hock 2021: 931–933]) можно видеть комбинацию этих распределений: после задних согласных (т. е. тех, которые не являются ни губными, ни межзубными, ни альвеолярными) перед *k* гласный *u* всегда является кратким (*cook* ‘повар’, *rook* ‘грач’, *shook* ‘тряс’ и т. д.), после всех согласных, кроме задних, перед *k/g* допустимы варианты; перед другими согласными сокращение происходит в наиболее частотных словах (*good* ‘хороший’ — ранг частотности 111 по [Davies, Gardner 2010], *wood* ‘лес’ — ранг частотности 1272 [Ibid.], *could* ‘мог’ — 73 [Ibid.], *should* ‘должен’ — 125 [Ibid.]), в более редких допустимы варианты, а самые редкие (например, *brood* ‘выводок’, *scoop* ‘совок’, *aloof* ‘поодаль’ — все имеют настолько низкий ранг частотности, что в словарь [Davies, Gardner 2010], охватывающий 5 тысяч слов, не вошли) произносятся только с долгим *ī*.

3. Причины нерегулярностей в изменениях

В работе [Hock 2021: 932–934] в качестве возможного источника нерегулярных соответствий указывается неодинаковая скорость протекания разных языковых изменений: «медленные» изменения идут длительное время (так что вариативность может сохраняться в языке столетиями и слова разной частотности и/или разной фонетической структуры подвергаются изменению неодновременно), а «быстрые» — достаточно короткое (и через небольшое время перестают действовать на новые слова); при этом, если медленное изменение охватило часть слов, они могут успеть подвергнуться быстрому изменению, пока оно еще не закончилось. Когда же медленному изменению подвергнутся все прочие слова, подвергнуться быстрому изменению они уже не смогут (поскольку быстрое изменение к тому времени успеет завершиться), и в результате наблюдатель при рассмотрении финального состояния увидит нерегулярные соответствия [Ibid.]. В качестве примера приводится утрата огубленности у краткого *u* в южных диалектах английского языка XVI–XVII вв. (как в словах *but* ‘но’, *up* ‘вверх’ или *sun* ‘солнце’), успевшая — за короткий период своего существования — охватить также слова *blood* ‘кровь’ и *flood* ‘половодье’, где *u* изначально было долгим, но сократилось, пока редукция краткого *u* еще действовала; при этом такие слова, как *wood* ‘лес’, *good* ‘хороший’ или *book* ‘книга’ не были охвачены этим изменением, поскольку долгое *ī* в них сократилось позже [Ibid.]. Впрочем, согласно [Wells 1982: 199], сокращение гласных — потомков среднеанглийского долгого *ō* (в таких словах, как *blood*, *flood*, *brother* ‘брат’, *done* ‘сделанный’), происходило на несколько столетий раньше, чем нынешнее сокращение долгого *ī* в словах типа *good* или *could*, так что в течение длительного времени слова типа *book*, *good*, *foot* произносились еще с долгим *ī*, а слова *blood*, *flood*, *brother*, *done* — уже с кратким. Иным было и правило изменения: если нынешнее сокращение происходит в первую очередь перед велярными после «задних» (не губных, не межзубных и не альвеолярных) согласных, а также в высокочастотных словах (см. выше), то более раннее сокращение происходило перед альвеолярными

согласными и не происходило перед велярными (при этом согласный, предшествующий гласному, вероятно, не должен был быть ни губным, ни заднеязычным, ср. *blood, flood, brother, done* и *book, good, foot*). Соответственно, сокращение $\bar{u} > u$ — это не одно «медленное изменение», а два разных, происходивших в разные времена, в разных условиях и независимо друг от друга. Так что фонетические соответствия в данном случае оказываются вполне регулярными, а различие в контекстах сокращения позволяет установить относительную хронологию изменений.

При проникновении языкового элемента в другие социальные слои большую роль играет фактор престижа: вариант, который считается престижным, начинает предпочитаться в речи тех, кто ранее использовал другой вариант. Как пишет Х. Хок [Hock 2021: 929–930], это происходит неосознанно, и поэтому шансы инновационного варианта закрепиться в роли социального маркера тем выше, чем менее заметны для носителей языка его отличия от варианта более раннего (заметные отличия носители языка склонны считать «речевыми ошибками», и поэтому они не могут стать престижными). В результате новый вариант в конце концов полностью вытесняет старый, и изменение получается регулярным в строгом младограмматическом смысле. Если же в роли социального маркера оказывается заметное изменение (типа метатезы или диссимилиации), оно будет распространяться «слово за словом» и может закончиться раньше, чем охватит все слова, где есть необходимые для него условия — и тогда произойдет нерегулярное изменение [Ibid.].

Стоит отметить, что получившихся в результате нерегулярных соответствий будет очень мало: они могут закрепиться только в словах, которые все носители языка (или их подавляющее большинство) будут твердо помнить как единое целое — без обращения к фонемному составу и фонотактическим привычкам. Вероятность, что при разделении языка-предка на языки-потомки такое произойдет независимо во всех ветвях, невелика — и именно поэтому при сравнительно-исторических исследованиях наблюдаемые нерегулярные развития, во-первых, крайне малочисленны, а во-вторых, ограничены какой-то одной из дочерних ветвей, в большинстве же потомков развитие оказывается совершенно регулярным.

4. Стадии звуковых изменений

То, что языковые изменения (в том числе, изменения звуков) не могут происходить одномоментно, а должны демонстрировать какую-то постепенность, сомнений не вызывает. Но не для всех изменений механизмы этой постепенности очевидны. Когда, например, *u* переходит в *ü*, можно рассматривать это как «постепенное упреждение артикуляции». Но существуют изменения, где такой постепенности нет. Например, в швейцарском французском в начале XX в. представители старшего поколения произносили [ʎ], а младшего — [j], при этом никаких промежуточных артикуляций не наблюдалось ([D'Arcy 2015: 585] с лит.).

Между тем для признаков, устроенных по принципу «всё или ничего», промежуточные стадии тоже возможны [Бурлак 2021] — только реализуются они не на звуке, носителе признака, а на популяции. Таким образом, в одних и тех же позициях (при этом в тех случаях, которые не могут быть списаны на «диалектное разделение») члены одного языкового сообщества могут произносить разные звуки. Это приводит многих исследователей к мысли, что языковые изменения происходят по принципу «слово за словом» ([Bybee 2006: 199–201] с лит.).

В авангарде языковых изменений обычно идет молодежь (см., например, [Guy 2003: 384]): если отличное от общепринятого произношение встречается в речи детей, его можно рассматривать как результат неполного освоения языка, но когда его демонстрируют молодые взрослые (возрастная когорта 18–25 лет), его трактуют как инновацию. И в этом

есть резон: до наступления пубертатного периода мозг доступен перестройке в большей степени, чем после [Fundamental 2008: 1047–1048]. Однако инновационное произнесение наиболее частотных слов может распространяться и в обратном порядке — от младших возрастных групп к старшим (см., например, [Sóskuthy et al. 2018]). Вероятно, причина этого состоит в том, что люди слышат инновативное произношение соответствующих слов настолько часто, что их звуковой образ, хранящийся в памяти, смещается от варианта, выученного в детстве, к тому, который чаще всего приходится слышать сейчас. Это общий принцип работы памяти: всякий раз, когда мы активируем то или иное воспоминание (например, слышим знакомое слово), появляется возможность что-то в нем изменить или добавить (см., например, [Sinclair, Barense 2019; Schacter 2022]).

Однако же, несмотря на фиксируемую социолингвистами синхронную вариативность, при исследовании звуковых соответствий между родственными языками, равно как и при исследовании языков с достаточно долгой письменной историей соответствия между родственными языками (или между более ранним и более поздним состоянием одного и того же языка) оказываются вполне регулярными, число исключений бывает очень невелико (и исключения эти концентрируются в основном в предсказуемых местах [Бурлак, С. Старостин 2005: 50–51]). Более того, те случаи, которые описывались как полная нерегулярность, при ближайшем рассмотрении оказываются подчиняющимися вполне регулярным правилам (см., например, [Живлов 2006]). Даже в английском языке, где на процесс языкового наследования оказали сильное влияние языковые контакты, 88 % слов можно перевести с древнеанглийского на современный без единой нерегулярности, в точном соответствии с правилами фонетических изменений и морфологических процессов, среди оставшихся 12 % у большинства слов нерегулярно развивается всего по одной фонеме, так что, с учетом средней длины английского слова в четыре фонемы, уровень нерегулярности можно оценить как 3 % за тысячу лет [Ringe, Eska 2013: 80].

5. Наследование звукового строя языка

Причина этого, по-видимому, лежит в области механизмов языкового наследования.

Человек, осваивающий язык, слышит не фонемы, не аллофоны и даже не слова (ср. [Labov 2010: 260]), а высказывания, вычленив из которых отдельные слова (а также легко выделяемые продуктивные морфемы) он научается лишь с некоторого возраста. Для того, чтобы делать это с уверенностью, человеку — в условиях произвольности языкового знака (и, соответственно, невозможности опираться на какие-либо природные реалии) — необходимо научиться отличать разные слова (а также легко выделяемые продуктивные морфемы) друг от друга. Средство, сформировавшееся в человеческом языке для такого различения — это фонемы, точнее, их дифференциальные признаки: любые две (неоминимичные) морфемы в любом языке различаются как минимум на одну фонему, а любые две фонемы — как минимум на один дифференциальный признак.

Эти признаки — как и наборы фонем в целом — различаются в разных языках и, следовательно, не являются врожденными, а должны сформироваться у каждого носителя языка в ходе прижизненного опыта. При этом ребенку, усваивающему язык, приходится иметь дело не только с правильными (наиболее распространенными), но и с ошибочными вариантами, и он должен научиться отличать их от правильных так, чтобы это не сказывалось на достраиваемой им системе усваиваемого языка [Hale 2003: 366].

После рождения мозг человека вырастает более, чем втрое [Brown, Jernigan 2012], при этом нейроны могут специализироваться в ходе прижизненного опыта, формируя связи с другими нейронами. В первые годы после рождения количество таких связей возрастает очень быстро. К возрасту двух-трех лет число межнейронных связей (синапсов) на каждый нейрон (в среднем) в мозге ребенка «составляет 15 000, что гораздо больше, чем

у взрослого человека» [Ахутина 2014: 379]. Но затем начинается удаление лишнего (англ. pruning): все большую роль начинает играть отмирание синапсов, оказавшихся невостребованными, и укрепление используемых межнейронных связей.

6. Роль речи, обращенной к ребенку

При формировании межнейронных связей в ходе усвоения языка важную роль играет речь старших (прежде всего матери), обращенная к ребенку. Такая речь обладает целым рядом существенных особенностей. Для этого регистра характерны более медленный темп речи (в сочетании с растягиванием слов), более высокий тон голоса, более четко артикулируемые различия между фонемами (например, между узким *e* и широким *ε*, а также между долгими и краткими гласными), преувеличенно выраженная интонация и движения губ, более короткие высказывания, более длинные паузы, обилие повторов (в разных культурах это может быть устроено несколько по-разному, см. [Цейтлин 2000; Stoll 2009; Narayan 2013: 139; Cox et al. 2023]), нередко сопровождаемое перестановкой компонентов предложения: «*“Мячик упал у Мишеньки. Дай мне мячик. Красивый мячик”*». Это помогает ребенку членить высказывание, выделяя в нем слова» [Цейтлин 2000: 28–29] (выделение автора. — С. Б.). При разговорах с маленькими детьми — то есть именно в тот период, когда происходит овладение звуковым обликом слова, — взрослые склонны произносить слова так, как они произносятся в просодически выделенной позиции (например, в случае контрастивного выделения) [Salmons et al. 2012]. И, по некоторым данным, направление изменения той или иной фонемы может быть связано с тем, как именно отличается от обычной ее реализация в просодически выделенной позиции [Ibid.: 173–175].

Подчеркивание артикуляционных движений в речи, обращенной к ребенку, способствует интеграции зрительной и слуховой информации [Дубровинская 2009]. Благодаря зеркальным нейронам, мимика неосознанно копируется (см., например, [Macedonia, Kepler 2013; Stephens 2022]), и это оказывается значимым для соотнесения характеристик слышимой звуковой волны с моторными командами, кодирующими движения органов артикуляции [Pulvermüller, Fadiga 2016: 314; Reiss 2022: 602]. Если, например, предъявлять шестимесячным младенцам звуки из сгенерированного континуума от *ba* до *da* и правильную артикуляцию, они оказываются способны поставить резкую границу между слогами, а если неправильную, то не разбирают, какой слог был сказан [Dick et al. 2016: 375].

За счет этого в мозге ребенка формируются устойчивые комбинации нейронов, активирующиеся совместно — нейронные ансамбли. При этом, согласно правилу Хебба (см. выше), чем чаще какие-то нейроны активировались одновременно, тем меньше стимула достаточно, чтобы в следующий раз активировать всю эту группу нейронов целиком.

Кроме того, «матери повторяют многое из сказанного ребенком, корректируя эти фрагменты в звуковом и грамматическом отношении» [Цейтлин 2000: 32]. Ср., например, [Там же: 32–34]:

- (1) Мама: *Кто это?*
 Ребенок: *‘ХУГУ’*
 Мама (с утвердительной интонацией): *Хрюша.*

Ср. тж. примеры из финского и эстонского [Laalo, Argus 2020: 93–94]:

- (2) Мари (2 года 1 мес., финский язык):
nyt ne haluaa kalo-ja puulutta-ma-an
 теперь они хотеть рыба-PL ловить-SUBST-ILL.SG
 ‘Теперь они хотят пойти ловить рыбу’.

Мама:

kalo-ja pyydystä-mä-än
рыба-PL ловить-SUBST-ILL.SG

‘Ловить рыбу’.

- (3) Хендрик (2 года 3 мес., эстонский язык):

tät-u pesi
рука-DIM мыть

‘[Я] помыл ручки’.

Мама:

kät-u-sid pesi-d?
рука-DIM-PART.PL мыть-2.SG.PAST

‘[Ты] ручки помыл?’

Хендрик:

jaa
да

‘Да’.

Это способствует усилению нейронных ансамблей, связанных с правильной (характерной для данного слова данного языка в данный период времени) звуковой волной.

При распознавании речи на слух работает принцип «много акустических ключей — один признак», например, глухость-звонкость взрывных согласных распознается по времени между моментом размыкания смычки и началом звучания голоса, по наличию перехода первой форманты в последующем гласном, по интенсивности шума перед гласным в соотношении с собственной интенсивностью гласного и еще по нескольким признакам [Кодзасов, Кривнова 2001: 246]. Сами же акустические ключи зависят от контекста, так что в результате можно, например, так подобрать гласный звук, чтобы между *p* и *š* он был распознан как *a*, а между *t* и *s* — как *o* ([Там же: 243] с лит.).

7. Формирование нейронных ансамблей

Формирование акустических ключей основано на врожденных способностях человеческой слуховой системы: в мозге есть нейроны, реагирующие на элементарные акустические события — уменьшение или увеличение энергии звука, скорость изменения энергии звука, понижение или повышение частоты звука и т. п. [Там же: 227–228]. Комбинации показаний таких нейронов дают возможность распознавать звуковые контрасты (см. [Idsardi, Monahan 2016: 147] с лит.). Каждый фонологический признак представляет собой комбинацию показаний нейронов, распознающих отдельные акустические характеристики звука [Reiss 2022: 598].

Таким образом, в ходе усвоения языка в мозге человека формируются нейронные ансамбли-детекторы, объединяющие определенные наборы акустических ключей в дифференциальные признаки, характерные для его языка. В некоторых исследованиях обнаруживаются нейроны (в области верхней височной борозды и верхней височной извилины), стимуляция которых оказывает влияние на распознавание всех взрывных, или всех сибилантов, или всех лабиальных, или всех верхних передних гласных и т. п. [Ibid.: 596–597] с лит. — видимо, такая специализация нейронов происходит в результате прижизненного опыта (и, соответственно, различается в разных языках и в разные периоды времени) и приводит к тому, что изменения обычно охватывают «естественные» классы звуков (например, все глухие взрывные или все огубленные передние гласные).

В каждом языке в каждый момент времени одни признаки звуков оказываются независимы друг от друга, тогда как другие — объединены. Так, например, в древнерусском

языке до падения редуцированных были объединены ряд гласного и твердость-мягкость предшествующего согласного, а кроме того, у гласных среднего подъема переднерядность была объединена с неогубленностью, заднерядность — с огубленностью.

В нейронный ансамбль, обеспечивающий порождение и распознавание конкретного слова, входят не только нейроны, участвующие в распознавании соответствующей звуковой волны, и нейроны, кодирующие моторную программу, обеспечивающие правильную (т. е. соответствующую данной звуковой волне) артикуляцию, но и нейроны, распознающие тот элемент реальности, который обозначается этим словом. Обычно это какой-то конкретный предмет, но необязательно: главное, что способствует выучиванию слова, — это легкость угадывания коммуникативного намерения взрослого [Tomasello 2003: 37, 142], поэтому в числе первых выучиваются такие слова, как ‘нет’, ‘дай’, ‘еще’, ‘холодно’, ‘пока!’ и т. п.

И именно от того, какие акустические ключи чаще всего распознавались в связке с заданным элементом реальности, зависит то, какие из них окажутся существенными. Так, например, девятимесечных младенцев — носителей английского языка — можно научить различать зубное и альвеолярное *t*, если связывать их с разными объектами [Dick et al. 2016: 375]. Носители тагальского языка (в отличие от носителей английского) обучаются отличать *n* от *ɲ*, несмотря на их акустическую близость, поскольку в тагальском языке различие между *n* и *ɲ* фонематично [Ibid.: 374].

Языковые выражения, которые звучат вокруг, но не обращены к ребенку и не обладают перечисленными свойствами, оказывают гораздо меньшее влияние, потому что, как показали исследования, если дети слышат лишь взрослую речь, не обращенную к ним (будь то разговоры взрослых между собой или реплики, доносящиеся из телевизора, который глухие родители включили своему слышащему ребенку в надежде, что он овладеет звуковым языком), этого оказывается недостаточно для того, чтобы соотнести слова со значениями и заговорить [Sachs et al. 1981; Roy et al. 2015].

Освоение языка продолжается долгие годы, и если в первые годы жизни ребенок слышит в основном произношение матери (в разном настроении и самочувствии — что накладывает отпечаток на конкретные свойства звуковой волны), то в 8–12 лет он в большей степени ориентируется на произношение сверстников и детей чуть более старшего возраста [Stanford 2015: 474; D’Arcy 2015]. Это позволяет ему услышать больше разнообразных вариантов произношения, распространенных в его языковом сообществе. В итоге в распоряжении человека, осваивающего язык, оказывается множество «экземпляров» одного и того же слова — сходных, но не полностью тождественных — в комбинации с тем элементом реальности, которому это слово соответствует.

Если, например, в языке есть противопоставление по звонкости-глухости, то ключи (хотя бы некоторые), позволяющие с надежностью определить данное качество согласного, будут воспроизводиться (и, тем самым, распознаваться) в любом произнесении слов с соответствующими согласными — и при повторях, делаемых одним и тем же человеком, и при произнесении соответствующих слов разными людьми. Так, носителям русского языка придется столкнуться со множеством несколько различающихся произнесений слов *papa* и *баба* — и те акустические свойства, которые будут наименее подвержены варьированию, т. е. воспроизводиться всякий раз в обязательном порядке (и, соответственно, позволят с максимальной надежностью определить, какое слово было произнесено), лягут в основу звукового образа этих слов (и именно этот образ ребенок будет пытаться воспроизвести при попытках их произнесения). Здесь действует все то же правило Хебба: чем чаще какие-то нейроны активируются совместно, тем в большей степени они оказываются связаны друг с другом.

В результате в наибольшей степени усиливаются те нейронные связи, которые с максимальной эффективностью ведут к правильному распознаванию и порождению правильно распознаваемых слушающими языковых выражений — независимых от характеристик конкретного голоса и эмоционального состояния различных говорящих. Таким образом,

существенные черты элемента реальности (позволяющие надежно отличить один такой элемент от другого) комбинируются с существенными чертами языковой формы, которая этот элемент реальности кодирует.

Произносительные ошибки, характерные для младшего возраста, к этому периоду сходят на нет (большинство произносительных вариантов, характерных для детей раннего возраста, утрачивается уже к трем годам [Foulkes, Vihman 2015]). Именно этим, вероятно, обусловлен тот факт, что, как отмечает Дж. Охала, судя по сходству, которое демонстрируют этимологически тождественные слова родственных языков (ср., например, англ. *fish* и исп. *pez* ‘рыба’), звуковые изменения — явление достаточно редкое [Ohala 2012: 25].

Человек в ходе овладения языком (которое не заканчивается в раннем возрасте, а продолжается, по крайней мере, до того момента, как человека начинают считать взрослым) научается воспроизводить не только дифференциальные признаки фонем, но и дополнительные признаки, а также отличительные особенности, характерные для разных стилей и регистров, разного темпа и разной фразовой интонации. По некоторым данным, вариативность, в том числе ее связь с социальными переменными типа пола и возраста, усваивается детьми достаточно рано — в три-четыре года (см. [Stanford 2015: 472] с лит.).

Исследования показали, что человек хранит в памяти довольно много информации о произнесении слов, не относящейся напрямую к их фонемному облику [Sóskuthy et al. 2018], — при запоминании слов работает эпизодическая память. В одном из экспериментов [Pierrehumbert 2016] напоминание о ситуации, с которой связаны соответствующие слова, вызывало сдвиги в произношении, например, демонстрация коалы вызывала у англоязычных испытуемых склонность произносить гласный *i* на австралийский манер, предъявление глазгианского диалекта вызывало появление придыхания у срединного *t* в словах типа *notice* (притом, что предъявляемые образцы глазгианского диалекта срединного *t* не содержали). Вероятно, похожий случай отражен в новгородской берестяной грамоте № 725 (1180–1200 г.): ...*котореи любо потроудиса до владычъ...* ‘пусть кто-нибудь из вас (двоих) доберется до архиепископа’ [Зализняк 2004: 415]. Здесь представлена новгородская форма генитива с окончанием *ъ*, но при этом имеется нехарактерная для новгородского диалекта вторая палатализация *к > ц* перед *ъ* (*ч* вместо *ц* — отражение неразличения этих фонем в новгородском диалекте), явно возникшая под влиянием церковнославянского языка, актуализировавшегося в голове у писавшего при мыслях об архиепископе. Возможно, подобные механизмы могут лежать в основе по крайней мере некоторых случаев нерегулярных соответствий, развивающихся под влиянием соседнего диалекта (в том числе таких, которые не допускают трактовки как прямых заимствований).

Эпизодическая память подключается автоматически — в результате одновременной активации нейронных связей, ответственных за распознавание слышимых высказываний и соответствующих элементов реальности. В результате при овладении языком в голове человека строится несколько вариантов звуковой системы, позволяющих распознавать и порождать высказывания в разных темпах, регистрах, разговорах с носителями разных диалектных, социолектных и т. д. вариантов. И здесь уже начинает играть роль не только способность четко распознавать одни различия и игнорировать другие, но и возможность отфильтровывать влияние контекста — не только собственно языкового (влияния соседних звуков — как непосредственно примыкающих к данному, так и отделенных от него «прозрачными» для соответствующего правила сегментами, — положение относительно границ слова, места ударения и т. д.), но и ситуативного (возраст, пол и другие особенности говорящего, слушающего, их взаимоотношений, ситуация разговора и т. д.) [Ohala 2012: 25]. Только в этом случае слово, услышанное в одной ситуации, может быть употреблено в другой — с корректной заменой всех необходимых произносительных особенностей.

8. Ограничения на возможные нерегулярности звуковых изменений

Как уже говорилось (см. выше), реально слышимые ребенком реализации фонем (как одним человеком, так и разными людьми в разные моменты времени) не тождественны друг другу, но укладываются в некоторое «облако возможностей». Чем ближе расположен звук к границам соответствующего диапазона признаков, тем дольше по времени он распознается, как показывают эксперименты [Кодзасов, Кривнова 2001: 242]. В результате возникает «магнитный эффект»: даже те произнесения, которые оказываются не сколько за пределами «облака возможностей», «притягиваются» к ближайшей фонеме [Labov 2010]. Поэтому в ходе языковых изменений ни одна фонема, несмотря на имеющееся у нее огромное количество вариантов реализации, не может разделиться на сотню и даже на десяток новых фонем: варианты, попавшие слишком близко к краям «облака возможностей», будут распознаваться слишком плохо для того, чтобы их реально было превратить в отдельные сущности.

Тот факт, что нейронный сигнал идет по наиболее наработанным связям, позволяет объяснить, как ребенок отличает неизбежно слышимые им ошибочные формы от правильных. Ошибочные формы редки, поэтому нейронные контуры, которые бы обеспечивали связь такой формы с необходимым смыслом, не успевают наработаться: правильные формы встречаются гораздо чаще, так что соответствующие им нейронные контуры срабатывают более быстро и эффективно. Так, например, в таких словах, как *когда*, *тогда*, *только*, *сколько* и т. п., первый согласный из сочетания, расположенного между гласными, в спонтанной устной речи часто выпадает, но тем не менее, как показывают исследования, «ни для одного слова не было получено данных о значимом преобладании вариантов с выпадением согласного над вариантами с сохранным консонантным кластером» [Риехаккайнен 2020: 678]. То есть даже в случаях, когда отличающаяся от стандарта форма встречается достаточно часто, «правильная» форма все же имеет больше шансов лечь в основу хорошо наработанных нейронных контуров. Случайные же оговорки встречаются еще реже, и к тому же каждый раз разные, поэтому нейронные контуры, которые бы обеспечивали связь такого произношения с соответствующим смыслом, не успевают наработаться.

В ситуации, когда определяющим фактором языкового наследования является то, сколько раз нужные комбинации нейронов активировались совместно, большую роль играет частотность — сколько раз человеку попадется тот или иной вариант произношения (как вообще, так и в сравнении с другими возможными вариантами). Как показывают исследования, существует некоторый уровень частотности, при достижении которого она начинает нарастать лавинообразно — в результате звуковое изменение имеет вид S-образной кривой, см., например, [Bailey 1973; Зализняк 2004: 60].

Слова, встречающиеся не слишком часто, могут содержаться в памяти как неупорядоченные наборы различных фонетических признаков: если нет другого слова, содержащего те же признаки, но в другой комбинации (и задающего, тем самым, конкурирующую нейронную активацию), простой суммы признаков оказывается достаточно для распознавания слова. В этих случаях могут происходить метатезы, ср., например, исп. *cocodrilo*, восходящее в конечном счете к греч. *κροκόδιλος*, лат. *forma* и греч. *μορφή* ‘форма’ (восходящие явно к одной и той же праязыковой лексеме). То, что в эти наборы могут входить не фонемы целиком, а отдельные признаки, иллюстрирует пример тиндинского слова *tuka* / *kuta* ‘козел’, где перестановке подвергается не фонема целиком, а лишь отдельные ее признаки. Формы *tuka* или *kuta* находятся в свободном варьировании; данные внешнего сравнения показывают, что исходная аваро-андийская форма **tuka*, где глоттализованный согласный в начале слова является дентальным, а неглоттализованный согласный в середине — велярным; палатализация велярного произошла уже в тиндинском [Nikolaev, S. Starostin 1994: 1003–1004].

Форма *kúta*, безусловно, не является регулярным продолжением праязыкового **tuka*, но существенно, что таких форм не может быть много: слова, которые встречаются в речи часто, будут предъявлены новым поколениям носителей достаточное количество раз для того, чтобы нейронные связи сформировались нужным образом и набор фонем оказался бы упорядочен единообразно.

9. Роль социума в звуковых изменениях

Следует отметить, что частотность одной и той же языковой единицы может быть разной в разных социальных группах — возрастных, гендерных, профессиональных, конфессиональных и т. д., а также в разных регистрах. Кроме того, частотность может меняться со временем.

В результате для каждого ребенка, овладевающего языком, картина частотности языковых единиц оказывается разной. И распространение того или иного инновативного произношения оказывается в зависимости от конфигурации социальной сети, в которую он включен — т. е. того, с кем и в каких количествах (и в каких ситуациях, на какие темы) он общается, с кем и в каких количествах (и в каких ситуациях, на какие темы) общаются эти люди, см., например, [L. Milroy, Gordon 2008; Kadushin 2012]. Человек, у которого есть несколько кругов общения, имеет больше шансов привнести в один из них языковые элементы, характерные для другого (и, тем самым, способствовать возникновению инновации). Человек с большим количеством социальных связей может сильнее повлиять на языковое изменение, чем множество людей, находящихся на периферии социальной сети (т. е. мало включенных в общение) [Dediu, Moisik 2019]. В то же время люди с большим количеством социальных связей внутри небольшого сообщества часто бывают носителями более консервативных языковых привычек [L. Milroy 1980]. Большое значение имеет престиж: чем большим престижем пользуется тот или иной член языкового коллектива, тем с большей вероятностью его произношение будут копировать (в том числе неосознанно, ср. [Henrich 2016: 39–40, 255]). Таким образом, изменение топологии социальной сети может привести к изменениям в языке [Dediu, Moisik 2019]. В частности, те слова, которые имели варианты с нерегулярным развитием из-за факторов престижа, с большой вероятностью будут регуляризованы.

Возможно, именно с малочисленностью круга общения связана нерегулярность фонетических соответствий, отмечаемая для креольского языка о. Норфолк [Беликов 1998: 56]: основу его населения составили выходцы с о. Питкэрн, на котором в некоторый момент осталось совсем немного людей — «четверо британцев и десять таитянок с детьми» [Там же: 54]; один из британцев был лидером колонии, и, вероятно, его произношение служило образцом для остальных [Там же: 55]. Можно с высокой вероятностью предполагать, что при таких характеристиках языкового коллектива разные слова встречались в речи разных носителей неравномерно, и тем самым материала для усреднения представлений об одних и тех же фонемах в разных словах оказывалось недостаточно, так что для одного слова закреплялся один вариант произношения, а для другого — другой.

Вероятно, столь же нерегулярных соответствий можно ожидать от редких фонем: поскольку они встречаются в малом количестве слов, ребенок во время чувствительного периода может не успеть (особенно если эти слова редки сами по себе) услышать их от такого количества говорящих, которое бы позволило ему с уверенностью отнести слышимые звуки к соответствующей фонеме. Существенно, однако, что таких нерегулярных соответствий будет крайне мало: для того, чтобы их наблюдать, необходимо, чтобы слово (а) содержало редкую фонему (которая при этом не очень хорошо выводится из хорошо запомненных акустических ключей), (б) было редким само по себе (настолько, что его не смогут услышать достаточное число раз, чтобы хорошо запомнить), но при этом

(в) оно бы сохранилось в языках-потомках (а не было утрачено вследствие своей редкости). Вероятность такого сочетания факторов представляется крайне низкой.

В более стандартной, чем на о. Норфолк, ситуации при распаде праязыка — т. е. делении исходной популяции на не общающиеся (или мало общающиеся) между собой группы — фонетические соответствия, с высокой вероятностью, станут регулярными, поскольку в каждой группе, сохраняющей жизнеспособность и необходимый для этого уровень воспроизводства (ср. существующее в биологии понятие «минимальной жизнеспособной популяции» [Сулей 1989]; для крупных приматов она исчисляется по крайней мере тысячами [Harcourt 2002]), будет достаточно говорящих для того, чтобы частотные соотношения (разные для разных групп — потомков исходной популяции) с неизбежностью были усреднены.

10. Способность к распознаванию и ее роль в звуковых изменениях

Для такого усреднения — как и вообще для овладения языком — имеет значение не только частотность сама по себе, но еще и способность людей к распознаванию. Если ребенок, овладевающий языком, сформирует в своем мозге звуковой образ того или иного слова, отличающийся от того, который существует в мозге передающего ему язык взрослого, он будет стремиться подстроить свои артикуляторные движения так, чтобы воспроизводить именно свой вариант.

Обычно в такой ситуации взрослый замечает различие — и повторяет сказанное ребенком, корректируя соответствующий фрагмент в звуковом отношении (см. выше). Но если распознавательных способностей взрослого оказывается недостаточно, он не производит корректировку (и тем самым, не дает дополнительного материала для того, чтобы нужные нейронные связи в мозге ребенка усилились в большей степени, чем те, которые приводят к неправильному произнесению).

Важную роль в процессе овладения языком играет не только способность замечать необходимые акустические различия, но и способность игнорировать различия несущественные. Так, например, японские младенцы в возрасте девяти месяцев разучиваются отличать *r* от *l*, поскольку в японском языке этого различия нет (а американские младенцы с возрастом начинают различать эти звуки все лучше и лучше) [Kuhl et al. 2006]. Интересно, что чем надежнее эта утрата, тем лучше ребенок учится говорить ([Ахутин 2014: 376], ср. тж. [Dick et al. 2016: 379] с лит.): поскольку несущественные различия игнорируются, в распоряжении ребенка оказывается больше экземпляров одного и того же слова — хотя объективно они отличаются друг от друга по своим акустическим характеристикам, они кодируют один и тот же элемент реальности, и игнорирование лишних различий позволяет выучить название этого элемента за меньшее время (а также способствует тому, чтобы соответствующее слово с большей легкостью выделялось из высказываний, что помогает выделять другие слова и овладевать грамматикой).

Таким образом, процесс закрепления определенного звукового образа (точнее, совокупности его существенных черт) за определенным элементом реальности оказывается связан с общими когнитивными принципами восприятия и обработки информации, в частности, с перцептивным циклом Найссера [1981: 42–46]. Принцип перцептивного цикла заключается в следующем: человек воспринимает какое-то количество информации от внешнего мира, строит модель, которая позволяет ему распознать воспринимаемый объект, и проверяет, насколько эта модель совместима с тем, что реально имеется во внешнем мире, приняв еще немного информации от соответствующего объекта; если человек убедится, что различий между предсказаниями модели и новой информацией нет, он будет считать

объект распознанным, если же различия будут, человек перестроит модель и запустит проверку еще раз — и так до тех пор, пока не убедится в отсутствии различий.

У разных людей способность воспринимать различия разная, поэтому разные люди прекращают приближение к исходному прототипу на разных стадиях. Это касается и детей, подстраивающих свою артикуляцию к достижению принятого у предыдущих поколений звукового образа слова, и взрослых, которые либо корректируют произнесенное ребенком, либо нет.

Поскольку распознавание речи происходит «сверху вниз», для правильной интерпретации высказывания нет необходимости слышать все признаки всех входящих в него звуков, и поэтому фонемы могут быть распознаны не по основным, а по дополнительным признакам, а также по их влиянию на соседние сегменты. Соответственно, если говорящий на место исходной фонемы подставит другую, которая будет влиять на соседние сегменты примерно так же, слушающий может не заметить разницы, понимание не будет нарушено, а у говорящего закрепится представление о том, что его произношение правильно. Результатом этого будут переходы звуков в звуки, не очень близкие с точки зрения артикуляции, но производящие сходный акустический эффект, например переход θ в f , зафиксированный во многих английских диалектах [Blevins 2004: 134–135].

Звуки, оказывающие сходное влияние на соседние, реже оказываются противопоставленными в языках мира, чем звуки, которые влияют на своих соседей очень по-разному. Например, лабиализованные, веляризованные, фарингализованные и ретрофлексные согласные сдвигают форманты соседствующих с ними гласных вниз, и языков, где они противопоставляются друг другу, мало (хотя они и возможны, например: в убухском языке различались простые, лабиализованные, фарингализованные и лабиализованно-фарингализованные увулярные согласные) [Ibid.: 137].

Сходство акустического эффекта можно проследить по ослышкам. Как показывают эксперименты, проведенные на бессмысленных слогах, одни ослышки более часты, чем другие. Так, например, *ti* вместо *pi* или *ki* слышат гораздо чаще, чем *pa* вместо *ka*, а услышать *pi* вместо *ti* или *ta* вместо *pa* не удастся практически никому [Ohala 2012: 30], слог *na* отличается от слога *ɲa* меньше, чем любой из них от *ma* — вероятно, именно поэтому контраст $m \sim n$ встречается в языках мира чаще, чем $n \sim \eta$ [Dick et al. 2016: 374].

Поскольку в такой ситуации изменения звуков в звуки другого места образования, но дающие сходный акустический эффект, достаточно вероятны, может быть, имело бы смысл включить в число процедур, применяемых в сравнительно-историческом языкознании при разметке списков базисной лексики потенциально родственных языков, еще один вариант возможной разметки. В нынешней методике лексикостатистики при тестировании языкового родства по спискам базисной лексики применяется автоматическая разметка «фонетической совместимости» (термин введен Г. С. Старостиным [Г. Старостин 2013: 57–60]) слов сравниваемых языков, занимающих одну и ту же позицию в списке базисной лексики, с учетом консонантных классов (разделение согласных на консонантные классы см. в указанной работе [Там же: 185–186]), а также возможных межклассовых переходов [Там же: 192]. Нельзя исключать, что добавление в качестве еще одного из возможных вариантов разметки, которая учитывает в качестве фонетически совместимых звуки, дающие сходный акустический эффект, могло бы помочь обнаружить этимологически тождественные слова, неочевидным образом отличающиеся друг от друга в достаточно отдаленно родственных языках.

Из-за того, что надежное отфильтровывание влияния контекста не всегда оказывается возможным, разные версии системы могут смешиваться друг с другом, отдельные слова могут заимствоваться из одного варианта в другой (иногда с гиперкоррекцией), и это порождает впечатление «лексической диффузии» (процесса фонетических изменений по принципу «слово за словом») [Hale 2003: 356]. Особенности, бывшие изначально характерными для одной ситуации, могут распространяться на другие, ср., например: «Многие эллиптические явления в настоящее время отделились от того фонетического условия

(быстрого темпа), с которым они первоначально были связаны, и выступают в речи при установке говорящего на особую речевую форму — разговорную. Они образуют дополнительный словарь сокращенных высокочастотных морфем и слов (т. н. “аллегро форм”) и набор особых фонетических правил» [Кодзасов 1973: 131].

Слова, обладающие высокой частотностью и высокой предсказуемостью, в произношении редуцируются настолько часто, что возможностей услышать их полное произнесение может оказаться недостаточно для того, чтобы сформировать нейронные связи, кодирующие их исходный вид, но при этом распознаются они вполне успешно, поскольку при такой частотности и/или предсказуемости для распознавания достаточно минимального стимула. Соответственно, нейронные контуры, кодирующие связь редуцированного вида таких слов с соответствующими элементами реальности, оказываются достаточно хорошо наработанными для их безошибочного распознавания. В результате такие слова часто подвергаются нерегулярным фонетическим преобразованиям — такое происходит при грамматикализации, а также в частотных словах типа ‘сегодня’, ‘сейчас’, в приветствиях и других фатических выражениях.

Контексты, где слово предсказуемо, способствуют меньшей четкости произношения [Ernestus 2014]. Тем не менее для большинства слов люди, даже слыша множество нечетких произнесений, оказываются в состоянии запомнить полный вариант. Причина этого, по-видимому, не только в том, что в речи, обращенной к ребенку, используется полный вариант, но также и в следующем. При наличии в языке более и менее редуцированного варианта произнесения того или иного слова менее редуцированный вариант выбирается в тех позициях, где у слушателя меньше шансов распознать соответствующее слово по контексту. Это было показано, например, Е. И. Риехакайнен на материале выпадения согласного между гласными в формах типа *ходит*, *водит*, *гладит* [Риехакайнен 2016: 178–180, 185–188], а также на материале произношения типа *када* ‘когда’ и *тока* ‘только’ [Риехакайнен 2020] (ср. тж. [Keating et al. 2004]). Например, даже для таких частотных слов, как *когда* или *только*, в позиции после паузы или вдоха, где это слово само образует контекст, к которому будет привязано распознавание следующих слов, произношение типа *када* или *тока* встречается гораздо реже. Соответственно, именно такие позиции наилучшим образом подходят для соотнесения определенного фонетического облика с определенным смыслом, и именно поэтому, несмотря на то что аллеговое произношение встречается часто, дети оказываются в состоянии усвоить полное произношение.

Именно поэтому, несмотря на наличие в языке регистров, использующих аллеговое произношение, нерегулярное развитие бывает ограничено очень узким кругом слов и грамматических морфем.

Кроме того, во многих случаях запоминанию полного варианта произнесения способствует то, что соответствующая морфема встречается в словах разной степени частотности и предсказуемости, так что хотя бы в каких-то употреблениях ее полный вариант оказывается доступен. До тех пор, пока сохраняется ощущение, что морфема — та же самая (т. е. оба варианта звуковой волны активируют нейроны, связанные с одним и тем же смыслом), возможность перехода от аллегового произнесения к полному сохраняется.

Впрочем, стоит отметить, что привычное для взрослого языка соотношение между полными и аллеговыми формами устанавливается достаточно поздно: дети четырех-шести лет не демонстрируют сколько-нибудь последовательно проведенного различия между разными типами произношения в начале и в середине элементарных дискурсивных единиц, а обычно используют либо полный, либо аллеговый вариант во всех случаях [Риехакайнен 2020]; вероятно, умение пользоваться разными вариантами произношения в зависимости от того, насколько успешно слушающий сможет распознать соответствующую форму в том или ином контексте, приходится на более поздние стадии усвоения родного языка.

Наиболее сложны для наработки нейронных контуров случаи, когда пространства реализации для разных фонем перекрываются и нет возможности распределить разные варианты произнесения в зависимости от контекста, регистра речи или характеристик

говорящего. В результате могут возникнуть ситуации, описываемые как «недослияния» (near-mergers, [Ringe, Eska 2013: 102–103]): фонемы, на каком-то этапе практически совпавшие («облака возможностей» перекрываются, говорящие уверены, что произносят одинаково, хотя в эксперименте отличают одну фонему от другой с вероятностью выше случайной), впоследствии вновь оказываются различными. Впрочем, как показывают исследования, в таких случаях можно бывает ориентироваться не только по двум главным компонентам или первым двум формантам, но и по каким-то иным признакам, например, по траектории движения характеристик звука [Sandoval et al. 2019] или по наличию дифтонгизации [Scanlon, Wassink 2010] — и это обуславливает возможность для «почти совпавших» фонем различаться достаточно надежно, чтобы через некоторое время вновь разойтись.

Не исключено, что в результате такого рода процессов отдельные слова могут заимствоваться из одного варианта произношения в другой, что может приводить к нарушению регулярности соответствий. Но для того, чтобы такое произошло, необходимо, чтобы эти слова, с одной стороны, встречались достаточно часто, чтобы быть твердо запомненными именно в таком варианте, а с другой — не настолько часто, чтобы подвергнуться регуляризации под влиянием более распространенного варианта произношения. Вероятность этого представляется низкой.

Возможно, здесь может играть роль то, что фонемы являются «статистически неплотной» категорией: в отличие от «статистически плотных» категорий (т. е. таких, члены которых похожи друг на друга по огромному множеству взаимно скоррелированных параметров), распознавание представителей статистически неплотных категорий происходит по признакам, нуждается в обратной связи и происходит за счет других мозговых механизмов [Sloutsky 2010]. Как кажется, фонемы соответствуют определению статистически неплотной категории: человеку, овладевающему языком, необходимо абстрагироваться от огромного количества незначимых (и мало коррелирующих друг с другом) акустических признаков, связанных с полом, возрастом, эмоциональным состоянием говорящего, темпом речи, окружающими шумами и т. д., и ориентироваться на ограниченный набор дифференциальных признаков; в роли обратной связи выступает, во-первых, понимание (или его отсутствие), во-вторых, корректировки со стороны окружающих (см. [Бурлак 2014]) и, возможно, прямые указания на неправильность произношения (такие, как дразники в одних культурах или занятия с логопедом в других).

Вероятно также, что перекрытия «облаков возможностей» соседних фонем встречаются с неодинаковой частотой в разных социальных группах и кругах общения (социальных сетях), так что для каждого отдельного ребенка либо перекрытие отсутствует вовсе, либо частотность попадающих в зону перекрытия произнесений настолько мала, что отличие одной фонемы от другой формируется с достаточной надежностью.

Если же перекрытие «облаков возможностей» разных фонем встречается большинству носителей языка достаточно часто и возможности ориентироваться по дополнительным характеристикам нет (или она не используется), то это должно, скорее всего, привести к исчезновению различия между соответствующими фонемами: если между реализациями одной и другой фонемы нет четкого зазора, «облака возможностей» перекрываются, возможны «выбросы», когда одна из фонем реализуется в зоне, характерной для другой (см. выше рис. 2 из работы [Labov et al. 1991]), едва ли можно ожидать, чтобы в мозге сформировался надежный способ отличения этих фонем друг от друга. Как отмечается в работе [Ringe, Eska 2013: 48], если человеку в своем языковом опыте приходится встречаться как с совпадением каких-то фонем, так и с тем, что они различаются (например, в соседних ареалах или в разных регистрах или социолектах), скорее всего, распространяться будет слияние, а не различение, поскольку понимать тех, кто произносит один звук вместо другого, проще, чем догадываться, в каких словах следует вместо одного привычного звука произносить другой (и тенденция игнорировать соответствующие различия как незначимые имеет все шансы победить тенденцию к различению).

Заключение

Стоит также отметить, что вариативность, хоть и присутствует во всех языках, тем не менее ограничивается достаточно узкими рамками [Ibid.: 19], и это накладывает ограничения на возможные изменения. Устройство человеческого мозга и механизмы языкового наследования определяют то, что не любые две фонемы могут переходить одна в другую, не любое количество вариантов произнесения одной фонемы имеет шанс фонологизоваться в качестве отдельных фонем, не любые слова оказываются настолько частотными, чтобы в них фонетические изменения могли идти не тем путем, что в прочих частях языка, и не любое количество таких слов может быть в языке в каждый данный момент времени. Тем самым, если та или иная компаративистическая гипотеза предполагает полную хаотичность звуковых изменений, она входит в противоречие с реальностью языкового развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 — второе лицо

DIM — диминутив

ILL — иллатив

PART — причастие

PAST — прошедшее время

PL — множественное число

PRS — настоящее время

SG — единственное число

SUBST — существительное

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахутина 2014 — Ахутина Т. В. *Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Akhutina T. V. *Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic analysis of lexics, semantics, and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.]
- Беликов 1998 — Беликов В. И. *Пиджины и креольские языки Океании: Социолнгвистический очерк*. М.: Восточная литература, 1998. [Belikov V. I. *Pidzhiny i kreol'skie yazyki Okeanii: Sotsiolingvisticheskii ocherk* [Pidgin and creol languages of Oceania: A sociolinguistic study]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998.]
- Бурлак 2014 — Бурлак С. А. Коррекция речевой продукции собеседника в разговорах взрослых. *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*. Александров Ю. И., Анохин К. В., Величковский Б. М., Кибрик А. А., Крылов А. К., Мазурова Ю. В., Федорова О. В., Черниговская Т. В. (ред.). Калининград: МАКИ, 2014, 187–188. [Burlak S. A. Corrections of the interlocutor's speech production in adult conversation. *Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Conf. proc. Aleksandrov Yu. I., Anokhin K. V., Velichkovskii B. M., Kibrik A. A., Krylov A. K., Mazurova Yu. V., Fedorova O. V., Chernigovskaya T. V. (eds.).* Kaliningrad: Interregional Association of Cognitive Studies, 2014, 187–188.]
- Бурлак 2016 — Бурлак С. А. Роль правила Хебба в языковых изменениях. *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*. Александров Ю. И., Анохин К. В. (отв. ред.). М.: Институт психологии РАН, 2016, 182–184. [Burlak S. A. The role of the Hebb's rule in language change. *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Conf. proc. Aleksandrov Yu. I., Anokhin K. V. (eds.).* Moscow: Institute of Psychology, 2016, 182–184.]
- Бурлак 2021 — Бурлак С. А. Глоттогенез как результат самоорганизации. *МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин*, 2021, 11: 194–212. [Burlak S. A. Glottogenesis as a result of emergence process. *METHOD: Moscow Quarterly of Social Studies*, 2021, 11: 194–212.]
- Бурлак, С. Старостин 2005 — Бурлак С. А., Старостин С. А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Академия, 2005. [Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Historical and comparative linguistics]. Moscow: Academia, 2005.]

- Даниэль 2019 — Даниэль М. А. Социолингвистика. *Введение в науку о языке*. Федорова О. В., Татевосов С. Г. (ред.) М.: Буки Веди, 2019, 358–373. [Daniel M. A. Sociolinguistics. *Vvedenie v nauku o yazyke*. Fedorova O. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2019, 358–373.]
- Дубровинская 2009 — Дубровинская Н. В. Развитие речи и организация вербальной деятельности. *Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка*. Фарбер Д. А., Безруких М. М. (ред.). М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2009, 327–370. [Dubrovinskaya N. V. Speech development and verbal activity organization. *Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka*. Farber D. A., Bezrukhikh M. M. (eds.). Moscow: Moscow Psychological and Social Univ. Press, 2009, 327–370.]
- Живлов 2006 — Живлов М. А. Реконструкция праобско-угорского вокализма. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006. [Zhvlov M. A. *Rekonstruktsiya praobsko-ugorskogo vokalizma* [Reconstruction of Proto-Ob-Ugric vocalism]. Cand. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Исаев 2015 — Исаев И. И. Опыт акустического анализа зоны артикуляции гласных в ярославском говоре. *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 17. М.: Институт славяноведения РАН, 2015, 227–243. [Isaev I. I. Acoustic analysis of vowel articulation zone in Yaroslavl dialect. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii*. Vol. 17. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015, 227–243.]
- Кодзасов 1973 — Кодзасов С. В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. *Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики*. М.: Изд-во МГУ, 1973, 109–133. [Kodzasov S. V. Phonetic ellipsis in Russian colloquial speech. *Teoreticheskie i eksperimental'nye issledovaniya v oblasti strukturnoi i prikladnoi lingvistiki*. Moscow: Moscow Univ. Press, 1973, 109–133.]
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика*. М.: РГГУ, 2001. [Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Мейе 1907/1938 — Мейе А. *Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков*. Кудрявский Д. (пер.). М.; Л.: ОЦЭКИЗ, 1938. [Meillet A. *Vvedenie v sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie indoevropeiskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of the Indo-European languages]. Kudryavskii D. (trans.). Moscow; Leningrad: OTsEKIZ, 1938.]
- Найссер 1981 — Найссер У. *Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии*. Лучкова В. В. (пер.), Величковский Б. М. (ред.). М.: Прогресс, 1981. [Neisser U. *Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii* [Cognition and reality: Principles and implications of cognitive psychology]. Luchkova V. V. (trans.), Velichkovskii B. M. (ed.). Moscow: Progress, 1981.]
- Риехакайнен 2016 — Риехакайнен Е. И. *Восприятие русской устной речи: контекст + частотность*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. [Riekhakainen E. I. *Vospriyatie russkoi ustnoi rechi: kontekst + chastotnost'* [Perception of Russian oral speech: context + frequency]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2016.]
- Риехакайнен 2020 — Риехакайнен Е. И. Реализации интервокальных консонантных кластеров в частотных словах русского языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 2020, 17(4): 672–690. [Riekhakainen E. I. Realization of intervocalic consonant clusters in frequent words of the Russian language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2020, 17(4): 672–690.]
- Скорик 1961 — Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка*. Ч. 1. *Фонетика и морфология именных частей речи*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chuckchi grammar]. Part 1. *Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi* [Phonetics and morphology of nominal categories]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961.]
- Г. Старостин 2013 — Старостин Г. С. *Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации*. Т. 1. *Методология. Койсанские языки*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Starostin G. S. *Yazyki Afriki. Opyt postroeniya leksikostatisticheskoi klassifikatsii* [Languages of Africa: A new lexicostatistical classification]. Vol. 1. *Metodologiya. Koisanskie yazyki* [Methodology. Khoisan languages]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.]
- Сулей 1989 — Сулей М. *Жизнеспособность популяций (Природоохранные аспекты)*. Лапшин О. М., Михеев В. Н. (пер.). М.: Мир, 1989. [Soule M. *Zhiznesposobnost' populyatsii (Prirodookhrannye aspekty)* [Viable Populations for Conservation]. Lapshin O. M., Mikhchev V. N. (trans.). Moscow: Mir, 1989.]

- Цейтлин 2000 — Цейтлин С. Н. *Язык и ребенок. Лингвистика детской речи*. М.: ВЛАДОС, 2000. [Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoi rechi* [Language and child: Child speech linguistics]. Moscow: VLADOS, 2000.]
- Bailey 1973 — Bailey C.-J. *Variation and linguistic theory*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1973.
- Blevins 2004 — Blevins J. *Evolutionary phonology: The emergence of sound patterns*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Brown, Jernigan 2012 — Brown T. T., Jernigan T. L. Brain development during the preschool years. *Neuropsychology Review*, 2012, 22: 313–333.
- Buchstaller et al. 2013 — Buchstaller I., Corrigan K. P., Holmberg A., Honeybone P., Maguire W. T-to-R and the Northern Subject Rule: Questionnaire-based spatial, social and structural linguistics. *English Language and Linguistics*, 2013, 17(1): 85–128.
- Bybee 1994 — Bybee J. L. A view of phonology from a cognitive and functional perspective. *Cognitive linguistics*, 1994, 5–4: 285–305.
- Bybee 2006 — Bybee J. L. *Frequency of use and the organization of language*. New York: Oxford Univ. Press, 2006.
- Campbell 2004 — Campbell L. *Historical Linguistics: An introduction*. 2nd edn. Cambridge (MA): MIT Press, 2004.
- Cox et al. 2023 — Cox C., Bergmann C., Fowler E., Keren-Portnoy T., Roepstorff A., Bryant G., Fusaroli R. A systematic review and Bayesian meta-analysis of the acoustic features of infant-directed speech. *Nature. Human Behaviour*, 2023, 7: 114–133.
- D’Arcy 2015 — D’Arcy A. Variation, transmission, incrementation. *The Oxford handbook of historical phonology*. Honeybone P., Salmons J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 583–602.
- Davies, Gardner 2010 — Davies M., Gardner D. *A frequency dictionary of contemporary American English. Word sketches, collocates, and thematic lists*. London: Routledge, 2010.
- Dick et al. 2016 — Dick F., Krishnan S., Leech R., Curtin S. Language development. *Neurobiology of language*. Hickok G., Small S. L. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2016, 373–388.
- Dediu, Moisik 2019 — Dediu D., Moisik S. R. Pushes and pulls from below: Anatomical variation, articulation and sound change. *Glossa: A journal of general linguistics*, 2019, 4(1): 1–33.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. thesis. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Ernestus 2014 — Ernestus M. Acoustic reduction and the roles of abstractions and exemplars in speech processing. *Lingua*, 2014, 142: 27–41.
- Guy 2003 — Guy G. R. Variationist approaches to phonological change. *The handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003, 369–400.
- Foulkes, Vihman 2015 — Foulkes P., Vihman M. First language acquisition and phonological change. *The Oxford handbook of historical phonology*. Honeybone P., Salmons J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 289–312.
- Fundamental 2008 — Squire L. R., Berg D., Bloom F., du Lac S., Ghosh A., Spitzer N. C. (eds.). *Fundamental Neuroscience*. 3^d edn. Amsterdam: Elsevier, 2008.
- Hale 2003 — Hale M. Neogrammarian sound change. *The handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003, 343–368.
- Harcourt 2002 — Harcourt A. H. Empirical estimates of minimum viable population sizes for primates: tens to tens of thousands? *Animal Conservation Forum*, 2002, 5(3): 237–244.
- Hay, Foulkes 2016 — Hay J., Foulkes P. The evolution of medial (-t-) in real and remembered time. *Language*, 2016, 92(2): 298–330.
- Hebb 1949 — Hebb D. O. *The organization of behavior: A neuropsychological theory*. New York: John Wiley & Sons; London: Chapman & Hall, 1949.
- Henrich 2016 — Henrich J. *The secret of our success*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2016.
- Hock 2021 — Hock H. H. *Principles of historical linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021.
- Idsardi, Monahan 2016 — Idsardi W. J., Monahan P. J. Phonology. *Neurobiology of language*. Hickok G., Small S. L. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2016, 141–151.
- Kadushin 2012 — Kadushin C. *Understanding social networks: Theories, concepts, and findings*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Keating et al. 2004 — Keating P., Cho T., Fougeron C., Hsu C.-S. Domain-initial articulatory strengthening in four languages. *Laboratory Phonology VI*. Gussenhoven C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004, 145–162.

- Kuhl et al. 2006 — Kuhl P. K., Stevens E., Hayashi A., Deguchi T., Kiritani S., Iverson P. Infants show a facilitation effect for native language phonetic perception between 6 and 12 months. *Developmental Science*, 2006, 9(2): F13–F21.
- Laalo, Argus 2020 — Laalo K., Argus R. Linguistic recycling in language acquisition. Child-directed speech and child speech in the study of language acquisition. *Linguistic recycling: The process of quoting in increasingly mediatized settings*. Haapanen L., Perrin D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020, 86–103.
- Labov 2010 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 3. *Cognitive and cultural factors*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Labov et al. 1991 — Labov W., Karen M., Miller C. Near-mergers and the suspension of phonemic contrast. *Language Variation and Change*, 1991, 3(1): 33–74.
- Ladefoged 1967 — Ladefoged P. *Three areas of experimental phonetics: Stress and respiratory activity, the nature of vowel quality, units in the perception and production of speech*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1967.
- Macedonia, Kepler 2013 — Macedonia M., Kepler J. Three good reasons why foreign language instructors need neuroscience. *Journal of Studies in Education*, 2013, 3(4): 1–20.
- J. Milroy 1983 — Milroy J. On the sociolinguistic history of H-dropping in English. *Current topics in English historical linguistics*. Davenport M., Hansen E., Nielsen H. F. (eds.). Odense: Odense Univ. Press, 1983, 37–53.
- L. Milroy 1980 — Milroy L. *Language and social networks*. Oxford: Basil Blackwell, 1980.
- L. Milroy, Gordon 2008 — Milroy L., Gordon M. The concept of social network. *Sociolinguistics: Method and interpretation*. Oxford: Blackwell, 2008, 116–133.
- Narayan 2013 — Narayan C. Developmental perspectives on phonological typology and sound change. *Origins of sound change. Approaches to phonologization*. Yu A. C. L. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 128–146.
- Nikolayev, S. Starostin 1994 — Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North-Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.
- Ohala 2012 — Ohala J. J. The listener as a source of sound change: An update. *The initiation of sound change. Perception, production, and social factors*. Solé M.-J., Recasens D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012, 21–35.
- Osthoff, Brugmann 1878 — Osthoff H., Brugmann K. *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. Bd. I. Leipzig: Hirzel, 1878.
- Phillips 2015 — Phillips B. S. Lexical diffusion in historical phonology. *The Oxford handbook of historical phonology*. Honeybone P., Salmons J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 359–373.
- Pierrehumbert 2016 — Pierrehumbert J. B. Phonological representation: Beyond abstract versus episodic. *Annual Review of Linguistics*, 2016, 2: 33–52.
- Pulvermüller, Fadiga 2016 — Pulvermüller F., Fadiga L. Brain language mechanisms built on action and perception. *Neurobiology of language*. Hickok G., Small S. L. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2016, 311–324.
- Reiss 2022 — Reiss C. Conquer primal fear: Phonological features are innate and substance-free. *Canadian journal of linguistics / Revue canadienne de linguistique*, 2022, 67(4): 581–610.
- Ringe, Eska 2013 — Ringe D., Eska J. F. *Historical linguistics: Toward a twenty-first century reintegration*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Roy et al. 2015 — Roy B. C., Frank M. C., DeCamp P., Miller M., Roy D. Predicting the birth of a spoken word. *Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015, 112(41): 12663–12668.
- Sachs et al. 1981 — Sachs J., Bard B., Johnson M. L. Language learning with restricted input: Case studies of two hearing children of deaf parents. *Applied Psycholinguistics*, 1981, 2(1): 33–54.
- Salmons et al. 2012 — Salmons J., Fox R., Jacewicz E. Prosodic skewing of input and the initiation of cross-generational sound change. *The initiation of sound change. Perception, production, and social factors*. Solé M.-J., Recasens D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012, 167–184.
- Sandoval et al. 2019 — Sandoval S., Utianski R. L., Lehnert-LeHouillier H. Average formant trajectories. *Perspectives of the ASHA Special Interest Groups*, 2019, 4(9): 1–14.
- Scanlon, Wassink 2010 — Scanlon M., Wassink A. B. Using acoustic trajectory information in studies of merger. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2010, 16(2): 19.
- Schacter 2022 — Schacter D. L. Constructive memory: Past and future. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2022, 14(1): 7–18.

- Sinclair, Barensen 2019 — Sinclair A. H., Barensen M. D. Prediction error and memory reactivation: How incomplete reminders drive reconsolidation. *Trends in Neurosciences*, 2019, 42(10): 727–739.
- Sloutsky 2010 — Sloutsky V. M. From perceptual categories to concepts: What develops? *Cognitive Science*, 2010, 34(7): 1244–1286.
- Sóskuthy et al. 2018 — Sóskuthy M., Foulkes P., Hughes V., Haddican W. Changing words and sounds: The roles of different cognitive units in sound change. *Topics in Cognitive Science*, 2018, 10(4): 787–802.
- Stanford 2015 — Stanford J. N. Language acquisition and language change. *The Routledge handbook of historical linguistics*. Bower C., Evans B. (eds.). London: Routledge, 2015, 466–483.
- S. Starostin et al. 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An etymological dictionary of Altaic languages*. Leiden: Brill, 2003.
- Stephens 2022 — Stephens M. Learning pronunciation while observing the face. *Mind, brain and education*, 2022, 8(5): 32–37.
- Stoll 2009 — Stoll S. Crosslinguistic approaches to language acquisition. *The Cambridge handbook of child language*. Bavin E. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009, 89–104.
- Thomas 1996 — Thomas P. W. *Gramadeg y Gymraeg*. Cardiff: Gwasg Prifysgol Cymru, 1996.
- Tomasello 2003 — Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based approach to language acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- Wells 1982 — Wells J. C. *Accents of English*. Vol. 1: *An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- Zellou, Tamminga 2014 — Zellou G., Tamminga M. Nasal coarticulation changes over time in Philadelphia English. *Journal of Phonetics*, 2014, 47: 18–35.

Получено / received 16.11.2023

Принято / accepted 12.03.2024

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 99.99.2024. Дата выхода в свет 99.99.2024. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л.: 99,9. Уч.-изд. л. 99,9. Тираж 999 экз. Заказ 999. Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-03 -24 ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1